

Часть третья.

Идеалы и

действительность

- I. Под чужим именем
- II. И современная наука
- III. Государство или общество?

I. Под чужим именем

Через Норвегию - в Англию

Без помех он проехал через Финляндию, Швецию и прибыл в Христианию¹, раскинувшуюся на берегу живописного Ослофиорда, несомненно, сотворенного ледниками. О беглеце сообщили во все портовые города, и названа была его главная примета - пышная русая борода. То обстоятельство, что Кропоткин ее сбрил, пожалуй, и позволило ему остаться неузнанным.

1 Так в 1624-1924 гг. назывался г. Осло, столица Норвегии.

Пять лет минуло с того времени, когда он прошел по финским болотам пешком вдоль строившейся железной дороги в поисках следов оледенения и нашел их. Фундаментальный труд, содержащий теорию последнего оледенения Земли, над которым он продолжал работать в Петропавловской крепости, был завершен. Друзья рассказали ему, что Александр вместе с Иваном Поляковым отредактировал рукопись и подготовил ее к печати. Когда состоялся побег, ее уже начали набирать в типографии Стасюлевича.

Совместимо ли его теперешнее положение с научной работой? Время покажет. Пока же он думает не о продолжении занятий наукой, а о том, как быстрее возвратиться в Россию, где ему, конечно же, придется жить в подполье, и уж вряд ли будет возможность появиться в Географическом обществе...

Несколько дней, проведенных в Христиании, были посвящены знакомству с жизнью норвежской столицы. Тогда самостоятельной, независимой Норвегии еще не существовало. Была уния со Швецией: общий король, общее правительство, но был свой парламент (стортинг). Положение Христиании по отношению к Стокгольму чем-то напомнило Кропоткину Иркутск, некоторая самостоятельность которого сохранялась, благодаря значительной его удаленности от столичного Петербурга. В Норвегии важную роль играло еще и то, что норвежские крестьяне не знали крепостного права. Они боролись за свои права с полным сознанием своего достоинства, не испытав унижения рабством. Их интересы отстаивала в стортинге особая крестьянская партия, издававшая свою газету. Не то что в России, где, например, «чайковцы» жестоко поплатились за одну лишь попытку объяснить людям физического труда элементарные их права.

На пароход Кропоткин сел в старинном порту Бергене, одном из городов средневекового торгового ганзейского союза. Там же простился с Марком Натансоном, который сопровождал его. С ним многое обсудили, пересекая Финляндию. Умелый, волевой организатор, он проведет потом лет пятнадцать в ссылке и станет одним из основателей партии социалистов-революционеров (эсеров), «наследницы» народников и народолюбцев.

А на палубе парохода, куда Кропоткину удалось пробраться незамеченным, он разговаривал с одним профессором их Христиании. Говорили по-норвежски. Подобно Паганелю Жюля Верна, выучившему португальский вместо испанского, Петр Алексеевич думал, что изучает шведский язык, готовясь на петербургских дачах к поездке. Оказалось - норвежский, и кстати... Норвежец дал Кропоткину газету с отчетом о только что возвратившейся из Северной Атлантики экспедиции профессора Мона, исследовавшей глубоководную часть океана. Сразу возникла мысль предложить английское изложение статьи известному английскому научно-популярному журналу «Nature», с которым Кропоткин предполагал наладить сотрудничество.

Еще в 1871 году в этом журнале была напечатана его небольшая статья о полярных сияниях на Байкале, подписанная английскими буквами «P. K.» Он надеялся, что по этой заметке его вспомнят, и он сможет продолжить работу, подписываясь другими инициалами. А. Л. Ведь теперь у него был паспорт «чайковца» Александра Левашова, того самого, что сыграл роль кучера при его побеге. Теперь, как и Кравчинский, Левашов, уехал на помощь повстанцам Сербии, поднявшимся против турецкого угнетения.

Итак, один, с чужим паспортом, гладко выбритый, в цилиндре, вышел Кропоткин на берег в Гулле. Опасаясь, что и в этот порт проникли царские ищейки, он сразу же выехал в Эдинбург, шотландскую столицу, где снял небольшую комнату на окраине города. Первую, написанную по-английски заметку о путешествиях русского географа Н. М. Пржевальского* в Центральной Азии Кропоткин послал сразу в газету «Times» и в журнале «Nature».

Спасительный журнал «Nature»

В «Times» она появилась немедленно, журнал тоже принял заметку к публикации. Кропоткин решил, что сможет таким путем что-то зарабатывать, но для этого лучше поселиться в Лондоне, поближе к редакциям. Несмотря на риск быть опознанным, он переехал в английскую столицу и пришел в редакцию «Nature». Секретарю редакции Джону Скотт-Келти он представился русским географом Левашовым. Тот принял бывшего сотрудника Русского географического общества очень тепло и предложил работу: просматривать все получаемые редакцией журналы и на выбор реферировать статьи по географии. Кропоткину был выделен стол, на который складывалась поступавшая периодика.

Левашов- Кропоткин приступил к работе. Первая заметка - о норвежской экспедиции, измерявшей глубины в Северной Атлантике, за ней последовали краткие отчеты об экспедициях русских географов и обсуждения их результатов.

Поначалу были немалые трудности с языком, и каждую заметку приходилось переписывать по три, а то и по четыре раза. Еженедельно, если выполнялась «норм», платили небольшой гонорар, вполне достаточный, чтобы существовать на него. Но если заметок в номере не было, то не было и гонорара. Кропоткин тогда «довольствовался чаем и хлебом».

Однажды Скотт Келти предложил Левашову для рецензии две книги «некоего русского географа» П. А. Кропоткина, первая - «Общий очерк географии Восточной Сибири», изданная в прошлом году, вторая - «Исследования о ледниковом периоде» только что вышедшая в Петербурге. Петру Алексеевичу пришлось признаться, что он и есть автор этих книг. Скотт-Келти читал в газетах о побеге князя Кропоткина и был очень рад, что новый автор журнала оказался столь известным человеком. И не только как узник русского царизма, но и как ученый. «Вам не обязательно хвалить или ругать эти книги, расскажите просто, о чем они», - посоветовал Скотт Келти, проявляя участие. С тех пор они стали друзьями. Впоследствии Келти был избран секретарем Королевского географического общества, и его именем был назван один из островов Земли Франца-Иосифа, открытой австро-венгерской экспедицией Ю. Пайера и К. Вайпрехта, но за год до этого «предвиденной» Н. Шиллингом и П. Кропоткиным.

Заметки Кропоткина продолжали публиковаться регулярно и в журнале, и в газете. Сначала они подписывались буквами «А. Л.», потом шли без подписи, а затем все чаще стали появляться инициалы Р. К. Так подписаны статьи «Русский исследователь в Азии прошлым летом» (о Н. М. Пржевальском), «Первый съезд русских натуралистов», «Плавание адмирала С. О. Макарова», рецензия на книгу Х. Вуда «Берега Аральского моря» и другие.

Давний его знакомый Адольф Эрик Норденшельд совершил плавание на судне «Proven» в устье Енисея и готовился к переходу северо-восточным морским путем в Тихий океан - вдоль северных берегов Сибири. Кропоткин отправил Норденшельду письмо, в котором просил прислать материалы плавания к устью Енисея: «Поскольку я пишу для английских научных журналов, то был бы очень рад получить сообщения шведской прессы о Вашем последнем путешествии... чтобы тотчас рассказать о них английской публике, - не говоря уже о моем давнем интересе к Вашим смелым путешествиям...»

Позже, когда Норденшельд прошел на шхуне «Вега» Северный морской путь за две навигации и выпустил книгу об этой экспедиции, Кропоткин поместил в «Nature» пространную рецензию на нее. Он отметил историческое значение плавания «Веги», и рассказал о научных результатах ледового похода и о самом организаторе экспедиции. Норденшельд фактически выполнил план, задуманный Кропоткиным, и, больше того, повторил традицию кропоткинских экспедиций: не только прошел неизведанным путем, но на этом пути сделал немало открытий.

Той первой осенью в Лондоне состоялась встреча Кропоткина с человеком, о котором, пожалуй, чаще всего говорили в кружке «чайковцев», - с Петром Лавровым. На улицах Лондона продавалась издававшаяся им газета «Вперед!», и первое, что Кропоткин прочитал в ней, был некролог, посвященный Михаилу Бакунину, написанный Лавровым. Кропоткину некролог не понравился, но газету все же стал читать регулярно. И вот однажды в рубрике «почтовый ящик» он увидел мелким шрифтом напечатанное приглашение господину К. зайти в редакцию для получения письма из России. Вероятность того, что это относится к нему, была очень велика, и Кропоткин отправился по адресу, указанному в газете.

Дверь открыла женщина, у которой он спросил, можно ли видеть господина Лаврова. Себя же Кропоткин не назвал, но дама почему-то его сразу узнала, приняв, как потом

выяснилось, за брата Александра, которого все в редакции хорошо знали и любили. Безбородый Петр оказался особенно похож на него. Недоразумение устранил вышедший навстречу с дружескими объятиями никогда не видевший его Лавров.

Конечно, он стал предлагать сотрудничать в газете, где уже активно работал только что вырвавшийся из сибирской ссылки и проходивший по «каракозовскому» и «нечаевскому» делам Варлаам Черкезов. Ему помог бежать из России тот же доктор Веймар. Черкезов вел в газете Лаврова отдел внутреннего обозрения «За две недели». Кропоткину, однако, хотелось быть ближе к бакунистам, к практической революционной работе. Он написал письмо своему старому швейцарскому другу, Джеймсу Гильому. Получив ответ с приглашением приехать, Кропоткин в начале 1877 года отправляется в Швейцарию.

В центре Европы

Поселившись в городе Шо-де-Фон, Петр Алексеевич вступил в одну из артелей часовщиков, решив освоить эту профессию настолько, чтобы иметь возможность зарабатывать ею. Кое-каких успехов в этом деле достиг и отремонтировал несколько часов. В частности, он оказал такую услугу Георгию Плеханову, который впоследствии шутил, что у него, марксиста, часы отремонтированы анархистом Кропоткиным (с точки зрения Плеханова, врагом порядка и точности), а идут тем не менее - безошибочно.

Позиция Юрской федерации во взглядах на государство с самого начала отличалась от установок Генерального совета Интернационала, руководимого Карлом Марксом. Социал-демократы считали необходимым использовать государственную машину для строительства социалистического общества, допуская ее отмирание лишь в далеком будущем. По мнению анархистов Юры, революция должна сразу покончить с государством, остающимся, по их мнению, эксплуататором народа при любых условиях.

В 1872 году на Гаагском конгрессе Интернационала, когда еще жив был Бакунин, вся Юрская федерация большинством голосов была исключена из Международного товарищества рабочих, после чего оно практически перестало существовать. Остался лишь Генеральный совет, переехавший в Нью-Йорк. Юрская федерация, так же, как Испанская, Итальянская и Бельгийская, находившиеся под влиянием Бакунина, продолжали действовать уже без него: великий анархист умер в Берне 1 июля 1876 года, в 62 года. В этот день Кропоткин находился еще в тюремном госпитале, и до его побега оставалось чуть меньше месяца.

Федерация Юры издавала бюллетень, редактировавшийся Джеймсом Гильомом. Этот школьный учитель, соратник Бакунина, стал близким другом Кропоткина еще в первый его приезд в Швейцарию, в 1872 году. Теперь он познакомился с французским географом и анархистом по убеждению Жан-Жаком Элизе Реклю*, участником разгромленной Парижской Коммуны, с другими бывшими коммунарами - учителем Густавом Лефрансе, автором книги о Коммуне Бенуа Малоном; с друзьями Бакунина - итальянцами Карло Кафиеро и Энрике Малаеста.

И еще с одним, родственным по духу человеком, удалось встретиться в Швейцарии - с Львом Ильичем Мечниковым*, только что приехавшим из Японии, где он прожил два года, читая лекции в университете.

Как Реклю и Кропоткин, Мечников был географом и убежденным анархистом. Все трое стремились объединить анархизм с наукой, но если первые двое видели путь через развитие человеческих отношений, то Мечников считал, что первична географическая среда, которая и определяет социальную жизнь людей.

Еще в 1873 году Кропоткин опубликовал в петербургском сборнике «Знание» рецензию на появившийся на русском языке двухтомник Э. Реклю «Земля». Теперь он подружился с этим человеком. Как и Кропоткин, Э. Реклю несколько лет провел в трудной экспедиции: он исследовал природу в джунглях Амазонки. Как и Кропоткин, он стал анархистом, познав, что в природе господствует закон взаимосвязей и зависимостей, а в живом мире - взаимопомощь и солидарность.

Пройдет 32 года, и в журнале Королевского Географического общества в Лондоне появится некролог Э. Реклю, написанный Кропоткиным. Три десятилетия дружбы и сотрудничества двух единомышленников - знаменательный факт в истории науки.

Довольно много в Швейцарии находилось и русских эмигрантов. Члены разгромленной в 1863 году подпольной организации «Земля и Воля» - Николай Серно-Соловьевич и Николай Утин - активно сотрудничали в Интернационале, оказавшись в оппозиции к Бакунину. После того, как Серно-Соловьевич покончил жизнь самоубийством, ведущая роль в деятельности русской эмигрантской колонии перешла к Николаю Утину, с которым Кропоткин встречался еще в 1872 году. Сын миллионера-откупщика, получивший университетское образование в Петербурге, он примкнул к социалистам и отдал много энергии русской секции Интернационала, которая находилась в Женеве. Утин переписывался с Марксом, встречался с ним. Секция была утверждена Генеральным советом, но просуществовала недолго. Постепенно Утин отошел от революционных дел, а затем, написав прошение на имя шефа жандармов Н. В. Мезенцова, получил разрешение вернуться в Россию, где работал до конца жизни инженером на одном из заводов Урала.

Позже в русскую эмиграцию влились участники по существу новой революционной организации «Земля и Воля», возродившейся в 1876 году. В нее вошли и избежавшие ареста «чайковцы». Через три года из-за серьезных разногласий организация раскололась на две: более умеренный «Черный передел» и «Народную Волю», которая ставила своей целью немедленное свержение самодержавия, захват власти и передачу ее в руки народа.

Друзья Кропоткина Дмитрий Клеменц, Лев Тихомиров, Николай Морозов, Софья Перовская, Сергей Кравчинский стали активными деятелями «Народной воли». Работая нелегально в России, они периодически приезжали по делам организации в Швейцарию. Но из всех русских «своим» юрцы считали только Кропоткина.

18 марта 1877 года, в день шестилетней годовщины Парижской Коммуны он принял участие в демонстрации в Берне. Юрцы вышли на улицы с красными знаменами. Несмотря на то, что

городские власти запретили проведение демонстрации с флагами, столкновения с полицией избежать не удалось. Двое демонстрантов получили сабельные ранения, тяжело были ранены двое полицейских. И лишь одно знамя из многих удалось донести до места проведения митинга, который все же состоялся. Среди участников демонстрации вместе с Кропоткиным были Дмитрий Клеменц и Георгий Плеханов.

После той демонстрации правительство запретило вынос на улицы красных знамен по всей его территории. Юрская федерация не подчинилась и провела шествие, подобное бернскому, в городке Сент-Имье в день открытия очередного конгресса анархистов. Ожидая нападения полиции, демонстранты вооружились, но на сей раз власти не решились вмешиваться, и столкновения не было.

Больше Кропоткин никогда не участвовал в подобных акциях, выступая все-таки за то, чтобы ход революции был как можно более мирным. В своей борьбе он употреблял лишь одно оружие - слово, устное или печатное.

К этому времени Кропоткин понял, что ему придется и, возможно, долгие годы жить и работать за границей, вести жизнь политического эмигранта. Из писем, которые он получал от друзей из России, ему было ясно, что возвращение на родину сейчас невозможно: только что прошел процесс по делу о революционной пропаганде, ставший известным как «процесс 193-х». Это один из наиболее грандиозных политических процессов за всю историю России. По нему было привлечено около двух тысяч человек. Число обвиняемых сначала сократилось до 900, потом до 193-х. Следствие продолжалось два с половиной года. За это время несколько человек скончалось в тюрьмах. Среди них мог оказаться и Кропоткин, если бы не удался его побег.

Главным документом обвинения на процессе была как раз записка Кропоткина, начинавшаяся словами: «Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя?», и исписанная его рукой тетрадка, озаглавленная «Пугачевщина». Эта рукопись была напечатана «чайковцами» в женевской типографии как книжка для народа.

Протоколы заседаний Особого присутствия Правительствующего Сената под председательством сенатора Петерса, продолжавшихся более трех месяцев (с 18 октября 1877 года по 23 января 1878 года), публиковались в русских газетах, хотя и с большими сокращениями. Еще короче они воспроизводились в английской прессе. Имя Кропоткина промелькнуло в них два-три раза, в том числе во фразе из обвинительного заключения: «Кропоткин во время производства следствия бежал из-под стражи».

И хотя девяносто человек суд оправдал, восемьдесят и них все-таки были отправлены в административную ссылку. Суд даже ходатайствовал о монаршем смягчении приговора, но Александр II его утвердил без изменений. Борьба самодержавия с революционерами обострилась. Кропоткин, оставшись в Европе, оказался в стороне от этой борьбы: «Меня скоро захватила волна анархического движения, которая как раз к тому времени шла на прибыль в Западной Европе. Я чувствовал, что могу быть более полезен здесь, чем в России, помогая определиться новому движению... Работая для Западной Европы, я и для России сделал, может быть, больше, чем если бы я оставался в России»¹ Но, примкнув к

западноевропейскому революционному движению, Кропоткин занимал в нем свое особое место, оставаясь в этом движении русским представителем. И не только потому, что все, происходившее в России, его живо интересовало, на все он немедленно реагировал и выступал в качестве квалифицированного комментатора для европейцев.

1 Записки, С. 245.

Николай Бердяев писал в журнале «Русская мысль» в 1917 году: «Русские революционеры, русские социалисты и анархисты, как бы фанатически они ни исповедовали западные учения, всегда были по природе своей восточниками, а не западниками». Для русских народников экономика всегда была на втором месте, а на первом - вопросы нравственные, этические. Думая о социалистическом обществе, они никак не могли отрешиться от представления о русской крестьянской общине как о «ячейке» социализма. Западноевропейское рабочее движение возглавили социал-демократы, видевшие организацию послереволюционного общества обязательно на государственных основах, что вносило в рабочее движение элементы авторитарности, иерархии и централизма. Примат экономических условий жизни людей отодвигал этику на второй план.

Анархические взгляды Кропоткина развивались уже на протяжении десяти лет, если принять во внимание его признание, что еще в Сибири он был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом. Он только укрепил свои позиции, когда примкнул к народничеству, в котором антигосударственная и этическая анархическая тенденция была очень сильной. Однако ни у кого из народников она не получила такого развития, как у Кропоткина.

Анархизм - философия природы

Элементы этого, одного из древнейших общественно-политических течений усматриваются еще у предтечи христианского мировоззрения Платона и у философов-киников Древней Греции. Наиболее известен из них Диоген, сказавший из своей бочки Александру Македонскому, пытавшемуся и его «осчастливить»: «Отойди, не засти мне солнца». Наивысшим благом для человека киники провозглашали духовную свободу и неподчинение власти. Элементы анархизма присутствуют и в философии Зенона и стоиков, утверждавших за 300 лет до н. э., что цель человека - жить согласно природе; в философии Руссо, разоблачавшего безнравственность государственной власти. Первым попытался изложить анархизм как учение в конце XVIII века английский писатель Уильям Годвин. Затем крупнейшим теоретиком безвластия стал Пьер Жозеф Прудон, ему принадлежат знаменитые формулы: «Собственность - это кража» и «Свобода есть анархия». Безусловно отрицавший государство, он отстаивал право на мелкую частную собственность и полагал возможным осуществить социальную революцию мирным путем. Маркс охарактеризовал Прудона в специально ему посвященной работе «Нищета философии» как идеолога мелкой буржуазии.

Михаил Бакунин - следующая великая фигура. Он был политический деятель, философ, социолог, публицист и организатор. В 60-х годах одна за другой выходили его книги, в которых его антигосударственная доктрина противопоставлена всем другим

социалистическим учениям, в том числе и марксизму. Разрушение государства он считал главной целью, а в революционном движении не признавал централизма. На этой почве произошел его бескомпромиссный разрыв с Марксом и Генеральным советом Интернационала. Не ограничившись объединением своих сторонников в «Альянсе», он участвовал в организации авантюрных, по сути, бунтов в Лионе и Болонье, окончившихся поражением, а потом, привлеченный бешеной энергией Нечаева, на первых порах поддержал его с идеей вымышленной им заговорщицкой организации «Народная расправа». Довольно скоро Бакунин разочаровался в Нечаеве и между ними произошел разрыв. К концу жизни Бакунин пришел к мысли о чрезвычайной важности нравственных критериев в деятельности революционера и задумал написать свою «Этику». Но жизнь оборвалась на 62-м году, и он не успел выполнить намеченное. Тем не менее важно, что «апостол анархии» выделил значение этической стороны анархизма. И именно с этого момента Бакунина продолжил Кропоткин, основываясь на своих естественнонаучных знаниях.

Следует отметить, что близкие взгляды на роль естествознания в развитии социальных наук высказывал в 60-х годах прошлого века в своих статьях Афанасий Шапов, несомненно оказавший влияние на Кропоткина.

Считая естествознание стержнем «всех наук социальных», Шапов был убежденным антигосударственником, как и публицисты-народники Василий Берви-Флеровский, Дмитрий Писарев, Николай Шелгунов, в работах которых тоже можно обнаружить мысль о сближении наук естественных с социальными. Их идеи, наряду с бакунинскими, входили в тот идейный багаж, с которым Петр Кропоткин приехал в Швейцарию, чтобы включиться в деятельность анархического крыла Интернационала. И еще надо сказать о том, что хорошо знакомый с русской историей Кропоткин видел истоки русской анархической традиции в демократии средневековых городов Новгорода и Пскова, в идее Земского Собора и главное, - в крестьянской общине, исчезнувшей в Западной Европе, но еще сохранившейся в России. Сподвижники и близкие друзья Бакунина приняли Петра Кропоткина в свой круг. Так же, как в свое время Бакунина, стали его звать просто по имени - Петр. Ему это нравилось больше, чем чопорное английское «Prince Kropotkin». Швейцарские бакунинцы быстро поняли, что их русский друг пришел к анархизму своим путем, дополнив бакунизм чем-то глубоко своеобразным. Тогда он пришел к выводу, что «...анархизм - нечто бо"льшее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества...»

И эта мысль - «кропоткинский мотив» в анархизме, берущий свой исток от знания и понимания природы...

Вот каким рисует Петра Алексеевича встречавшийся с ним в Швейцарии в конце 70-х годов известный народоволец Лев Дейч: «...Он был чрезвычайно подвижен, говорил быстро и плавно и с первого раза производил благоприятное впечатление своей простотой, очевидной искренностью и добротой... Кропоткин был всегда завален работой: писал для разных ученых органов, переводил для наших ежемесячных журналов с иностранных языков, которых знал множество. По всесторонности развития он, несомненно, стоял значительно выше всех тогдашних последователей Бакунина, не исключая и Реклю... Решительно все, как русские, так и иностранцы, относились к нему с большим уважением и симпатией и... высоко ценили его серьезное отношение к общественным вопросам, а также

необыкновенную его трудоспособность, знание...»

В революционной среде многие знали Кропоткина, и не только в Швейцарии. Он съездил на полтора месяца в Испанию, где анархическое движение становилось наиболее массовым. В Мадриде и Барселоне встретился с десятками людей, установил много контактов от имени юрцев. Испанцы надолго запомнили приезд Кропоткина.

Псевдоним раскрылся

Осенью 1877 года состоялся конгресс Интернационала в бельгийском городе Вервье. Сразу вслед за ним - Международный социалистический конгресс. Он проходил в Генте, другом городе Бельгии, где Кропоткин побывал еще в 1872 году, возвращаясь из Швейцарии в Россию. Он принял участие в обоих собраниях под именем Левашова.

В Генте разгорелась борьба федералистов Юры против стремления социал-демократического крыла, которое возглавлял на конгрессе Вильгельм Либкнехт, объединить рабочие организации вокруг одного центра. Хотя юрцев было всего девять человек, им удалось помешать принятию проекта централизованного управления рабочим движением в значительной степени благодаря Кропоткину, избранному секретарем конгресса. Здесь впервые на международном уровне проявились блестящие способности Кропоткина как оратора, сумевшего логикой и страстностью своих выступлений убедить многих в целесообразности сохранения самостоятельности Юрской федерации.

Еще не завершился конгресс, а Петру Алексеевичу пришлось срочно покинуть Гент по настоятельному требованию товарищей-социалистов. Дело в том, что бельгийская полиция каким-то образом узнала, что под именем Левашова скрывается беглый государственный преступник князь Кропоткин. Правда, арестовать его хотели лишь за нарушение правил регистрации в гостинице, но стоит попасть в руки полиции, как наверняка всплывет и прежнее дело: Россия потребует выдачи. В этот день друзья даже не пустили его с митинга в гостиницу. Окружив тесной толпой, рабочие привели Кропоткина на квартиру одного социал-демократа, у которого предстояло переночевать - он принял русского анархиста побратски. А утром поезд уже вез его в Англию, которая, таким образом, вторично спасала его.

Пребывание в Лондоне нужно было использовать. И Кропоткин целые дни проводит в библиотеке Британского музея, изучая имевшиеся там материалы по Великой Французской революции, которой необычайно заинтересовался, желая понять, как начинается революция, проверить свою догадку, что именно достижения естественных наук подтолкнули к бурному развитию революционного процесса и что анархическая тенденция играла во французской революции, как и во всякой другой, важную роль. Эта работа продлится потом и займет не один год. А сейчас он не может долго сидеть на месте, над книгами и рукописями, душа рвется к живому делу.

Петр Алексеевич едет в Париж, где после разгрома Коммуны началось постепенное пробуждение социальной активности рабочих. Ему казалось, что он возвращается в славные времена кружка «чайковцев». И вместе с бакунистами Жюлем Гедом и Андреа Коста,

которые впоследствии перейдут в стан марксистов, он пытается организовать первые социалистические группы. Сначала это были беседы где-нибудь в кафе, куда собиралось по пять-шесть рабочих. Затем те шли к своим товарищам, и через несколько дней на митинг приходило несколько десятков, а то и около сотни человек. Не так уж много, но ведь это самое начало...

В марте 1878 года на первые «поминки Коммуны» собралось не более двухсот человек. А через два года, когда в Париж вернулись освобожденные по амнистии коммунары, все население города вышло на улицы их восторженно приветствовать.

Из всех встреч той весной Кропоткину особенно запомнился визит к Ивану Сергеевичу Тургеневу, уже давно жившему во Франции. Тургенев сказал П. Л. Лаврову, что хотел бы отпраздновать по русскому обычаю удачный побег князя-революционера из царской тюрьмы. Кропоткин пришел к любимому с юности писателю и был принят с исключительным радушием. Переступить порог квартиры Тургенева было для Кропоткина величайшим счастьем. Он восторгался стилем, художественной стройностью тургеневских произведений, которые сравнивал с музыкой Бетховена.

Но - больше всего в творчестве Тургенева Кропоткин ценил необычайную привлекательность женских образов. Вот его признание: «Повесть Тургенева «Накануне» определила с ранних лет мое отношение к женщине, и, если мне выпало редкое счастье найти жену по сердцу и прожить с ней вместе счастливо... этим я обязан Тургеневу».

У Тургенева обсуждались новости из России. «Процесс 193-х» - важнейшая из них. Всеобщее восхищение вызвала речь на суде Ипполита Мышкина, многократно прерывавшаяся председательствующим. Она, кстати, вобрала в себя многое из написанной Кропоткиным программы для кружка «чайковцев». Тургенев расспрашивал о Мышкине: «я хотел бы знать все, касающееся его. Вот человек - ни малейшего следа гамлетовщины...»

Тургенев предчувствовал появление в русской жизни совершенно нового типа интеллигента-революционера и, по-видимому, присматривался к своим собеседникам - к Лаврову и Кропоткину. Однажды он предложил им пойти вместе в мастерскую скульптора Марка Антокольского и особенно рекомендовал посмотреть только что завершенную работу «Христос перед народом». Скульптура Кропоткина потрясла: необыкновенная грусть в лице в сочетании с огромной внутренней силой во всей фигуре Христа. Он казался похожим на связанного веревками здорового, крепкого крестьянина.

Антокольский не сразу понял, зачем Тургенев попросил принести лестницу. А тот считал, что революционеру нужно видеть творение гениального скульптора именно сверху. И действительно, с высоты Кропоткин понял всю умственную мощь этого Христа, его глубокое презрение к глупости вопившей толпы, его ненависть к палачам». Он очень многое понял для себя, взглянув на работу Антокольского так, как советовал Тургенев.

Той же весной, когда Кропоткин уехал из Парижа снова в Швейцарию, он встретился со своей будущей женой. Это была студентка-биолог Женевского университета Софья Ананьева-Рабинович, приехавшая учиться из далекого сибирского города Томска, где

прошли ее детство и юность. Хотя родилась она в Киеве, но отец ее был сослан в Сибирь. В 17 лет Софья ушла из дома и отправилась в Швейцарию учиться - так поступали в то время десятки девушек России, не имевших возможность получить университетское образование на родине. И вот однажды ей предложили помочь одному русскому эмигранту в переводе с испанского. Этим русским оказался Кропоткин. Своему другу Полю Робену Кропоткин сообщил: «Я встретился в Женеве с одной русской женщиной, молодой, тихой, доброй, с одним из тех удивительных характеров, которые после суровой молодости становятся еще лучше...» Они встретились весной, а 8 октября 1878 года поженились.

С этого времени и до конца его жизни рядом с Петром Алексеевичем всегда будет находиться Софья Григорьевна, его жена. Их брак был заключен в соответствии с принципами нигилистов: он мог быть расторгнут или продлен по желанию любой из сторон через каждые три года. Так они договорились. Ему было 36 лет, ей 22. И трехлетний срок был ими повторен четырнадцать раз - прожили они вместе 43 года, хотя с первых же лет этот союз подвергался тяжелым испытаниям. Рядом с ними всегда были друзья - дружили семьями. На протяжении десятилетий сохранялись исключительно теплые отношения с Сергеем Кравчинским и его женой Фанни, с семьями Варлаама Черкезова, Николая Чайковского, Марии Гольдсмит, Джеймса Гильома, Леонида Шишко...

Русско-швейцарский «Бунтовщик»

В 1878 году Кропоткин начинает выступать с лекциями на французском в маленьких городах, расположенных вокруг Женевского озера, организует небольшие группы пропаганды, в чем-то подобные кружку «чайковцев», успешно распространяя свои идеи среди рабочих и ремесленников. Его беседы всегда вызывали интерес.

А из России поступали новые известия. 24 января 1878 года Вера Засулич выстрелила в петербургского градоначальника Трепова, распорядившегося наказать розгами одного из заключенных. Верная принципам нигилистов, она не сопротивлялась аресту, а на суде заявила: «Я... не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать». Рана была не смертельной. Мотивы поступка судом присяжных были признаны обоснованными, и суд оправдал Засулич. Это было невероятно. Правда, новый арест угрожал ей сразу же, как только она вышла из зала суда, но друзья укрыли девушку и вывезли в Швейцарию, где Кропоткин с ней встречался и однажды даже провел в горы, чтобы показать альпийские ледники.

После выстрела Веры Засулич политические покушения следовали в России один за другим. Правительство отвечало репрессиями. По приговору военного суда в Одессе был казнен И. Ковальский, оказавший вооруженное сопротивление жандармам. Его участь разделили Валериан Осинский и Дмитрий Лизогуб. За ними последовали десятки других жертв и новые покушения революционеров. 4 августа 1878 года Сергей Кравчинский заколол кинжалом на улице среди бела дня шефа жандармов Н. В. Мезенцева. Спасти его помог все тот же призовой рысак Варвар, умчавший на свободу Петра Кропоткина. А в феврале следующего года газеты сообщили, что жертвой преступного покушения стал харьковский генерал-

губернатор князь Дмитрий Кропоткин, двоюродный брат Петра. Это был не такой уж плохой человек, но, не подвергая устройство мира сомнению, всего лишь шел тем путем, который открывал перед ним его княжеский титул. Он был близок к императору и пытался как-то облегчить участь своих кузенов Петра и Александра, за что попал в немилость при дворе. Управлявший губернией восемь лет, он, конечно, не мог не знать о порядках в тюрьме Харькова, и революционеры решили, что генерал-губернатор должен ответить за них жизнью.

1 марта 1879 года был убит агент полиции Рейнштейн, 13 марта подвергся нападению новый шеф жандармов, а 2 апреля Александр Соловьев стрелял в Александра II. Покушение опять не удалось, но Соловьев был арестован и повешен.

Волна терроризма прокатилась и по Западной Европе. Были совершены покушения «на трех монархов»: на германского императора и королей Испании и Италии. Ответственность за покушения правительственные круги трех стран попытались возложить на Юрскую федерацию, как на наиболее радикальное крыло Интернационала. Царское правительство в свою очередь искало связи террористов с эмигрантами.

Однако юрские федералисты террором никогда не занимались. Резко отрицательно к нему относился и Кропоткин, видевший в терроре рецидив нечаевского подхода к революционному делу.

Тем не менее испытывая сильное давление извне, швейцарские власти решили закрыть газету, издаваемую юрцами. Федерация осталась без печатного органа. И Кропоткин, будучи в Швейцарии иностранцем, решается приступить к изданию в Женеве газеты на французском языке. У него два помощника и первоначальный капитал из двадцати трех франков. Название газете дали «Бунтовщик». 22 февраля 1879 года вышел первый номер. Успех превзошел ожидания: сразу стало расходиться до двух тысяч экземпляров, в то время как прежняя газета имела тираж не больше шестисот. А вскоре, обратившись к читателям за помощью, редакция смогла собрать средства и на собственную типографию, которая открылась в Женеве.

Газетой заинтересовался Элизе Реклю и стал в ней активно сотрудничать. А когда Кропоткина арестовали, возглавил редакцию. И более того: собрал кропоткинские статьи, публиковавшиеся в «Бунтовщике», и издал их отдельной книгой, назвав ее «Речи бунтовщика».

На начальном этапе газетной работы для Кропоткина очень важна была дружеская поддержка Реклю, а также жены Софьи Григорьевны, с которой он весной 1880 года поселился в Кларане: «Здесь при содействии моей жены, с которой я обсуждал всегда всякое событие и всякую проектируемую статью и которая была строгим критиком моих произведений, я написал лучшие мои статьи для «Re“volte»... В сущности, я выработал здесь основу всего того, что в последствии написал» 1.

1 Записки, С.

Там жил и Реклю. Он пригласил Кропоткина помочь ему в работе над томом его «Всеобщее (универсальной) географии», посвященном Азиатской России. И действительно, данные о рельефе, климате, растительности можно было почерпнуть у русского друга, так хорошо знавшего Сибирь и Дальний Восток. Работали они так: Кропоткин писал на «своем французском», а Реклю редактировал материал, чтобы он не отличался по стилю от всего издания. Практически на каждой странице этого тома можно встретить примечание: «По данным П. Кропоткина».

Передовая первого номера «Бунтовщика», написанная Кропоткиным, начиналась решительно и грозно: «Старый мир быстрыми шагами приближается к всемирной революции, т. е. к такому сотрясению, которое, вспыхнувши в одной стране, быстро распространится, как в 1848 году, на все соседние страны и, разрушая самые основы теперешнего строя, даст новый источник жизни одряхлевшему миру».

И дальше из номера в номер развивалась мысль о неизбежности смены буржуазного государственного строя социалистическим, но только обязательно - безгосударственным. Вслед за Прудоном и Бакуниным, Кропоткин не признавал за государственной формой управления никакой положительной роли в эволюции человеческого общества. Напротив, подавляя инициативу народных масс, государственная власть всегда тормозила эволюцию, даже в тех случаях, когда пыталась сверху «наладить» реформы: Петр Алексеевич хорошо помнил, как обманулся он с реформаторским «либерализмом» Александра II.

Передовицы «Бунтовщика» обличали правящие круги европейских государств, которые время от времени вроде бы сами идут на уступки, но тут же возвращаются назад, опасаясь подъема народных масс. И тогда-то вновь нарастает усиление власти во всех областях и дальнейшая ее концентрация, преследуется всякое свободомыслие. А дело все в том, убеждал своих читателей Кропоткин, что государство - то есть политическое устройство, при котором все дела общества вершит меньшинство, образующее кучку «власть придержащих», - отживает свой век. И человечество ищет новых форм политической жизни. Не повиновением, а свободным договором должны быть сплочены люди в обществе.

Государство! Сколько гневных слов посвятил ему Кропоткин: «Государство вмешивается во все проявления нашей жизни. От колыбели до могилы оно держит и давит нас в своих руках... Оно преследует нас на каждом шагу, и мы встречаем его на каждом перекрестке... Нужно, чтобы какие-нибудь величественные события внезапно прервали нить истории, выбросили человечество из колеи, в которой оно завязло». Эти «величественные события» - революция. Она преобразует хозяйственный строй, основанный на обмане и хищничестве, оживит умственную и нравственную жизнь общества, вселит в среду мелких и жалких страстей животворное дуновение высоких идеалов, честных порывов и высоких самопожертвований».

Кропоткин находит удивительной силы слова, бьющие прямо в цель. И растет число читателей его «Бунтовщика» в Швейцарии. Во Франции же, где газета запрещена, ее приходится посылать в закрытых конвертах по специально подобранным адресам подписчикам бесплатно, рассчитывая, что получившие будут добровольно высылать свои пожертвования. И деньги приходили.

В редакции шутили: если бы французская полиция захотела прекратить существование крамольной газеты, она должна была бы на нее подписаться, но не присылать добровольных пожертвований, и газету стало бы не на что издавать.

А она выходила регулярно, сначала раз в две недели, потом еженедельно. И в каждом номере публиковались новые социальные обобщения Пьера Кропоткина.

Например, рассматривался вопрос о том, какая может возникнуть ситуация после свершения революции. И еще тогда, в начале 80-х, Кропоткин предупреждал, что если революция приведет к созданию диктатуры, то неминуемо погибнет. Это будет означать возрождение той же самой (лишь с другим названием) системы власти, против которой и была направлена революция. Какими прекрасными намерениями ни руководствовались бы люди, возглавившие революцию, но если они установят диктатуру меньшинства над большинством и начнут подавлять народную инициативу, снова заставив людей повинаться, они погубят революцию.

Среди множества революционеров различных направлений, которые вели революционную пропаганду и в 70-е, и в 80-е, и в 90-е годы, Кропоткин занимал совершенно особое место. Может быть, главное, что отличало его, это внимание к нравственности, и именно в связи с революцией. Когда зреет революция, происходит изменение нравственных критериев. Возникает стремление к их обновлению, очищению. И во всех классах общества, даже в каждой семье, сталкиваются старые и новые представления. Прогресс в развитии общества зависит от того, восторжествует ли новое на всех уровнях общества, во всех его классах, слоях и группах.

Эта концепция революции существенно отличалась от марксистской, объяснявшей неизбежность революционного переворота необходимостью смены способа материального производства и исходившей и абсолютной непримиримости классовых противоречий. Кропоткин же, подчеркивая приоритет человеческих интересов, считал нежизненным, схематизированным подходом сведение этих интересов лишь к экономическому переустройству. Никакая схема не может вобрать в себя все богатство и разнообразие жизни.

Взгляды Кропоткина на революцию отличались и от бакунинских. Если Бакунин видел причину революции в отчаянии обнищавших народных масс, а цель - в разрушении, то Кропоткин полагал, что только надежда на преобразование общества и ориентация на самые высокие идеалы, на созидание могут быть двигателем революции.

По существу, в кропоткинских статьях дальнейшее развитие получили идеи, высказанные в его записке 1873 года, начинавшейся вопросом: «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?». Он остался верен этим идеям. Но в русском народофильском движении произошел резкий поворот от в общем-то анархических и антинечаевских, подчеркнута нравственных принципов к все-таки в какой-то степени нечаевским. К этому времени в среде революционеров наблюдалось отчаяние, поскольку какого-либо значительного эффекта от пропаганды среди народа, и особенно среди крестьян, не было. Среди народофильцев нарастает нетерпение. Возобновился индивидуальный террор. В

России продолжалась смертоносная дуэль правительства с революционно настроенной интеллигенцией. Исполнительный комитет «Народной Воли» вынес Александру II смертный приговор и неуклонно двигался по пути к его осуществлению.

5 февраля 1880 года был устроен взрыв в Зимнем дворце столяром Степаном Халтуриным. Но Александр и на этот раз остался жив.

Погибло лишь 50 солдат Финляндского полка из дворцовой охраны. Неудачей окончилась попытка взорвать царский поезд под Москвой.

Но царь не остался «в долгу». Усиливался и правительственный террор против революционеров. Александр дал указания генерал-губернаторам - всех, кого удастся схватить, казнить незамедлительно. За два года было повешено 23 человека. Казнь гимназиста Осипа Розовского, приговоренного к виселице только за расклеивание прокламаций, описана Львом Толстым в романе «Воскресение».

Обстановка накалялась, а в тиши правительственных кабинетов шла подготовка проекта конституции, работу над которой возглавил министр внутренних дел граф М. Лорис-Меликов. Проект должен был поступать в Государственный совет, но тут Александр снова стал колебаться. Только утром 1 марта 1881 года он назначил день для слушания проекта в Совете министров. И как раз в этот день Россию и Европу потрясло известие о том, что Александр II, за которым так долго «охотились» народовольцы, был, наконец, убит. Брошенная Игнатием Гриневицким бомба смертельно ранила обоих. Члены Исполнительного комитета «Народной воли» Желябов, Перовская и другие, готовя покушение, твердо знали, что платой за него будут их жизни. Но они верили в то, что убийство царя приблизит долгожданную народную революцию, ради которой им не жаль было своих жизней.

Но смерть Александра II ничего не изменила, напротив в борьбе придворных партий победила та, которая выступала против конституции. Александр III, допуская в первый год своего правления возможность созыва Земского собора из представителей всех губерний, вскоре от этой мысли отказался, провозгласив своей целью укрепление самодержавия.

В начале апреля пятеро народовольцев были повешены.

Их подвиг и жертва, конечно, оказали сильнейшее влияние на дальнейшее развитие революционного процесса, хотя влияние это было неоднозначным.

Кропоткин откликнулся на казнь «первомартовцев» прокламацией протеста, которую сам расклеивал на улицах Женевы. 21 апреля он выступил главным оратором на митинге, после которого его допросили в полиции.

В июле 1881 года на Международном Социалистическом конгрессе в Лондоне Кропоткин высказался против увлечения революционеров «химией и пиротехникой», иначе говоря, террором с помощью взрывов. По существу, он поставил вопрос о революционной морали, отведя ей важнейшую роль в революции. Далеко не все с ним согласились.

После Конгресса Кропоткин провел месяц в поездках по Англии, побывал, в частности, в Ньюкастле, где познакомился с Джозефом Коуэном, издателем местной газеты, которому обещал присылать статьи на «русские темы». Через Париж вернулся в Кларан, где осталась жена Соня, и где его ждали не очень приятные новости.

Под прицелом «Священной дружины»

Летом 1881 года тайная организация «Священная дружина», созданная в окружении Александра III для охраны самодержавия, вынесла «мятежному князю» смертный приговор. Он узнал об этом еще в Лондоне, получив письмо от Петра Лаврова. Весть дошла по цепочке от знаменитого писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Заключив тайный союз, представители высшей аристократии и бюрократии - генералы, министры, великие князья, лично знавшие Кропоткина-рюриковича, - встали а защиту самодержавного государства от нигилистов-революционеров.

Логика их рассуждений была простой: Кропоткин как самая крупная фигура политической эмиграции, по-видимому, руководит из-за границы российскими народовольцами-террористами. Именно он организовал, считали великосветские «охранники», покушение на Александра II. Ему-то и надо отомстить за гибель царя-освободителя.

В Женеву послали провокатора, царского охранника Климова, который, чтобы познакомиться с Кропоткиным, наладил издание якобы революционной газеты под названием «Правда» (не его ли использовали потом большевики для своего печатного органа?). Но друзья уберегли от встречи со шпионом Петра Алексеевича, который, узнав о заговоре, принял меры: он напечатал в газете «Le Revolte», а также в «Бунтовщике» сообщение о том, что ему стали известны имена организаторов покушения, все материалы заговора против него будут опубликованы в европейских газетах, если на него совершат нападение.

«Священная дружина» отказалась от своих планов, а спустя 25 лет в России был опубликован дневник члена тайной полиции группы генерала Смельского, в котором вся эта история была раскрыта.

Тогда по договоренности между правительствами России и Швейцарии Кропоткину было объявлено о выдворении его из Швейцарии. В 1881 году пришлось покинуть Кларан: он поселился с женой в приграничном французском городке Тонон, на берегу Женевского озера.

Жаль было расставаться с Швейцарскими Альпами, которые они оба очень полюбили. Горы манили Кропоткина, напоминая о сибирских походах юности. И своих друзей, которые приезжали в Швейцарию, он всегда приглашал подняться в горы, к зеленым альпийским лугам и величественным ледникам. Так, с Иваном Поляковым они побывали на знаменитом среди географов Большом Алечском леднике, о котором вместе читали в книге Джона Тиндаля еще в далекой Сибири. Прогулки в Альпы с Дмитрием Клеменцом, Николаем Морозовым или Верой Засулич сопровождались дружескими беседами и спорами на

политические темы. Засулич и Морозов были сторонниками террористических методов борьбы, Кропоткин, хотя и признавал революционизирующее влияние героических поступков, предостерегал своих друзей от чрезмерного увлечения ими. С Н. Морозовым много говорили и о научных проблемах естествознания и, конечно, о революционной борьбе».

И все же повод для его ареста нашелся, когда в конце 1882 года произошло восстание углекопов в районе Монсо-ле-Мин, близ Лиона. В нем заметное участие приняли анархисты во главе с юристом Эмилем Готье, выступавшим с агитацией. Она упала на подготовленную почву, на многих шахтах рабочие уже принимали на собраниях резолюции о передаче шахт, оборудования и домов в руки рабочих.

Прогремели два-три динамитных взрыва. Вот и повод. Конечно, это «почерк» русских террористов и их главного предводителя Кропоткина. Это он, проезжая осенью через район угольного бассейна, совратил шахтеров своими антигосударственными речами - так писали в газетах.

Роман Эмиля Золя «Жерминаль» из жизни углекопов Лионского округа в период восстания 1882 года также сыграл свою роль в искажении восприятия Кропоткина общественностью. В качестве одного из зачинщиков он изобразил анархиста с фамилией русского звучания - Суарин. Герой Золя призывал ко всеобщему разрушению. Он жил, презирая всякие узы, связывающие людей, не зная ни привязанностей, и радостей жизни. Этим он не только не напоминал, а существенно отличался от Кропоткина, но поскольку созданный Золя герой был вроде бы русский и вроде бы анархист, стали поговаривать, что прототипом для него послужил именно Кропоткин.

Шпионы ходили вокруг дома Кропоткина, ему посылали провокационные послания, в которых говорилось о якобы отправленных партиях динамита. Петром Алексеевичем даже была собрана целая коллекция подобных писем, и на всех конвертах он надписал «Police Internationale». При обыске их у него забрали, но на суде впоследствии представлять не решились. Обыск ничего не дал полиции кроме этих, ею же состряпанных писем. Пока Кропоткина оставляли а свободе, хотя ясно было, что ареста не избежать. В лондонской «Times» даже было напечатано сообщение об уже свершившемся побеге Кропоткина из Тонона. Но он отправил в редакцию письмо с указанием своего адреса и с заявлением о том, что не думает скрываться.

Да и обстоятельства не позволяли покинуть домик в Тононе. Как и почти десять лет назад, в Петербурге, ареста можно было бы избежать. Но Кропоткин был арестован в тот момент, когда не мог думать только о себе. В его квартире умирал от чахотки брат жены. Он скончался в ночь на 21 декабря. И всего через три часа, на рассвете, в дом ввалились жандармы с ордером на арест. Он просил оставить его с женой, скованной горем, до похорон ее брата под честное слово, обещая к назначенному сроку явиться в тюрьму. Но жандармы были неумолимы. Его увезли в Лионскую тюрьму. Вскоре приехал вызванный телеграммой верный друг Элизе Реклю и друзья из Женевы. За гробом брата Софьи Кропоткиной шла половина населения Тонона, знавшего, кто поселился в этом тихом городишке и кого арестовали в ту ночь, когда умер мало кому известный молодой русский.

Во французской тюрьме Клерво

В начале января 1883 года начался полицейский суд над анархистами - членами Интернационала. Им было предъявлено обвинение в принадлежности к Международному союзу рабочих, а не в организации взрывов - тогда подсудимых пришлось бы отдать суду присяжных, который, за неимением доказательств, их, несомненно, оправдал бы. Полицейский же суд имел право вынести приговор до пяти лет тюрьмы просто за нарушение закона о запрещении деятельности Интернационала на территории Франции, изданного после разгрома Парижской Коммуны.

Обвинение не имело практически никаких серьезных оснований. В качестве главных документов на суде фигурировали два частных письма Петра Кропоткина. В одном он поддерживал павшего, было, духом француза-рабочего. Речь в письме шла о наступающих великих переменах, о знаменательной эпохе и прочем. В другом, адресованном молодому тогда башмачнику Жану Граву, ставшему потом известным публицистом, Кропоткин всего лишь объяснял правила французского правописания и пунктуации. Этому письму прокурор посвятил самую патетическую часть своей обвинительной речи, которая вызвала смех подсудимых: «Вы слышали, господа, письмо. На первый взгляд, в нем нет ничего особенного. Подсудимый дает рок грамматики рабочему... Но делает он это вовсе не для того, чтобы помочь бедному работнику в приобретении знаний, которых он, по всей вероятности, и лености не получил в школе... Нет, господа! Это письмо написано для того, чтобы... лучше напитать его ядом анархизма, с единственной целью - сделать его более страшным врагом общества...». Свою речь прокурор закончил возгласом: «Да будет проклят день, когда Кропоткин ступил на французскую землю!»

Вот это да! Что подумал бы гувернер Пулэн, учивший маленького княжича Петю языку, литературе и истории Франции?

Из пятерых, приговоренных к высшему по этой статье наказанию - к пятилетнему заключению и штрафу в две тысячи франков, - членом Интернационала был один Кропоткин. Кроме него в «почетную пятерку» вошли Эмиль Готье и Луиза Мишель.

В верховных правительственных кругах России были очень довольны: наконец князь-бунтовщик запрятан в тюрьму. И в знак благодарности республиканской Франции самодержавная Россия шлет награды прокурору и судье - ордена Святой Анны. За Кропоткина.

Суд в Лионе, как и все подобные процессы, если они проводились гласно, больше приносили пользы революционерам, чем их гонителям: подсудимые получали трибуну для широкого распространения своих идей, убежденностью и бесстрашием вызывали симпатии людей. И закономерный процесс социального развития, провозвестниками которого они были, продолжался. Остановить его арестом, нескольких человек никогда еще не удавалось.

Русской читающей публике о лионском процессе сообщили «Московские ведомости», естественно, со своей, явно неблагоприятной интонацией: «Глава интернационалки

князь Кропоткин приговорен Лионским судом к пятилетнему тюремному заключению... Но, будучи лишен возможности руководить шайкой международных разбойников, Кропоткин продолжает быть душою всех анархических шаек».

Действительно, Лионский процесс и заключение в тюрьму необычайно усилили популярность Кропоткина. Сразу же началась кампания за его освобождение. В Национальном собрании Франции около сотни депутатов проголосовали за амнистию все заключенных по Лионскому процессу. Потом это предложение поддержали в адресованной президенту республики петиции деятели науки и культуры Англии и Франции. Среди них английские писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс, поэт Чарлз Суинберн, философ Герберт Спенсер, французский астроном и писатель Камилл Фламарион и другие. Возглавлял список подписей прославленный Виктор Гюго, находившийся тогда в изгнании. В ней говорилось:

«Мы, нижеподписавшиеся британские граждане и другие - художники, люди науки и писатели - обращаемся к Вашему милосердию от имени князя Петра Кропоткина, приговоренного в Лионе к 5 годам заключения во французской тюрьме.

Между тем, его исследования Сибири и Финляндии рассматриваются всеми как образец научного изучения. В России Императорское географическое общество опубликовало его большой труд, в котором он представил результаты своего обследования геологической системы Финляндии. Во Франции он известен как автор важнейших глав, касающихся России в «Geographie Universale» Элизе Реклю. В Англии по постоянному сотрудничеству в последние годы в таких периодических изданиях как «Proceedings of the Royal Geographical Society», «Nature», «The Fortnightly Review», «The Nineteenth Century»; сверх того бо́льшая часть статей по российской географии в новом издании Британской энциклопедии написана им. Будучи уверены в том, что в его отсутствие большая часть этого останется незавершенной, в интересах науки, совпадающих с интересами человечества, мы умоляем Вас вмешаться и позволить ему вернуться к занятиям, которым он посвятил свои высокие дарования.

Мы подаем эту апелляцию в твердой уверенности, что вынесенный ему приговор практически означает приговор к смерти. Известно, что его здоровье, подорванное тяготами, испытанными им во время путешествий в Сибири, в дальнейшем было ослаблено длительным пребыванием в качестве политического заключенного в русской крепости... Лишение его своего воздуха и телесной свободы неизбежно приведет к обострению его нездоровья, усугублению его физических страданий и преждевременной смерти.

В надежде, что Вы благосклонно воспримите эту петицию...

Обращение к президенту повторялось ежегодно, и каждый раз число сторонников амнистии возрастало, пока освобождение наконец, не произошло через три года. Но этого времени Кропоткину было вполне достаточно, чтобы дополнить свои русские тюремные впечатления французскими.

После суда два месяца осужденные находились в Лионской тюрьме. Эта тюрьма была построена недавно, однако современная архитектура несколько не облагородила «внутреннее» содержание этого учреждения, но Кропоткина поразила мысль, что очень часто, быть может, даже в большинстве случаев с помощью тюрьмы общество наказывает невинных людей более сурово, чем преступников. Заключение привыкает к условиям, в которых он должен находиться, и постепенно их как бы не ощущает. В то же время гораздо более жестоко наказаны его жена и дети, если он был их кормильцем. И они-то наказаны явно несправедливо.

В марте 1883 года многих уников перевезли в центральную тюрьму Клерво, расположенную в бывшем монастыре Святого Бернарда, вблизи деревушки из нескольких домиков. Софья Григорьевна поселилась в этой деревне и каждый день приносила мужу обеды, поскольку, едва он попал в тюрьму, признаки старой болезни, приобретенной за два года в Петропавловской крепости, проявились снова. В сравнении с петербургскими тюрьмами условия в Клерво были весьма благоприятными. Заключение имели возможность свободно общаться друг с другом, возделывать огород под окном, заниматься любым делом, на выбор.

Главное: «с воли» писать в Клерво можно было сколько угодно и что угодно, правда, для передачи написанного за пределы тюремных стен существовала цензура: политические темы затрагивать запрещалось. И Кропоткин снова обратился к географии, к жизни животных, к ледникам. Он правил корректуру статей для Британской энциклопедии, написал статью о пластичности льда для Французского научного обозрения, для лондонского географического общества статью педагогической направленности - «Какой должна быть география?»

Ряд набросков сделан в Клерво для статей о взаимной помощи среди животных, о природных истоках человеческой нравственности.

Находясь в тюрьме, Кропоткин не чувствовал одиночества, ощущая постоянно поддержку в европейских интеллектуальных кругах. Академия наук Франции выразила солидарность с заключенным тем, что предоставила Кропоткину в пользование свою библиотеку. Книги из своей личной библиотеки присылал автор популярной тогда «Жизни Иисуса» Эрнест Ренан. На свидание с узником приезжал сам Камилл Фламарион, астроном и писатель - популяризатор науки.

Во французской тюрьме Кропоткин устроил настоящий «университет» для заключенных. Своим товарищам по камере он читал лекции по геометрии, физике, астрономии, оказывал помощь в изучении иностранных языков. Учились все, а «Пьер» был единственным «профессором».

Такая атмосфера позволила спокойно приступить к работе над книгой «В русских и французских тюрьмах». В ней он хотел показать всю бесчеловечность тюремно-каторжной системы в Российской империи, а затем, сравнив ее с системой более цивилизованной, французской, доказать, что улучшение условий содержания заключенных, безусловно, важно, но не меняет дела, поскольку никакая тюрьма, как бы она ни была «совершенна», не

исправляет. Тюрьмой общество лишь мстит преступнику за содеянное.

В годы, когда Кропоткин находился в заключении, он совсем не выступал как революционный публицист, но и тогда его прежние работы продолжали издаваться в разных странах. Правда, количество изданий, а обычно за год их было более сорока, упало вчетверо. И все же перерыва не было - в каждый из трех тюремных лет выходило до десяти его публикаций. Своеобразным аккомпанементом всего периода заключения было появление во многих странах Европы воззвания «К молодежи!» Первый раз эта брошюра была отпечатана на русском языке друзьями-эмигрантами в Женеве, как раз во время Лионского процесса. Вскоре в Варшаве появился польский перевод, потом - английский, итальянский. Пока Кропоткин сидел в Клерво, его воззвание было напечатано на разных языках восемь раз. Издание этой прокламации продолжалось и в последующие годы.

В ней говорилось: «Молодые люди, я обращаюсь сегодня исключительно к вам. Пусть... старые духом и сердцем, оставят эту книгу и не утомляют даром глаз чтением, которое им ничего не даст...

Если священный огонь, который горит в вас, лишь тлеющий уголь, то продолжайте делать то, что вы делаете... Но если сердце ваше бьется в унисон с сердцем человечества... то... в хаосе всемирной борьбы, сопровождающейся воплями побежденных и оргиями победителей, ожесточенных схваток героизма с трудностью, вдохновения с пошлостью, - разве можете вы оставаться пассивными!»

Кропоткин отчетливо видит, что молодежь разделяется на два лагеря: активных борцов и пассивных созерцателей. Что мешает молодым людям переходить из второго, пребывание в котором бесплодно, в первый, существованием которого определяется прогресс человечества?

Когда же он сам сделал этот переход? Весной 1872 года, когда Клевец привез его к чайковцам? А может быть, еще в Сибири?

Но ведь и у него были сомнения и колебания, тогда, в Никольском... И он пишет, обращаясь к молодежи о том, как важно это решение принять вовремя: «Если вы одна из тех дряблых натур, которые легко мирятся со всем и при виде самых возмутительных фактов ограничиваются пустыми словами и утешаются кружкой пива, тогда, конечно, вы быстро свыкнетесь с этими контрастами и постараетесь, чего бы ни стоило, стать поскорее в ряды привилегированных, чтоб не попасть, как-нибудь, в число угнетенных. Но если вы человек, если вы реагируете соответствующим поступком на каждое ваше чувство, если животные инстинкты не убили в вас окончательно мыслящего существа, тогда, выходя из дома нищеты и страданий, вы скажете: это несправедливо, это не должно идти так дальше! В этот день вы поймете, что такое социализм..., вы перейдете на сторону угнетенных, потому что вы узнаете, что прекрасное, великое, - словом, сама жизнь - там, где борются за истину, за свет, за справедливость!»¹

¹ Кропоткин П. А. Сб. статей, М., 1923, С. 12-13.

Необычайная популярность выпала на долю этой небольшой книжки. Она усиливалась еще тем, что автор был политическим заключенным и шла борьба за его освобождение.

Под давлением общественности французское правительство вынуждено было объявить амнистию всем «лионцам» в январе 1886 года. Кропоткин и Луиза Мишель были освобождены в одно время.

Тяжелое испытание позади. Но по приговору суда проживание во Франции Кропоткину запрещено. И прямо из Клерво он с женой отправляется в Англию, остановившись всего на день в Париже, где Петр Алексеевич, рискуя снова быть арестованным, выступил на многолюдном митинге в рабочем квартале Ботинволь с лекцией «Анархия и ее место в социалистической эволюции». Прочитав ее с огромным успехом, он продемонстрировал, что дух его не сломлен трехлетним заключением, что убеждения его нисколько не пошатнулись, а напротив, укрепились.

П. А. Кропоткин.

Из «Записок революционера» 1

1 Записки, С. 245-262.

“ В Северном море ревела буря, когда мы подходили к берегам Англии, но я с удовольствием приветствовал непогоду. Меня радовала борьба нашего парохода с яростными волнами. Целыми часами просиживал я на форштевене, обдаваемый пеной волн. После двух лет, проведенных в мрачном каземате, каждый нерв моего внутреннего «я» трепетал и наслаждался полным биением жизни.

Пароход наш зарывался носом в громадные волны, которые рассыпались белой пеной и брызгами по всей палубе. Я сидел на самом носу, на сложенных канатах, с двумя-тремя девушками-англичанками и радовался ветру, расходившимся волнам, качке, наслаждаясь возвратом к жизни после долгого кошмара и прозябания в крепости.

Я не думал пробыть за границей более, чем несколько недель или месяцев; ровно столько, сколько нужно, чтобы дать улечься суматохе, поднятой моим побегом и чтобы восстановить несколько здоровье. Я высадился в Гулле под именем Левашова, под которым уехал из России. Избегая Лондона, где шпионы русского посольства скоро выследили бы меня, я прежде всего направился в Эдинбург.

Случилось, однако, так, что я уже не возвратился в Россию... На родине меня слишком хорошо знали, чтобы я мог вести открытую пропаганду, - в

особенности среди работников и крестьян. Впоследствии, когда русское революционное движение стало заговором и превратилось в вооруженную борьбу с самодержавием, всякая мысль о народном движении роковым образом была оставлена. Мои же симпатии влекли меня все больше и больше к тому, чтобы связать свою судьбу с рабочими массами; распространять среди них идеи, способные направить их усилия ко благу всех работников вообще...

В тот раз я недолго пробыл в Англии. Мне хотелось более живой деятельности, чем журнальная и литературная работа. С первых же дней я пробовал завязать знакомство с рабочими, и я начал с ними беседы по вопросам социализма. Но тогда (1876) английские рабочие о социализме и слышать не хотели. Дальше трэд-юнионизма и кооперации они не шли.

Не знаю, что я стал бы делать в Лондоне дальше, если бы мои швейцарские друзья вскоре не нашли мне постоянной работы в Швейцарии. Я находился в оживленной переписке с моими другом Джемсом Гильомом из Юрской федерации. И как только я нашел постоянную географическую работу, которую мог делать и в Швейцарии, то сейчас же перебрался туда. Письма, полученные, наконец, из России, говорили мне, что я могу спокойно оставаться за границей, так как никакого особенного дела на родине не предвидится. Волна энтузиазма прокатилась в то время над Россией в ползу славян, восставших против векового турецкого гнета. Мои лучшие друзья - Сергей Степняк, Дмитрий Клеменц и многие другие - отправились на Балканский полуостров, чтобы присоединиться к инсургентам. Друзья писали мне: «Мы читаем корреспонденции «Daily News» о турецких зверствах в Болгарии, мы плачем при чтении и идем записываться в отряды инсургентов как добровольцы или как сестры милосердия».

...В январе 1877 года я был уже в Швейцарии, присоединился к Юрской федерации Интернационала и здесь начал свою анархическую деятельность, поселившись в Шо-де-фоне.

...Из всех известных мне швейцарских городов Шо-де-фон, быть может, наименее привлекательный. Он лежит на высоком плоскогории, совершенно лишенном растительности, и открыт для пронизывающего ветра, дующего здесь зимой. Снег здесь выпадает такой же глубокий, как в Москве, а тает и падает он снова так же часто, как в Петербурге. Но нам было важно распространить наши идеи в этом центре и придать больше жизни местной пропаганде...

Для меня началась жизнь, полная любимой деятельности. Мы устраивали многочисленные сходки, для которых сами разносили афиши по кафе и мастерским. Раз в неделю собирались наши секции, и здесь поднимались самые оживленные рассуждения... Я разъезжал очень много, навещая

другие секции, и помогал им.

...Главная наша деятельность состояла в формулировке социалистического анархизма, в теории и в практических его приложениях. И в этом направлении Юрская федерация выполнила работу, которая не умрет.

Мы замечали, что среди культурных наций зарождается новая форма общества на смену старой: общество равных между собою. Члены его не будут более вынуждены продавать свой труд и свою мысль тем, которые теперь нанимают их по своему личному усмотрению. Они смогут прилагать свои знания и способности к производству на пользу всех; и для этого они будут складываться в организации, так устроенные, чтобы сочетать наличные силы для производства наивозможно большей суммы благосостояния для всех, причем в то же время личному почину будет предоставлен полнейший простор. Это общество будет состоять из множества союзов, объединенных между собой для всех целей, требующих объединения - из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительских общин, которые займутся всем, касающимся, с одной стороны - устройства жилищ и санитарных улучшений, а с другой - снабжением продуктами питания, одеждой и т. п.

Возникнут также федерации общин между собою и потребительных общин с производительными союзами. И, наконец, возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну или несколько стран, члены которых будут соединяться для удовлетворения экономических, умственных, художественных и нравственных потребностей, не ограничивающихся одною только странюю. Все эти союзы и общины будут соединяться по свободному соглашению между собою. Так уже работают теперь сообща железнодорожные компании или же почтовые учреждения различных стран, не имея центрального железнодорожного или почтового департамента, хотя первые руководятся исключительно эгоистическими целями, а вторые принадлежат различным и часто враждебным государствам. Так же действуют метеорологические учреждения, горные клубы, английские спасательные станции, кружки велосипедистов, преподавателей, литераторов и так далее, соединяющиеся для всякого рода общей работы, а то, попросту, и для удовольствия. Развитию новых форм производства и всевозможных организаций будет предоставлена полная свобода; личный почин будет поощряться, а стремление к однородности и централизации будет задерживаться. Кроме того, это общество отнюдь не будет закристаллизовано в какую-нибудь неподвижную форму: оно будет, напротив, непрерывно изменять свой вид, потому что оно будет живой, развивающийся организм. Ни в каком правительстве не будет тогда представляться надобности, так как во всех случаях, которые правительство теперь считает подлежащими своей власти, его заменит вполне свободное

соглашение и союзный договор; случаи же столкновений неизбежно уменьшатся, а те, которые будут возникать, могут разрешаться третейским судом...

...Мы, конечно, предвидели, что при полной свободе мысли и действия для каждой личности мы неизбежно встретимся с некоторым крайним преувеличением наших принципов. Я видел уже нечто подобное в русском нигилизме. Но мы решили, - и опыт доказал, что мы не ошиблись, - что сама общественная жизнь, при наличности открытой и прямой критики мнений и действий, устранил понемногу крайние преувеличения. Мы действовали, в сущности, согласно старому правилу, гласящему, что свобода - наиболее верное средство против временных неудобств, проистекающих из свободы. Действительно, в человечестве есть ядро общественных привычек, доставшееся ему по наследству от прежних времен и недостаточно еще оцененное. Не по принуждению держатся эти привычки в обществе, так как они выше и древнее всякого принуждения. Но на них основан весь прогресс человечества. И до тех пор, покуда человечество не начнет вырождаться физически и умственно, эти привычки не могут быть уничтожены ни критикой людей, отрицающих ходячую нравственность, ни временным возмущением против них. В этих воззрениях я убеждался все больше и больше по мере того, как росло мое знакомство с людьми и с жизнью.

Мы понимали в то же время, что необходимые перемены в этом направлении не могут быть вызваны одним каким-нибудь человеком, хотя бы и самым гениальным. Они явятся результатом не научного открытия и не откровения, а последствием созидательной работы самих народных масс. Народными массами - не отдельными гениями - выработаны были средневековое обычное право, деревенская община, гильдия, артель, средневековый город и основы международного права.

Многие из наших предшественников пытались нарисовать идеальную республику, основывая ее то на принципе власти, то, в редких случаях, на принципе свободы. Роберт Оуэн и Фурье дали миру свой идеал свободного органически развивающегося общества, в противоположность идеальной общественной пирамиде, внушенной Римской империей и католической церковью. Прудон продолжал работу Фурье и Оуэна, а Бакунин применил свое ясное и широкое понимание философии истории к критике современных учреждений, «создавая в то же время, как разрушал». Но все это было только подготовительной работой...

...Что касается меня самого, то я мало-помалу пришел к заключению, что анархизм - нечто большее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества. Он представляет собою, кроме того, философию как природы, так и общества, которая должна быть развита совершенно другим путем, чем метафизическим или диалектическим методом, применявшимся в былое время к наукам о человеке. Я видел, что анархизм должен быть

построен теми же методами, какие применяются в естественных науках; но не на скользкой почве простых аналогий, как это делает Герберт Спенсер, а на солидном фундаменте индукции, примененной к человеческим учреждениям. И я сделал все, что мог, в этом направлении.

Из переписки

П. А. Кропоткин - А. Э. Норденшельду (1876)

Невшатель, 22 ноября 1876 г.

“ Уважаемый господин доктор!

Во время пребывания в Петербурге Вы, вероятно, слышали о том, что я сижу в крепости, а затем меня судили за социалистическую агитацию в России. Но мне удалось в июле вылететь из клетки: возможно, Вы слышали, так как в шведских газетах рассказывалось об этом деле. Мне удалось приехать в Англию, где я пребыл эти три месяца...

Поскольку я пишу для английских научных газет, то был бы очень рад получить шведские сообщения о Вашем последнем путешествии, чтобы написать о нем, и я обращаюсь к Вам в надежде, что Вы сделаете доброе дело, прислав мне оттиски Ваших отчетов о путешествии. Я был бы очень рад иметь их сразу после появления в Швеции, чтобы тотчас рассказать о них английской публике, - не говоря уже о моем давнем интересе к Вашим смелым путешествиям. Когда я в тюрьме прочитал о Вашем первом путешествии, то вспомнил, что уже в то время, когда я имел удовольствие быть знакомым с Вами, Вы стремились в Сибирь, и я очень сожалею, что не смог послать Вам мой сердечный привет, когда Вы были в Петербурге. Я посылаю его Вам теперь вместе с дружеским рукопожатием.

В случае, если Вы пошлете мне свои брошюры адресуйте их «...». Это совсем близко от Лондона... Я не ставлю свое полное имя, т. к не хочу, что о моем пребывании в Англии стало известно. В Англии я уверен, что не попаду в руки русского правительства, но за мной могут шпионить и при проезде через Францию или еще где-нибудь на континенте я могу быть арестован.

С глубоким уважением, преданностью и дружеским приветом остаюсь к Вашим услугам...

П. А. Кропоткин - Полю Робэну

Лондон, 11.01.1877 г.

...В понедельник или во вторник я уезжаю или в Бельгию или в Швейцарию. С одной стороны, Гильом убеждает меня поскорее отправиться в Вервье (Бельгия), чтобы позондировать там почву для Брусса, который сначала едет в Льеж..., а с другой стороны, меня зовут в Швейцарию: один из моих друзей в России - даже двое - скоро приедут, м. б., даже на этих днях, специально для переговоров со мной и моими друзьями...

Лондон, 23. 01.1877 г.

“ ...Я еще не уехал: я еще не покончил с писанием для «Nature» и с письмами и сегодня уезжаю в Остенде...

...Целые вечера, проведенные в спорах, приносят мне пользу. Есть то чувство свободы, силы, которого не хватало в Лондоне.

Невшатель, 11.02.1877 г.

“ Я поехал... прямо в Женеву, чтобы разрешить вопросы о рабочей газете и проч. Там я захватил моего русского товарища (Дм. Клеменца), и мы вместе отправились в Невшатель через Вевэ, чтобы повидаться там с Реклю (Элизе), который меня интересует и который предложил поставить меня под покровительство Географического общества.

Шо- де-Ден, 16.02.1877 г.

“ Элизе Реклю мне очень понравился. Мы с ним много спорили, и я был приятно поражен, увидев в нем настоящего социалиста (я в этом несколько не сомневался в виду его учености)...

Женева, 29.01.1877 г.

“ «...о России больше не думаю. Движение там такое умеренное - как это ни странно, наряду с этими казнями - я чувствую (и мне все это подтверждают), что там я буду совершенно одинок. Движение конституционное. Нелегальный орган («Земля и Воля») называет себя социалистическим, но протестует только против самодержавия. Я сомневаюсь, чтобы я как-либо мог присоединиться к этому движению, и я работаю здесь».

Лондон, весна 1882 г.

“ Я много работаю, и так как мне все приходится писать по-английски, то меня это очень утомляет. К концу зимы я уже выбился из сил, но теперь

чувствую себя лучше, после того как я совершил прогулку пешком в Соррей (южная часть Лондона). Барахтаюсь, как могу... Я пишу также для Британской энциклопедии...

Когда приедешь в Харроу, то тебе стоит лишь спросить либо Кропоткина, либо католическую часовню на Charch of England Road (старое название нашей улицы). Вторая дверь от католической часовни и будет дверь нашего дома...

А. А. Кропоткин - Л. А. Шишко*

Декабрь 1890 г.

“ Родной мой, дорогой мой брат. Ура! Наконец, и ты с нами...

Анархия - не утопия на будущие времена, а одухотворяющий принцип для действий во всякое время: сегодня, так же, как и завтра. Руководствуясь ею, видишь свою дорогу и в Англии, и в Америке, и в России. Одно время думал печатать анархическую народную газету для России, да меня заарестовали, а там жизнь пошла другой дорогой. Я знаю, что анархизм в России нынче не [идет] - и молчу.

Brighton, 21 декабря 1899 г.

“ Родной мой, конечно найдется не только время, но и большая охота прочитать то, что ты написал о Сергее (С. М. Степняке-Крачинском. - В. М.). Как только получу, прочту и сообщу тебе заметки.

Живу по- прежнему, поправился настолько, что могу работать часа 3-4 в день регулярно, с условием не насиловать себя и отдыхать каждые два месяца. Прежняя рабочая сила, конечно не вернется, но, экономя силы, еще можно будет пробиться еще некоторое время...

То, что ты мне пишешь о России, ужасно меня радует. Я верю в русского крестьянина - по крайней мере тех губерний «центра», которые знаю...

Viola Bromleu Kent, суббота.

“ Родной, рукопись твою получил, но знаешь хворнул так всерьез после моей поездки во Францию. Привязалась лихорадка... На морде - на 10 дней, и не строчки: не взять, ни читать, ни писать. Надо было решительно действовать. Очень хорошо ты написал: умно, симпатично... А твои замечания о движении 70-х гг. [отличаются] краткостью... Дорогой мой, Леонид, Чарушин, Перовская, Сергей я всегда бывали в «левой крайней»,

П. А. Кропоткин

Из книги «Речи бунтовщика» (1885) 1

1 Кропоткин П. А. - Речи бунтовщика, СПб, 1906.

“ ...Казалось бы, идея социализма совсем заглохла у нас в настоящую минуту. Но не бойтесь за нее: скоро, очень скоро она опять заблестит пышным расцветом, выйдет из своего временного сна и предстанет снова - вернее, шире, могучее, чем была раньше...

Бессилие правящих классов становится все поразительнее и очевиднее... В то время, как смелые исследователи каждый день открывают человеку новые средства для борьбы с силами природы, - что делают буржуазные общественные науки? Они либо молчат, либо переживают по-прежнему свои старые изношенные теории.

В области повседневной, практической жизни - тот же застой. По-прежнему, наши правители толкуют нам об узком себялюбии, как главной основе жизни, о борьбе каждого человека против всех, и каждого народа против всех остальных, в то время как жизнь народов идет в совершенно другом направлении. По-прежнему они проповедуют единение власти, сосредоточие власти, усиление власти в руках всемогущего государства, тогда как жизнь все громче требует полной свободы личности. На все требования народа они знают один ответ: «ждите и надейтесь!» Они давно забыли все руководящие начала и - то бросаются в самое отчаянное преследование всех вольномыслящих людей, слепо подчиняясь самому безграничному своеволию верховной власти и умоляя ее поддержать расшатанные основы старого строя; то снова берутся сами «расшатывать основы», надевая на себя личину свободы и ломают старое; а через несколько лет они опять преклоняются перед верховною властью, рабски умоляя ее, чтобы она усмирила расхолодившиеся народные волны. В промышленности они бросаются сегодня - в свободную торговлю, а завтра - в самое свирепое запрещение всякой свободной торговли. От самого подлого ханжества они переходят к безбожию, и из безбожия обратно впадают в ханжество.

Вечно боясь, вечно дрожа за свое богатство, вечно оглядываясь назад и не смея взглянуть вперед, они оказываются решительно неспособными внести в народную жизнь что бы то и было прочное и полезное...

Государство - т. е. политическое устройство, при котором все дела всего общества передаются в руки немногих, - будет ли то царь и его советчики, или парламент или республиканское правительство, - такая форма политического устройства отживает свой век. Человечество уже ищет новых форм политической жизни, новых начал политической организации, более согласных с современными воззрениями на права личности и на равенство в обществе...

...Нужна независимость и полная свобода областей, городов, рабочих союзов, - сплоченных между собою не государственною властью, не правительством, требующим от них повиновения, а свободным договором, возникающим из взаимных обязательств, принятых на себя добровольно...

Каждый день создаются новые канцелярии, новые учреждения, как-нибудь подлаженные к старым, на живую нитку подправленным колесам государственной машины; и из всего этого создается такая неуклюжая, такая сложная, такая злобредная машина, что даже те, на ком лежит обязанность проводить ее в действие, возмущаются ее безобразием.

Государство создает целые армии чиновников - этих паукообразных обитателей затхлых канцелярий, которые мир знают лишь сквозь свои запыленные стекла да по грудам бессмысленных бумаг, написанных бессмысленным языком. Таким образом создается целая порода людей, знающих одного лишь бога - жалованье и наградные, - живущая одною лишь заботою: как бы примазаться к какой-нибудь партии: черных или белых, синих или желтых, лишь бы эта партия давала им побольше жалованья за наименьшее количество труда.

Что получается из всего этого - известно всем и каждому. Существует ли хоть одна отрасль деятельности государства - будь ли то в Персии, или в России, или в Соединенных Штатах, которая глубоко не возмущала бы каждого, кому приходится иметь с ней дело? Есть ли хоть одна отрасль - школа, судебное устройство, военное дело и т. д., - в которой государство, после целых веков переделок, не оказалось бы вполне несостоятельным?

Громадные и вечно-растущие суммы денег, которые взыскиваются государством с народа, всегда оказываются недостаточными. Все государства, без исключения, живут на счет будущих поколений. Все они входят в долги, все они идут к разорению.

Народы подчинились государственной власти под условием, что она будет защитою всем и, в особенности, защитою слабого против сильного. Но вместо того государство стало теперь оплотом богатых против бедных, орудием имущих - всех неимущих...

Есть времена в жизни человечества, когда глубокое потрясение, громаднейший переворот, способный расшевелить общество до самой глубины его основ, становится неизбежно-необходимым во всех отношениях. А такие времена каждый честный человек начинает сознавать, что далее тянуть ту же жизнь невозможно. Нужно, чтобы какие-нибудь величественные события внезапно прервали нить истории, выбросили человечество на колеи, в которой оно завязло, и толкнули его на новые пути, - в область неизвестного, в поиски за новыми идеалами. Нужна революция - глубокая, беспощадная, - которая не только переделала бы хозяйственный строй, основанный на хищничестве и обмане, не только разрушила бы политические учреждения, построенные на владычестве тех немногих, кто успеет захватить власть путем лжи, хитрости и насилия, но также расшевелила бы всю умственную и нравственную жизнь общества, вселила бы в среду мелких и жалких страстей животворное дуновение высоких идеалов, честных порывов и великих самопожертвований. В такие времена, когда чванная посредственность заглушает всякий голос, не преклоняющийся перед ее жрецами, когда пошлая нравственность «блаженной середины» становится законом, и низость торжествует повсеместно, революция становится просто необходимостью. Честные люди всех сословий начинают сами желать бури, чтобы она своим раскаленным дуновением выжгла язвы, разъедающие общество, смела накопившуюся плесень и гнилость, унесла в своем страстном порыве все эти обломки прошлого, давящие общество, лишаящие его света и воздуха. Они желают бури, чтобы дать наконец одряхлевшему миру новое дуновение жизни, молодости и честного искания истины.

В такие времена перед обществом возникает не один вопрос о насущном хлебе, а вопрос обо всем дальнейшем развитии, вопрос о средствах выйти из застоя и гнилого болота, - вопрос жизни и смерти.

Без известной нравственной связи между людьми, без некоторых нравственных обязательств, добровольно на себя принятых и мало-помалу перешедших в привычку, никакое общество невозможно.

...Человек начинает понимать, что счастье невозможно в одиночку: что личного счастья надо искать в счастии всех - в счастии всего человечества... Простое, но несравненно более животворное чувство единства, общения, солидарности со всеми и каждым... подсказывает человеку: «Если ты хочешь счастья, то поступай с каждым человеком так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобою. И если ты чувствуешь в себе избыток сил любви, разума и энергии, то давай их всюду, не жалея, на счастье других: в этом ты найдешь высшее личное счастье». И эти простые слова - плод научного понимания человеческой жизни и не имеющие ничего общего с велениями религий - сразу открывают самое широкое поле для совершенствования и развития человечества.

...Но перестройка не может совершиться и не совершится, покуда в основе наших обществ будет лежать порабощение человека человеком и владычество одних над другими.

...Общество должно будет отложить из групп, свободно возникающих повсеместно для удовлетворения всех бесчисленных потребностей личностей в обществе.

Современные общества уже идут в том направлении. Повсюду свободная группировка, свободная федерация стремятся занять место пассивного подчинения.

...Будущее принадлежит свободной группировке заинтересованных лиц, а не правительственной централизации, - свободе, а не власти.

Но прежде чем говорить о той организации, которая явится результатом свободной группировки, нам предстоит разрушить много политических предрассудков, которыми мы еще заражены.

...Наше суждение о диктатуре отдельной личности, или целой партии, - в сущности между той и другой нет никакой разницы, - совершенно определено. Мы знаем, что социальная революция не может быть руководима одним лицом или совокупностью отдельных лиц. Мы знаем, что революция и правительство совершенно несовместимы между собой. Правительство, какую бы оно ни носило кличку: диктатура, монархия, парламент, - непременно должно убить революцию. Мы знаем, что вся сила нашей партии в ее основной формуле: «только свободный почин; инициатива народа может создать нечто хорошее и долговечное; всякая же власть фатально стремится к уничтожению этого свободного почина». Вот почему лучшие из нас, если бы когда-нибудь они перестали осуществлять свои идеи посредством народа, а напротив захватили бы в свои руки то могущественное орудие, которое зовется правительством и которое позволило бы им действовать по своей фантазии, стали бы через неделю величайшим злом. Мы знаем, к чему приводит всякая диктатура, даже людей с прекрасными намерениями; она влечет за собой гибель революции.

В жизни обществ наступают времена, когда революция становится необходимостью. Повсюду зарождаются новые идеи; они стремятся пробить себе дорогу, осуществиться на практике; но постоянно они сталкиваются с сопротивлением тех, кому выгодно сохранение существующего порядка; им не дают развиваться в удушливой среде старых предрассудков и преданий...

Чувствуется потребность новой жизни. Ходячая нравственность, которую руководится в ежедневной жизни большинство людей, уже перестает удовлетворять их. Люди начинают замечать, что то, что раньше казалось им справедливым, на самом деле - вопиющая несправедливость; то, что вчера

признавалось нравственным, сегодня оказывается возмутительной безнравственностью. Столкновение между новыми веяниями и старыми преданиями обнаруживается во всех классах общества, во всякой среде, даже в семейном кругу...

...Следует ли из этого, что социальная революция, должна, как об этом мечтают реформаторы-государственники, опрокинуть все ограды мелкой собственности, уничтожить сады и огороды, обработанные с любовью крестьянином, и пройти по всему этому паровым плугом для внедрения благодеяний, еще весьма гадательных, обработки земли на большую ногу?

Что касается до нас, то мы, конечно, ни в каком случае этого не сделаем. Ни в каком случае мы не прикоснемся к тому клочку земли, который крестьянин обрабатывает своими собственными руками при помощи своих домашних, не прибегая к наемному труду...

II. И современная наука

Русский политэмигрант

В Англию, где Кропоткин побывал уже трижды, ему легко было возвращаться. Там оставались коллеги по Королевскому географическому обществу и русские друзья-эмигранты. К тому же социальная активность британского общества значительно возросла по сравнению с тем, что он наблюдал четыре года назад.

Так случилось, что на этот раз Кропоткин приехал в Англию надолго: он прожил там больше тридцати лет. В шутку он называл это «ссылкой» после тюремного заключения. Но, конечно, это была добровольная ссылка, которая предоставляла максимум возможной свободы. Почти каждый год Петр Алексеевич выезжал в другие страны Европы, дважды, в Америку, много ездил по Англии и Шотландии, но всегда возвращаться в район Лондона. Там был его дом.

В те годы промышленность Англии переживала сильнейший кризис. Улицы были переполнены безработными, бездомными, обнищавшими людьми, готовыми к неуправляемому бунту. И имущие жители Вест-Энда пытались как-то заглушить недовольство с помощью благотворительности. Собранные в пользу безработных деньги конечно не спасали положение. Однако Кропоткину такое поведение показалось достойным внимания: это было едва ли не первое широкое проявление сочувствия благополучных классов беднейшим.

На первое время их с женой приютили Фанни и Сергей Кравчинские, уже два года жившие на улице принца Уэльского. Кропоткина хорошо знали в Англии. Он сразу же получил несколько приглашений читать лекции. И осенью 1886 г. объехав почти все большие города Англии и Шотландии. Анархический социализм и преобразование общества на безгосударственной основе - вот главные его темы. Рассказывал он и о только что отбытом тюремном заключении, и о положении в России. «Каждый вечер я виделся после лекции со множеством народа, принадлежавшего к самым различным классам. И в скромной ли комнате рабочего или в гостиной богача завязывалась одинаково оживленная беседа о социализме и анархизме, продолжавшаяся до глубокой ночи... Всюду она велась с одинаковой серьезностью»¹.

¹ *Записки, С. 313-314.*

Его спрашивали, кто будет организовывать производство при социализме и какой нравственный двигатель заменит ныне существующее в обществе принудительное начало. Спрашивали о том, какие уступки необходимо будет сделать, чтобы удовлетворить требования английских рабочих. Ведь Англия - страна левого центра, заметил как-то Кропоткину Джозеф Коуэн, старый член парламента, и всегда живет компромиссами.

Рабочие допускали возможность захвата предприятий, но их интересовало, удастся ли ими управлять. Они уже понимали невозможность истинной социализации производства при сохранении государства, они решали вопрос о том, как смогут наладить управление сами рабочие. Поразило Кропоткина значительное участие в рабочем движении людей из средних и даже высших классов (этого он не видел в Швейцарии). Среди организаторов митингов, на которых говорились речи весьма левой направленности, нередко были люди из буржуазного круга, они же собирали деньги в пользу стачечников, безработных и бездомных. Обнаруживались даже какие-то признаки, хотя и очень слабые, начавшегося в Англии движения «в народ»: представители интеллигенции устраивали народные университеты, часто посещали рабочие кварталы, а то и поселялись там жить. Например, такое поселение существовало в Лондонском пригороде Тойнби-Холл.

Группа единомышленников Петра Кропоткина стала издавать ежемесячник «Freedom» («Свобода»). Эта газета стала пропагандистом кропоткинских идей в Лондоне, своего рода преемником «Бунтовщика», который продолжал существовать. Из Швейцарии под названием «Le Revolte» («Восстание») издание было перенесено в Париж. Позже, когда газету редактировал Жан Граф, она стала называться «Temps Nouveaux» («Новые времена»), но суть ее оставалась все той же - кропоткинской.

Сотрудничая в этих газетах, Кропоткин изо дня в день убеждал своих читателей, что государство, даже если его возглавят социалисты, не способно справедливо обеспечить потребности всех членов общества при условии, что оно будет рассчитывать на централизацию и принуждение, а не на свободную инициативу непосредственно крестьян и рабочих, объединяющихся в ассоциации, связанные только взаимной заинтересованностью и солидарностью. Идея ассоциаций не нова, ее развивали еще Роберт Оуэн и Шарль Фурье. Но Кропоткин определенным образом трансформировал ее, подведя под нее естественно научный фундамент, хотя черты первоначального утопизма сохранились и в кропоткинской теории.

Собственно, на все социальные проблемы он смотрел сквозь призму своего знания и глубокого понимания природы. Став общественным деятелем, он не перестал быть ученым - география, геология, биология продолжали его интересовать, как и прежде. Это было видно даже по тем журналам и газетам, в которых появлялись его статьи: революционные памфлеты всегда чередовались с публикациями на научные темы. И в научном сообществе его знали также хорошо, как в среде радикально настроенной интеллигенции. Он был знаком со многими выдающимися учеными Англии, прежде всего, конечно, с естественниками. Так, во время своего «турне» на северо-востоке страны с лекциями для рабочих, прибыв в Эдинбург, он остановился у известного филолога Джона Стюарта Блэки, переводчика Эсхила, а в доме биолога Патрика Геддеса встретился с 25-летним норвежцем Фритьофом Нансеном, который еще только обдумывал свой план пересечения на лыжах ледяного щита Гренландии. Через десять лет он будет приветствовать его возвращение из героического дрейфа на «Фраме» и похода к Северному полюсу, через предсказанную в 1871 году Землю Франца-Иосифа.

Лето 1886 года принесло Кропоткиным страшное известие - брат Александр застрелился в Томске вечером 25 июля. Получив разрешение вернуться из ссылки в Центральную Россию,

он отправил семью и обещал поехать следом. Петр звал его к себе, но Александр не верил в то, что ему разрешат выехать за границу. А приступы тоски, которую он называл «фаустовской», находили на него временами и прежде. Теперь, оставшись в Томске один, он не выдержал очередного приступа, и ощущение тупика, бессмысленности жизни погубили его.

Друг о друге братья в эти годы получили лишь отрывочные сведения через третьих лиц. Петр не писал практически совсем из-за того, что получение писем от революционера, продолжающего свою деятельность за границей после побега из русской тюрьмы, никак не облегчило бы судьбу его брата, политического ссыльного. Потом, когда Петр оказался во французской тюрьме, переписка, хотя и очень нерегулярная, возобновилась: двойной контроль русских и французских тюремщиков делал ее, как ни странно, более безопасной. Александр из Томска писал о семье, которую очень любил, о науке, увлечение которой не оставлял никогда. Он сотрудничал в «Томских губернских ведомостях», в газетах «Сибирь», «Восточное обозрение», издававшихся в Иркутске. Много времени посвятил А. Кропоткин организации природного музея в Минусинске. Всю жизнь интересуясь астрономией, опубликовал несколько статей. Их читал и дал высокую оценку директору обсерватории в Стокгольме Юхан Август Гюльтен. Статьи получили одобрение и других специалистов и русских, и зарубежных. Особенно отмечали его способность к широким обобщениям.

Когда Петр Алексеевич приехал в Англию, то сразу же передал через Элизе Реклю, который был в последние годы своего рода посредником в переписке братьев, приглашение Александру переселиться после освобождения в Лондон. Но советовал приехать сначала одному, чтобы устроиться с работой, а потом уже вызвать жену с детьми...

«Туча мрачного горя висела над нашим домиком несколько месяцев, до тех пор, покуда луч света не прорезал ее». Этим лучом было появление в кропоткинской семье дочери, которой дали имя брата - Александра. «Беспомощный крик ребенка затронул в моем сердце новую, неведомую до тех пор струну»¹. Произошло это событие 15 апреля 1887 года.

1 Записки, С. 313.

Трагедия Саши заставила Петра снова задуматься о системе наказаний, а по сути мести, утвержденной законом. У Антигосударственника Кропоткин уже не было никаких сомнений в бесчеловечности этой системы. К этому времени он почти закончил книгу-исследование «В русских и французских тюрьмах».

В ней были обобщены еще живые впечатления от знакомства с «образцовой» французской тюрьмой, и давние - петербургские и сибирские. Выходу книги предшествовали публикации в периодике: в журнале «Девятнадцатый век», в газете «Свобода».

Личный материал Кропоткин дополнил новой информацией, почерпнутой из русских газет и журналов. Еще в 1864 году в России был объявлен новый Судебный устав, в основном вполне совпадавший с либеральными юридическими идеями Европы; устанавливался, например, суд присяжных. Но он был введен далеко не во всех губерниях (в трех Сибирских губерниях его учредили только в 1885 году), а там, где был введен, зачастую

игнорировался. Множество политических дел рассматривалось в административном порядке, при закрытых дверях. Следствие вели жандармы. И в тех случаях, когда не было ни малейшей возможности осудить даже при помощи давления на суд, объявлялись административные меры: ссылка на 5, 10, 15 лет. Так поступали со всеми, кто имел смелость высказать неодобрение действиям правительства, со всеми «неблагонадежными»: как с рабочими, участвовавшими в стачках, так и с писателями, чьи произведения были признаны «опасными» для общественного спокойствия.

А уж если обстоятельства дела позволяли устроить суд, да еще со смертным приговором, часто никто не знал, где и когда он происходит. И тем более - где и когда приводится в исполнение приговор. Даже последнее утешение осужденных к смерти - публичность казни - у них было отнято. Вешать стали секретно, в стенах тюрьмы.

По официальным данным «население» тюремной России на 1 января 1882 года составляло 95 тысяч человек. А тюрьмы - лишь отражение российской жизни, ее государственной системы. И ничего нельзя изменить, не разрушив эту систему.

Специальная глава книги была посвящена сибирской ссылке - стране изгнания - и названа «Отверженная Россия». За 10 лет, с 1867 по 1876 годы через Урал перевалило не менее 150 тысяч ссыльных. Может быть, и больше: уголовная статистика очень неточна: лишь половина ссыльных отправлялась в Сибирь по приговору суда, остальные - без всякого суда, по административному распоряжению, по произволу жандармов или местного начальства.

Отдельная глава - о каторге. Каждый год шли по этапу в Сибирь около двух тысяч каторжных. Издевательство над людьми, разрешенное законом, - вот что такое сибирская каторга в царской России. «Наказания, налагаемые на арестантов, целиком зависят от воли управляющего заводом и в большинстве случаев отличаются жестокостью... Плетки являются в глазах надсмотрщиков обыкновенной вещью..., а кроме плетей имеется целая шкала очень жестоких наказаний, например, приковка к стене в подземном карцере на целые годы, практикуемая на Акатуе. Нечего и говорить, что управляющий приисками является чем-то вроде самодержавного монарха и что какие-либо жалобы на него - совершенно бесполезны...» 1

1 Кропоткин П. А. В русских и французских тюрьмах. СПб, 1906, С. 164.

Очевидно, «достижения» царских тюремщиков были многократно превзойдены в первой половине нашего столетия. Масштабы сталинских репрессий оказались грациозней. Но тогда, в XIX столетии приводившиеся Кропоткиным факты произвели впечатление на Западе. В этом смысле его книга «В русских и французских тюрьмах» вписывается в русскую литературную традицию, прослеживающуюся от «Записок из мертвого дома» Федора Достоевского до «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына.

Кропоткин ставит вопрос о целесообразности тюремного наказания вообще. Тюрьма не исправляет преступника, - считает он, - а лишь сокрушает его физические и особенно нравственные силы; те, кто раз побывал в тюрьме, обычно возвращаются в нее. Но как же быть с преступниками, которые мешают людям жить? Если их не наказывать, значит

добровольно приносить в жертву невинных людей?

Кропоткин так отвечает: «В древности был обычай, согласно которому всякая коммуна... считалась... ответственной за каждый противообщественный проступок, совершенный кем бы то ни было из ее членов. Этот древний обычай теперь исчезал, подобно многим хорошим пережиткам старого общинного строя. Но мы снова возвращаемся к нему... начинаем чувствовать, что все общество в значительной мере ответственно за противообщественные поступки, совершенные в его среде. Если на нас ложатся лучи славы гениев нашей эпохи, то мы не свободны и от пятен позора за деяния наших убийц...» 2

2 Там же.

Тогда не все в кругах интеллигенции Англии и других стран Европы и Америки доверяли статьям и речам русских политических эмигрантов, считая, что они возводят напраслину на правительство России. Многие больше поверили английскому священнику Ландсделлю, который съездил в Сибирь и ничего плохого в тамошних тюрьмах не обнаружили. Собственно, свою книгу Кропоткин написал как раз в ответ Ландсделлю. В качестве арбитра решил выступить американский писатель Джордж Кеннан. Побывав в России и в Сибири, он издал книгу в США, в предисловии к которой написал: «Я думал, что такие писатели, как Степняк и князь Кропоткин оклеветали русское правительство и систему ссылки, что Сибирь вовсе не такая страшная страна, как это рисовалось американцам». Но то, что увидел и описал Кеннан, лишь утвердило авторитет Кропоткина как свидетеля и исследователя.

Кеннан побывал в Томске и виделся там с Александром Кропоткиным, но рассказал об этом Петру Алексеевичу, когда уже было известно о трагической гибели брата. Кеннану Александр показался человеком пылкого нрава, возвышенных понятий о чести, очень искренним и прямым в делах. Он откровенно сказал американскому журналисту: «Меня сослали за то, что я осмелился... говорить, что думаю, обо всем, творящемся вокруг, да еще а то, что я брат человека, ненавистного русскому правительству». И в Томске старший Кропоткин показал свою строптивость: отказался выполнять только что изданный приказ губернатора - всем ссыльным регулярно отмечаться в специальной регистрационной книге. И очень долго упорствовал, хотя вынужден был потом уступить.

Слушая рассказы Кеннана о брате, Петр Алексеевич не мог отделаться от ощущения, что виноват в судьбе Александра.

Скоро в домике Кропоткиных в Харроу поселилась вдова Александра Вера Себастьяновна (урожденная Беринда-Чайковская) с детьми. Она привезла с собой юношескую переписку братьев, и Петр с волнением разобрал ее, привел в порядок и перечитал. Его вновь поразила глубина мышления, свойственная Александру еще с юности. Он очень многим интересовался, очень многое понимал, умел анализировать и обобщать. И, кто знает, может быть, именно это чрезмерно раннее развитие привело его к скепсису. Он рано перестал во что-либо верить. Трактат «Бог перед судом разума» был написан Александром, когда ему едва перевалило за двадцать. И хотя Петр под влиянием брата тоже стал атеистом довольно рано, вера в его душе всегда оставалась - вера в идеал справедливого общественного устройства, возможного при устранении власти из сферы взаимоотношения

людей.

Идеал... Он имеет непосредственную связь с нравственностью. Идеал может быть примитивным, низменным или благородным, возвышенным, но у каждого он есть. Трудно понять, откуда он берется, как вырабатывается. Естественно, что человеку ненавистны раболепие, ложь, бесчестность, неравенство, власть над другими людьми. Да, именно власть мешает людям приближаться к идеалу: власть одних и подчинение ей других. Хотя, конечно, многих устраивает положение подчиненного, даже раба: лишь бы было сытно и спокойно... Не всем нужна свобода. Но вряд ли такая жизнь достойна человека, она не может быть прекрасной, счастливой...

Эти мысли не дают покоя, просятся на бумагу. И он пишет (сразу по-французски) свою первую статью, посвященную вопросам нравственности - «Morale Anarchiste» («Анархистская мораль») - и отправляет ее Жану Граву в его «Новые времена» в Париж: «Откуда явился этот идеал?... Мы едва знаем, как идет его выработка... Но идеал существует. Он меняется, он совершенствуется, он открыт всяким внешним влияниям, но всегда живет. Это - наполовину бессознательное чувство того, что дает нам наибольшую сумму жизненности, наибольшую радость бытия. И жизнь только тогда бывает мощной, плодотворной, богатой сильными ощущениями, когда она отвечает этому чувству идеала. Поступайте наперекор ему, и вы почувствуете, как ваша жизнь дробится; в ней уже нет цельности... Начните постоянно колебаться между различными чувствами, борющимися в вас- и вы скоро нарушите гармонию организма» 1.

1 Кропоткин П. А. Этика. М. 1991. С. 313.

Цельность и гармония достижимы, лишь когда жизнь предельно интенсивна. Эту мысль Кропоткин с восторгом обнаружил у рано умершего современника, философа и поэта Жана Мари Гюйо*, развивавшего «философию надежды». Это был его единомышленник. Жизнь, бьющая через край! Когда ее с радостью расточаешь, отдаешь другим, не ожидая ничего взамен, - вот это счастье. Но что это? Альтруизм или эгоизм? Моралисты эти понятия противопоставляют. Кропоткин же не видел между ними различия: «Если бы благо индивида было противоположено благу общества, человеческий род вовсе не мог бы существовать... благо индивида и благо рода по существу тождественны... Цель каждого индивида - жить интенсивною жизнью, и эту наибольшую интенсивность жизни он находит в наиболее полной общительности, в наиболее полном отождествлении себя самого со всеми теми, кто его окружает...»

И в конце статьи - призыв к борьбе нравственной: «Сей жизнь вокруг себя... Как только ты увидишь неправду и как только ты поймешь ее, - неправду в жизни, ложь в науке, или страдание, причиненное другому - восстань против этой неправды, этой лжи, этого неравенства... Борись, чтобы дать всем возможность жить этой жизнью, богатою, бьющею через край; и будь уверен, что ты найдешь в этой борьбе такие великие радости, что равных мы им не встретишь ни в какой другой деятельности» 2.

2 Там же, С. 315-317.

Созвучная ранее написанному воззванию «К молодежи!», статья обозначила новое направление в творчестве Кропоткина - нравственно-эстетическое, которое станет для него очень важным. Оно соединит его социологическую концепцию с естественнонаучной в биосоциологический закон взаимопомощи.

В Англии Кропоткин жил в одно время с философом и социологом Гербертом Спенсером, оказавшим на него большое влияние. Собственно, занятие наукой способствовало также тому, что его увлекли идеи позитивизма, развивавшиеся Огюстом Контом и Гербертом Спенсером. Он познакомился с ними еще в юности, когда с братом переводил на русский «Основы биологии» Спенсера. Его привлекла и попытка ученого построить единую, синтетическую науку, а также понимание им общества как своеобразного организма. В позитивизме Кропоткин взял идею единого метода для естественных и общественных наук, основанного на наблюдении, и представление о неразрывном единстве природы, общества и человека.

Но Кропоткин во многом критиковал Спенсера, посвятив ему специальную работу «Герберт Спенсер: его философия». Главным образом - за прямой перенос им идеи борьбы за существование из природы в общество.

Вряд ли Кропоткин и Спенсер встречались, хотя английский позитивист умер в 1903 году в Брайтоне, где часто бывал Кропоткин, а с 1911 по 1917 год жил постоянно.

О науке в конце века

Лет пятнадцать назад Кропоткин навсегда решил оставить занятия наукой. Среди озер и холмов Финляндии уверовал, что должен отдать свои силы на то, чтобы простой народ его родины, лишенный даже элементарной грамотности, обрел свободу и изведать, как и он, радость знания - могучей силы, позволяющей человечеству двигаться вперед. Это был поступок нигилиста, народника, русского интеллигента. Но все же нужно было завершить то, что уже начато. И поэтому он выступил с докладом в географическом обществе, не считаясь с опасностью ареста. А потом работал над книгой о ледниковом периоде в каземате Трубецкого бастиона.

Оказавшись за границей фактически без средств к существованию, Кропоткин просто вынужден был вернуться к науке - только она позволила ему зарабатывать и выжить. Первоначально он рассматривал свои статьи-рефераты лишь как источник скромного заработка, который позволил ему основную часть времени посвящать революционной пропаганде.

Но вот в 1882 году умер Чарльз Дарвин. Кропоткину прислали приглашение на участие в похоронах, но он не смог им воспользоваться, поскольку находился в это время во Франции под арестом, но в «Бунтовщике» появилась его статья, посвященная великому биологу и анализу его учения.

Он углубленно стал изучать биологию. В архиве сохранилось множество связанных с этой наукой конспектов, заметок, библиографических записей, черновиков статей на русском, французском, английском языках. В 1890 году выходит отдельной книгой на русском языке

без обозначения места и года издания статья «Непосредственное влияние среды в мире растений и животных», и в том же году в журнале «Девятнадцатый век» - первая статья из биосоциологической серии «Взаимная помощь среди животных». Он начал развивать свою теорию, обнаружив у Дарвина слабый намек на возможность отношений солидарности в животном мире, но в основном базируясь на выводы К. Кесслера, с которыми ознакомился в тюрьме Клерво. Там он вернулся к науке и не расставался с ней уже до конца жизни. Много времени отдал Кропоткин по просьбе Элизе Реклю работе над пятым томом его грандиозной «всеобщей географии». Этот том посвящен был Кавказу, Средней Азии и Сибири. Кропоткин писал по-французски, и с большим удовольствием: он с детства знал и любил этот язык. Там же, в Клерво, он выполнил заказ редакции Британской энциклопедии и написал статью об анархизме. Широкая эрудиция Кропоткина, способность к анализу и обобщению позволили ему стать в ряд основных авторов 11-го издания Британской энциклопедии, который готовился к началу нового века. Кропоткиным написаны фактически все, что касается России. Это статьи об Амуре, Байкале, Кавказе, Москве, Нижнем Новгороде, Новой Земле, Новосибирских островах, Сибири, Становом хребте, Якутии - около 170 статей.

Издававшаяся в Оксфорде двумя братьями Чемберс энциклопедия давала более полные, чем *Britannica*, характеристики стран мира; и редакция пригласила Кропоткина в качестве автора. Его статья о России заняла восемнадцать страниц мелкого двухколоночного текста; она включила разделы о распределении и составе населения, морских берегах, реках, орографии, климате, флоре и фауне. Кропоткин выделяет физико-географические районы на территории Европейской России, рассказывает о формах землевладения, размещении различных видов промышленности, характеризует торговлю, навигацию, разные виды транспорта, особенности архитектуры, историю языка и литературы.

Так в уменьшенном размере ему удалось все-таки осуществить свой давний замысел о полном землеописании России. И он, конечно, с увлечением работал над этим текстом, хотя сверхсжатый стиль энциклопедии был не по душе ему, любившему писать развернуто, ярко, образно.

Начиная с 1883 года, Кропоткин часто публиковался в очень популярном тогда в Англии журнале «*The Nineteenth Century*» («Девятнадцатый век»). Журнал этот начал издаваться в 1818 году Британской ассоциацией содействия науке и ставил перед собой величественную и благородную цель - отразить картину интеллектуальной (и не только научной, но и социальной) жизни человечества в XIX столетии. С началом XX века журнал еще продолжал выходить, а к названию его были добавлены слова *and after* (и после). В нем немало места отводилось общественно-политическим проблемам и среди них серия Кропоткинских статей о русских тюрьмах, присланных еще из тюрьмы французской. Они были опубликованы в 1883 году. Но в том же году статьей «Путешествие в Сибирь» он начал свой географический цикл. Затем последовал ряд публикаций на самые различные темы.

С 1892 года Кропоткин - ведущий автор раздела «*Recent Science*» («Современная наука»). Содержание написанных им научных обзоров необычайно разнообразно: строение протоплазмы и структуры звезд, пластические свойства льда и лучи Рентгена, землетрясения и циркуляция атмосферы, структура мозга и исследования Антарктиды, открытие инертных газов и искусственные алмазы, кометы и планеты солнечной системы,

солнечная корона и цветовое зрение, происхождение гор и природа малярии, атмосферное электричество и химический синтез, предсказание погоды и конденсация газов...

Первенство принадлежит работам геолого-географического и биологического направлений.

«Ничто не может быть более желательного для будущего развития физической географии и науки вообще, чем возобновление интереса к антарктическим исследованиям, свидетелем которого теперь стала вся Европа»¹, - Так начал Кропоткин статью об исследованиях в южной полярной области, сообщения о которых стали поступать в 90-х годах.

¹ *«The Ninetcenth Centure» 1895, v. 38, p. 82-102.*

Кропоткин обращал внимание на то, что исследованием морей, окружавших Южны полюс, долгое время не занимались. Все усилия были обращены к Северу. Правда, те, кто шел в Арктику и зимовал на севере Гренландии, на Шпицбергене и Земле Франца-Иосифа или даже на северных берегах Сибири, возвращались на родину с такими замечательными результатами, что был соблазн снова отправиться туда. Они собрали удивительную коллекцию северной современной и ископаемой флоры и фауны, опрокинувшую все прежние представления о распределении климата и живых организмов. Ими были выполнены наблюдения по всем отраслям физики Земли. Они могли рассказать множество впечатляющих историй о лишениях и успехах, а также о стойкости и упорстве в достижении целей. Они описывали прекрасные пейзажи, погруженные во тьму арктической ночи или озаряемые первыми лучами долго отсутствовавшего Солнца, и становилось понятно, как глубоко они были захвачены северной природой, как нерушима их любовь к северу.

В февральском номере журнала за 1897 год появляется сделанный Кропоткиным разбор научных результатов ледового плавания Фритьофа Нансена и Отто Свердруп на специально построенном судне «Фрам». Кропоткин подчеркивает научную ценность вывода Нансена о форме Полярного бассейна, о характере циркуляции его вод и дрейфующих льдов, о связи ледовитости с климатом, глубинами океана и расположением островной цепи. Особо останавливаясь на открытии Нансеном теплых атлантических вод, ушедших неподалеку от полюса под слой поверхности холодного течения, на геомагнитных и метеорологических наблюдениях, выполненных на борту «Фрама», он пишет, что эти наблюдения просто бесценны и значение их увеличивается еще тем, что в те годы проводили метеорологические наблюдения Фредерик Джексон на Земле Фаранца-Иосифа и немецкая экспедиция Э. Кроля на востоке Шпицбергена.

Снова прозвучали в статьях Кропоткина тем ледникового периода и послеледниковых изменений климата. Он подробно рассмотрел все существующие гипотезы, пытающиеся объяснить причины движения ледников, и пришел к выводу о том, что ледники движутся благодаря присущей им пластичности, подобной той, что обдают воск и канифоль. Пойдут годы, и мировая гляциология, окончательно оформившаяся как физическая наука лишь к середине XIX столетие, признает это положение одним из важнейших.

Пишет он и об исследованиях геологов, о новейших взглядах на процессы горнообразования и на причины землетрясений, об изучении атмосферы с помощью воздушных змеев и шаров,

о составлении прогноза погоды. Статья о циркуляции атмосферы была напечатана в 1893 году в 33-м томе «Девятнадцатого века». Он вернулся к тебе, впервые затронутой в заметке для «Санкт-Петербургских ведомостей», через четверть века и обратил внимание на то, что в течение последних тридцати лет данные по метеорологии накапливались очень быстро. Создание же на основе этих данных всеобщей теории циркуляции атмосферы, которая включала бы распределение тепла, давления, влажности и ветра над поверхностью земли, явно запаздывало.

С большой охотой рассказывая о достижениях своих коллег-географов, Петр Алексеевич выступал со своими, оригинальными идеями. Так, в 1904 г. он прочитал в Королевском Географическом обществе доклад «Высыхание Евразии». Суть его новой идеи заключалась в утверждении закономерной смены ледникового периода озерным с последующим прогрессирующим высыханием территории, некогда занятой ледником. В подтверждение этой мысли он приводил известные факты сокращения размеров озер признаки былого впадения Амударьи в Каспий и предлагал систему мероприятий, с помощью которых человечество смогло бы замедлить или вовсе предотвратить развитие этого нежелательного природного процесса. Это - искусственное облечение безводных местностей, шлюзование рек и устройство артезианских колодцев в степях и пустынях. Можно ли воспрепятствовать процессу высыхания озер - тем одной из статей, помещенных Кропоткиным в «Санкт-Петербургских ведомостях» еще в 1869 году.

Также давнюю историю имеют истоки его концепции существования озерного периода. Они обнаруживаются в письмах Кропоткина из Финляндии и в «Исследованиях о Ледниковом периоде». Спустя 23 года он развил давние свои наблюдения в целостную теорию и в докладе на заседании Географического общества в Лондоне утверждал, что наблюдавшееся в Евразии ослабление увлажненности - прямое следствие ледникового периода, завершившегося периодом озерным. При этом Кропоткин ссылался на карту почв Европейской России, составленную В. В. Докучаевым, на работы европейских географов и климатологов. О том, что идеи Кропоткина о послеледниковых изменениях климата повлияли на взгляды основателя науки о почвах Докучаева, писал в 1909 году В. И. Вернадский*.

Обсуждение доклада о высыхании Евразии было оживленным. В нем приняли участие Мартин Конвей, рассказавший о наблюдавшемся им понижении уровня озера Титикака в Южной Америке; исследователь Кавказа Дуглас Фрешвильд, подтвердивший идею Кропоткина данными о повсеместном сокращении ледников, что является очевидным признаком иссушения, и другие ученые. Кропоткин поблагодарил выступивших, выразив особое удовлетворение тем, что дискуссия осветила проблему с разных сторон. Доклад был напечатан в журнале Общества, а затем издан отдельной книгой. И тогда у нее появились критики. Сред них - русский географ и биолог Л. С. Берг*, доказывавший в своей работе «Высыхает ли Евразия?» что факты не подтверждают концепции Кропоткина. По данным Брега, уровень Аральского моря в последнем двадцатилетии XIX века неуклонно поднимался. Однако согласно современным представлениям, речь может идти о циклических колебаниях увлажненности материков: периоды сухие и влажные чередуются. Эта теория как бы примиряет две точки зрения.

Огромные достижения естественных наук в последние годы способствовали возрождению интереса к географии. Статья «Какой должна быть география?» посвящена этой науке и путям ее развития. С точки зрения Кропоткина, география интегрировала в себе законы, открытые смежными науками. Успешные путешествия в Арктику, изучение глубин морей и еще более неожиданные достижения биологии, климатологии, антропологии и сравнительной этнографии придали географии такую привлекательность и так подняли ее значение, что сами методы описания Земли в конце концов подверглись глубоким изменениям: «Снова появились в географической литературе те же высокие стандарты научного мышления и философских обобщений, к которым нас приучили Гумбольд и Риттер».

Для осознания новой роли географии в обществе необходимо понять важность ее преподавания в школе: «Конечно, едва ли есть другая наука, которую можно сделать такой интересной для ребенка, как географии, она может стать сильнейшим инструментом развития человеческого ума и вместе с тем средством овладения методами научного мышления» 1.

1 ОР РГБ, ф. 410, к. 9., ед. хр. 1.

“ «География должна быть наконец о законах, которые управляют процессами изменения лика Земли, поскольку законы действовали при формировании гор и равнин на земном шаре...» 2

2 Там же.

Вопросам географии посвящены статьи Кропоткина в журнале Королевского Географического общества «Geographical Journal», который начал выходить в 1893 году. В них показано особое место географии среди всех наук о земле. В одной из статей дан анализ природных особенностей степных ландшафтов на основе личных впечатлений автора от знакомства со степями Сибири.

От Кропоткина Западная Европа узнала о многих выдающихся русских ученых, преимущественно о географах и геологах. Большую симпатию вызвал у Кропоткина молодой геолог Эдуард Толль, настойчиво, от экспедиции к экспедиции шедший к своей цели - открытию гипотетической Земли Санникова. На пути к несуществующей земле он исследовал Новосибирские острова. В отчете Толля о его географических исследованиях содержалось подтверждение идей Кропоткина о древнем материковом ядре Евразии и о былом оледенении Сибири. Находил он в материалах полевых исследований Толля и поддержку своей орфографической схемы Азии. Когда пришло известие о гибели Толля, Кропоткин опубликовал статьи его памяти, в которых рассмотрел научные идеи отважного полярного путешественника.

Писал он также о картографе и геодезисте Алексее Тилло, биографе и этнографе Густаве Радде, океанологе адмирале Степане Макарове.

В то же время географы и геологи России никогда не забывали о Петре Кропоткине, как об ученом, следили за его деятельностью за рубежом, не боялись, несмотря на официальный запрет, ссылаться на его научные работы. Так, А. И. Воейков несколько раз приводил данные метеорологических наблюдений Кропоткина в своем труде «Климаты земного шара, в особенности России». П. П. Семенов-Тянь-Шанский высоко оценил их в книге к 50-летию Русского географического общества. На работы Кропоткина по ледниковому периоду ссылались многие русские географы и геологи.

В 1895 г. Петр Алексеевич встретился с некоторыми сотрудниками РГО на VI Международном географическом конгрессе, который состоялся в Лондоне. Он выступил дискуссии по докладу швейцарского гидролога Альфонса Фореля об исследовании горных озер. Тогда же, видимо, договорился о получении им из Петербурга изданий РГО и других русских книг по географии. Русские коллеги-географы прислали цинковых ящик с рукописью второго тома «Исследований о ледниковом периоде», выпрошенной у жандармов. Эта посылка была ему особенно дорога.

В том же году Кропоткин отправил письмо Семнову-Тянь-Шанскому, сопроводив им свои статьи, посвященные России, которые писал для Британской энциклопедии. Кропоткин коротко рассказал о себе - о том, что произошло с ним за последние двадцать лет со времени последнего доклада в РГО. Он писал: «Посылаю Вам, многоуважаемый Петр Петрович, сердечный привет. Наша общая работа в России оставила во мне самые теплые воспоминания. Искренне вам преданный П. Кропоткин» 1.

1 ГАРФ, ф. 1129, оп. 3, ед. хр. 491.

То, что Семенов-Тянь-Шанский, член Государственного Совета, был известен своими консервативными, монархическими взглядами, не виляло на отношение к нему Кропоткина, который был терпим к чужим взглядам и убеждениям. С большим уважением, например, отнесся он к религиозным исканиям Льва Толстого, хотя сам был убежденным атеистом. У себя в Бромли он принимал руководителя духоборов Петра Веригина, и несмотря на то, что один был атеист, а другой глубоко верующий человек, но духовно они оказались близки.

За океан

В годы эмиграции Петр Кропоткин не провел ни одной экспедиции, подобной сибирской или финляндской. Правда, можно сказать, что была совершена своеобразная экономико-географическая экспедиция, продолжавшаяся с перерывами не менее двух десятилетий, если иметь в виду его поездки и походы по Англии, в которых он обращал внимание в основном на вопросы экономики сельского хозяйства, собирая материал для книги «Поля, фабрики, мастерские». А вот во время поездки в Канаду в 1897 году состоялась небольшая научная экспедиция, похожая на те, что он совершил в молодые годы.

Кропоткин участвовал в двух конгрессах британской ассоциации содействия прогрессу науки, членом которой являлся. На первом из них - в Ноттингеме в 1893 году, - он сделал доклад об оледенении Азии. На втором - четыре года спустя, в Торонто - выступил с двумя

докладами: об озерном периоде и об оазах Финляндии.

После конгресса, вместе с известным геоморфологом из Вены Альбрехтом Пенком, Кропоткин отправился вдоль канадско-тихоокеанской железной дороги. Конечно, Петр Алексеевич обращал внимание на следы древнего обледенения, принимавшего в Северной Америке столь же грандиозные размеры, что и в Европе. Полезен был для него и обмен мнениями с Пенком, представителем европейской геоморфологической школы.

В рукописном наброске «Канада и канадцы» он прежде всего обращает внимание на сразу же бросившееся ему в глаза разительное сходство природы Канады и Сибири: «В самом деле, Канада немногим меньше Сибири и по общему характеру во многом сходна с Сибирью, особенно в своей западной части».

Проехав через всю Канаду с востока на запад, Кропоткин обнаружил смену природных зон, схожую с той, которую он хорошо изучил, четырехкратно пересекая Сибирь во время своих разъездов. «Сперва идут скалистые рудоносные горы страны озер, которые можно приравнять к Уральским горам. Затем начинаются низменные черноземные степи Манитобы, быстро заселяемые, как и степи южной части Тобольской губернии и Бараба, массами переселенцев... Затем идет горная область, где высокие цепи заснеженных гор перемежаются с приподнятыми степями, напоминающими Забайкалье, и, наконец, начинается склон к тихому океану, несравненно более узкий, чем в Сибири, где он занимает всю амурскую и Приморскую области, но также отличающийся необыкновенным обилием летних дождей, своеобразной тихоокеанской растительностью и особым оттенком нарождающейся цивилизации» 1.

1 ГАРФ, ф. 1129, оп. 1, ед. хр. 474.

В пределах Канады он выделил пять физико-географических областей и сделал вывод о характере экономического развития и демографических процессах в каждой из них: «Как в Сибири, население протянулось узкою лентою с востока на запад поперек всего материка в юной его части, и области, которые следуют одна за другою в этой узкой ленте, также отличны друг от друга, как и различные области Сибири». Кропоткин охарактеризовал главные канадские города Монреаль и Квебек, очень напомнивший ему Тобольск. Кратко изложил историю индейских племен - коренного населения этого обширного края.

Статья Кропоткина «Природа и ресурсы Канады» была опубликована в журнале «Девятнадцатый век». Ее прочитал Лев Толстой и обратил внимание именно на то, что автор находит в природе Канады черты, сближающие ее с русской природой. Он попросил через В. Г. Черткова помочь выбрать район в Канаде, наиболее благоприятный для переселения из России гонимых царскими властями духоборов за их отказ служить в армии с оружием в руках.

Первая встреча Кропоткина с прибывшим в Лондон Чертковым состоялась еще до отъезда П. А. Кропоткина в Канаду на съезд Британской научной ассоциации в Торонто.

Там Кропоткин связался со знакомым профессором-экономистом Дж. Мэйвором из университета Торонто, тот - обратился в правительство страны. Разрешение было получено.

Именно благодаря содействию Кропоткина, совершилось в конце XIX века переселение в Канаду около семи тысяч наших соотечественников, потомки которых живут там и поныне.

В феврале 1901 года Петр Кропоткин посетил Соединенные Штаты по приглашению Института Лоуэлла в Бостоне. Ему предложили прочитать курс лекций по истории русской литературы. Причиной такого предложения послужила его статья о Толстом для журнала «Harper's magazine». В очень короткий срок, работая с большим напряжением и увлечением, Кропоткин составил цикл из восьми лекций, охвативших по существу всю историю русской литературы - от былин, летописей и сказок до Антона Чехова и Максима Горького.

Вводную лекцию, посвященную русскому языку, он начал такими словами: «Я глубоко сожалею, что не могу передать по-английски понятия о красоте и строении русского языка, который был в употреблении в начале одиннадцатого века на севере России... Словесное богатство русского языка поразительно... Его гибкость особенно сказывается в переводах... Ни одна западно-европейская нация не обладает таким поразительным богатством народного творчества в форме преданий, сказок и лирических народных песен - причем некоторые отличаются необыкновенной красотой - и таким богатым циклом эпических песен, относящихся к седой древности...» ¹

1 Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб, 1906, С. 6-7.

Так говорил перед американской аудиторией Кропоткин, не литературовед, а широко известный революционный публицист и ученый естествовед. Но тонкое понимание и значение русской литературы в общем-то было неудивительно в человеке столь широко образованном. Лекции впоследствии были собраны в книгу, которая была напечатана в Нью-Йорке и Лондоне в 1905 году под названием «Russian literature: ideals and realities». В 1907 году, в переводе с английского В. Батуриным, книга вышла в петербургском издательстве «Знание», основанном М. Горьким.

Кратко, он очень емко рассказал Кропоткин о многих десятках русских писателей. Притом он не ограничивался «обоймой» особенно выдающихся художников слова. Он нашел достаточно места и для менее известных писателей, каждый из которых внес свой, неповторимый вклад в сокровищницу великой русской литературы. Всего им упомянуто около 150 поэтов, прозаиков и драматургов России.

Главное внимание - XIX столетию. Собственно, именно тогда-то произошел расцвет русской литературы, и она заняла свое положение в мире: «медленная работа предыдущих пяти веков уже подготовила то великолепное, гибкое орудие - литературный язык, который вскоре послужил Пушкину для создания его мелодических стихов и Тургеневу для его не менее мелодической прозы».

Показав всемирное значение Толстого, он не смог, однако, также глубоко понять и оценить Достоевского. Есть и другие ошибки в его анализе.

Переходя к XX веку, Кропоткин выделили молодого Максима Горького, художественный метод которого определил как «идеалистический реализм» и, в особенности Чехова, сказавшего прощальное слово уходящему миру.

Естественно, особое внимание уделено русской политической литературе, таким именам, как Герцен, Огарев, Бакунин, Лавров, Салтыков-Щедрин, Белинский, Писарев, Добролюбов, Степняк-Кравчинский»: Говоря о политической литературе страны, в которой нет политической свободы и где произведения печати подвергаются строжайшей цензуре, - рискуешь вызвать ироническую улыбку...» Но ни в одной стране, считает Кропоткин, художественная литература не содержит в себе столь мощного политического заряда, как в России: она настолько же политична, насколько художественна.

...Завершив цикл литературных лекций в Бостоне, Кропоткин остановился в Нью-Йорке, где снова читал отдельные лекции и выступал на митингах в рабочих районах. Потом он поехал в Чикаго и, хотя по пути простудился и заболел, провел все запланированные встречи как в Чикаго, так и в других городах Среднего Запада. 22 апреля он выступил в университете Иллинойса с докладом «Современное развитие социализма», а на следующий день в университете штата Висконсин с успехом раскрыл перед слушателями тему «Тургенев и Толстой».

Возвращаясь в Нью-Йорке, он проехал через сельскохозяйственный штат Огайо, где посетил несколько ферм, собрав материал о выращивании пшеницы фермерами. На него большое впечатление произвели результаты их работы, о чем он не один раз еще вспомнит.

Заехав в Буффало, куда специально для встречи с ним приехал из Торонто его английский друг профессор Маэйвор, Кропоткин в мае отплыл в Европу, проведя таким образом в Америке больше трех месяцев. И снова, в которой уже раз, он оказался объектом клеветы. С его отъездом совпало покушение на американского президента Уильяма Мак-Кинли, и местная пресса выступила с утверждением, что оно было организовано не без влияния Кропоткина.

Напряжение во время поездки по Америке, очевидно, сказалось: вернувшись в Англию, Кропоткин заболел очередным бронхитом, мучившим его при малейшей простуде, и испытал серьезный сердечный приступ, который приковал его на время к постели. Пришлось отказаться от постоянной работы в журнале «Девятнадцатый век» и изменить образ жизни. С этого года он стал устраивать перерывы в работе, выезжать на отдых в приморские городки Англии, а иногда - Франции. Прекратил он и свои турне по городам с лекциями.

Они всегда вызвали большой интерес, какой бы ни была тема, а диапазон их, как видим, очень широк. Одно объявление в афишах, что будет присутствовать Кропоткин, обеспечивало полную аудиторию. Привлекало как содержание лекций способность лектора быстро переключиться с одной темы на другую, так и сама манера выступления.

В начале 1898 года волна митингов прокатилась по Англии. Петр Алексеевич принял в них активное участие. Он также выступал в защиту республиканцев и социалистов Барселоны, подвергнувшихся жестоким гонениям. В 1899 году тяжело переживал начало англо-бурской войны. И этой темы коснулась его публицистика.

Подходил к концу XIX сек. Прогнозы на XX-й были противоречивыми. Говорили о неминуемом дальнейшем прогрессе в науке и технике. Говорили о неизбежности новых войн. Говорили о неотвратимости социальных революций и о неизбежном торжестве гуманизма.

Переход в новый век

Именно на рубеже веков, в последние годы XIX и в первые XX, голос Петра Кропоткина, «самого известного русского эмигранта», как назвала его одна из английских газет, зазвучал особенно сильно.

Вслед за написанной им по-французски книгой «Завоевание хлеба», получивший высокую оценку сочувствовавшего социалистическим идеям Золя, выходит в 1898 году «чисто английская» - «Поля, фабрики мастерские», в основу которой положен материал его путешествий по Британским островам. Книга посвящена экономическому положению Англии, тенденциям развития ее сельского хозяйства, снабжена графиками и таблицами. Она очень серьезна, но в то же время оказалась интересна всем и имела в Англии, а потом и во многих других странах огромный успех. На протяжении пятнадцати лет она переиздавалась ежегодно, причем продавалась по желанию автора очень дешево - всего за шесть пенсов. Еще никто не писал так понятно об экономике, которую Кропоткин определил как науку, изучающую потребности людей и способы их удовлетворения с наименьшей производительной затратой сил. В своей книге он разбирал насущный для крестьян вопрос: что можно и до"лжно получить на земле при разумной ее обработке...

1905 год начался с печального известия - умерла коммунарка Луиза Мишель, а через полгода, 4 июля - самый близкий друг Кропоткина - Элизе Реклю. В какой-то степени дух взаимоотношений Петра Кропоткина с братом Александром возродился в его дружбе и сотрудничестве с парижским коммунарком и географом. Тридцать два года назад появилась рецензия на русское издание книги Э. Рюкля «Земля и люди», написанная тридцатилетним Кропоткиным для сборника «Знание» в 1873 году. Теперь Кропоткин пишет некролог, который был напечатан в Англии, Франции и в России - в Известиях Русского географического общества.

Совместная работа и долгая дружба двух ученых основывались на близости во взглядах на задачи и цели географии, в представлениях об эволюции человеческого общества. По-видимому, не случайно основателями нового направления в географии, которое начало развиваться во второй половине XX века и получило в разных странах разные названия (социальная география, радикальная география, география качества жизни), считаются Элизе Реклю и Петр Кропоткин. Оба они рассматривали человека как порождение природы и как ее неотъемлемый элемент, никогда не вычеркивая его из географии земли. И это неожиданно обрело значение пророчества в сегодняшнем мире, озабоченном серьезнейшими экологическими проблемами.

...Революционный для России 1905 год. Кропоткин жадно ловил вести с родины: забастовки, демонстрации, политические требования рабочих, крестьянские бунты. Под угрозой - самодержавия.

Он стал собираться на родину; хотел только закончить некоторые работы. И... не успел: революция разгромлена. Откликнулся на события рядом статей. В одной из них, называвшейся «Революция в России», он утверждал: «Самодержавие... смертельно ранено и более не воскреснет... Смутное время пройдет, и Россия выйдет из него обновленной! русский народ будет противником всякого кровопролития, он выступит поборником мирного развития на пути к достижению высших целей прогресса» 1.

1 «*The Nineteenth Century*» 1906, v. 58.

С началом революции 1905-1907 гг. произошел буквально «прорыв» произведений Кропоткина в Россию: за 4 года (с 1905 по 1908) на русском языке было издано более 70 его работ. Больше всего в 1905-м - 43 названия.

В основном это отдельные статьи, но впервые появились и книги - «Государство, его роль в истории», «Анархия, ее философия и идеал», «Речи бунтовщика», «Современная наука и анархизм», «Хлеб и воля», «Поля, фабрики и мастерские», 3 тома из собраний сочинений. Большинство этих книг конфисковалось, но многие из них издавались снова и снова. Например, его книга о государстве была издана в эти годы пять раз.

Россия, наконец, узнала, о чем думал все эти годы «князь-бунтовщик», покинувший страну в далеком уже 1876 году.

В 1906 году в Париже, где Петр Алексеевич не был двадцать лет, состоялось его выступление перед рабочими. По воспоминаниям очевидца Н. Критской, в день, когда должен был состояться митинг, перед зданием, где он был назначен, почти с утра царило необычное оживление. Толпились полицейские, а по тротуарам тянулись вереницы рабочих: французов, итальянцев, испанцев, русских... Вскоре зал был переполнен. Становилось тесно, душно и тускло от табачного дыма...

Люди ждали начала. Узнавали известных деятелей рабочего движения: высокого, худого Джемса Гильома, редактора газеты «Голос труда» Эмиля Пуже, публициста Жана Грива... Но вот зал взорвался аплодисментами: увидели Кропоткина. Он добрался до эстрады, зал успокоился. Председатель после горячего приветствия предоставил ему слово. И все услышали его ласковый, тихий и в то же время ясный голос:...Я счастлив, что я снова с вами... Прошло почти полвека, когда я с некоторыми моими товарищами выступил в нашей стране на борьбу за лучший строй... Настанет день, когда солидарность и взаимопомощь, - эти великие двигатели прогресса, - заменят принудительное начало, царящее в современном обществе, и только тогда люди и народы всего земного шара смогут объединиться в одну великую семью равных и свободных».

Когда Кропоткин закончил речь, не один раз прерывавшуюся аплодисментами он раскланиваясь, смущенный и взволнованный, с трудом пробирался сквозь толпу к выходу, пожимая протянутые руки.

На съезде русских анархистов в Лондоне в октябре 1906 года Кропоткин выступил с двумя докладами. Политические цели революции только тогда будто достигнуты говорил он, когда произойдут серьезные экономические изменения, а именно, когда средства

производства перейдут непосредственно в руки тех, кто работает на заводах и в полях, (но не государству!) Он также предупреждал, что экспроприация не должна затронуть тех, кто не эксплуатирует чуждого труда, в особенности крестьян, отбирать у которых землю считал недопустимым. И настоял на том, чтобы съезд принял резолюцию против экспроприации.

Сколько было таких выступлений в его эмигрантской жизни!

Иван Майский, советский посол в Англии времен второй мировой войны, а тогда эмигрант-большевик, вспоминал:

“ «Меня сразу поразила внешность Кропоткина: огромный голый череп с пучками вьющихся волос по бока, высокий мощный лоб; большой нос, умные, острые глаза под резко очерченными бровями, блестящие очки, пышные седые усы и огромная, закрывающая верхнюю часть груди борода. Все вместе производило впечатление какой-то странной смеси пророка и ученого...

Дом Кропоткина походил на настоящий Ноев ковчег: кого-кого тут только не было! Революционер-эмигрант из России, испанский анархист из Южной Америки, английский фермер из Австралии, радикальный депутат из палаты общин, пресвитерианский священник из Шотландии, знаменитый ученый из Германии, либеральный член Государственной думы из Петербурга, даже бравый генерал царской службы - все сходились в доме Кропоткина по воскресеньям для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение хозяину и обменяться с ним мнениями по различным вопросам» 1.

1 Майский И. М. Встречи с прошлым. М., 1960, С. 132.

Гостями Кропоткина были Максим Горький и будущий первый советский нарком иностранных дел Георгий Чичерин, толстовец Владимир Чертков и Бернард Шоу, революционеры-народовольцы Герман Лопатин, Николай Морозов и другие. Обсуждались проблемы наступившего XX века. Что он несет человечеству? предчувствия грандиозных потрясений и перемен были у многих...

И в Англии Петр Алексеевич оставался народником. Даже в такой промышленно развитой стране он придавал большое значение крестьянству, расходясь в этом вопросе с социал-демократами. Интересен фрагмент его письма Софье Лавровой от 27 мая 1907 года, когда в Лондоне проходил V съезд РСДРП, на который Кропоткин - единственный из анархистов - получил приглашение: «Роза Люксембург говорила, что крестьянство представляет революционный элемент и нужно ему помогать. Плеханов - с пафосом - принялся отлучать ее «от церкви», обвиняя в измене социализму, в анархизме. Говорят, ленинцы - еще бо“льшие ортодоксы, чем меньшевики!» По-видимому, с Лениным Кропоткин тогда не встречался, но известно, что группа делегатов-большевиков во главе с К. Ворошиловым побывала у лидера анархизма. Они пили с ним чай и много спорили, прежде всего о природе крестьянства и отношении к нему.

На исходе XIX века одновременно в Бостоне и Нью-Йорке, Лондоне и Барселоне вышла книга Кропоткина «Записки революционера». В предисловии к лондонскому изданию Георг Брандес очень высоко оценивал и книгу, и личность автора. Действительно, мемуары Кропоткина имели особенно много изданий, и объясняется это, по-видимому, тем, что она написаны человеком, обладающим несомненным литературным даром и прожившим чрезвычайно богатую событиями, исполненную высоких целей жизнь. Георг Брандес отметил, что «в его книге мы находим психологию России: России официальной - и народной масС. России борющейся за прогресс, и России реакционной»¹. К этому можно добавить, что в книге показан процесс формирования личности: нравственной, широко образованной и чувствующей ответственность за судьбу народа. Такая личность не могла не стать на путь социального просвещения народа и борьбы с самодержавием в России как с наисильнейшим выражением государственной идеи - идеи централизации власти и подавления народного самосознания. «Записки революционера» - это не только история жизни человека на фоне событий эпохи, но и история развития его мышления, формирования его социальной концепции.

1 Брандес Г. Предисловие. В кн. П. А. Кропоткин. Записки революционера. СПб, 1906, С. XIII.

Популярность книги, сразу же очень широкая, сохранялась долго. В 1921 году во Франции вышло ее девятнадцатое издание, в Англии - шестое, в Германии - седьмое, в Испании - третье. Впервые изданные в 1902 году на русском языке Фондом вольной русской прессы в Лондоне, в нашей стране «Записки революционера» выходили тринадцать раз.

Диалог со Львом Толстым

Одним из первых русских читателей кропоткинских «Записок революционера» был Лев Толстой. Он писал Черткову: «передайте мой больше чем привет Кропоткин. Я недавно читал его мемуары и очень сблизился с ним».

Для Кропоткина отношение к нему Толстого имело особое значение. Со своей стороны Толстой проявлял интерес к личности и произведениям Кропоткина на протяжении многих лет. Сближение их началось с того момента, когда в феврале 1897 года в Лондоне появился приехавший из России толстовец Владимир Чертков. В Центральном архиве литературы и искусства в Москве находится более ста писем Кропоткина Черткову. По сути это была переписка с Толстым, в которой Чертков выполнял роль посредника.

Первой публикацией Кропоткина о Толстом была статья «Граф Толстой и Катков» в английской газете «Newcastle Daily Chronicle» в 1882 году. В последующем он неоднократно обращался к имени и творчеству великого писателя и мыслителя, тоже анархиста, отрицателя насилия и власти государства над человеком, хотя и со своей, толстовской окраской.

У же в первом письме, полученном Чертковым от Кропоткина, содержится критика толстовского «непротivления»: «Пока не ослабевает насилие сверху, насилие снизу остается фактором прогресса нравственного. Человечеству нельзя двигаться пассивным

неодобрением. Человечество всегда двигалось только активными силами, которые вы и пытаетесь создать. (Вот почему формула «непротивления злу» неверна. Вы же хотите противления, и нужно очень много противления; вы только хотите его без насилия). Удастся ли вам сплести эти силы - не знаю; думаю, что нет, но несомненно, что по мере того, как равенство будет выходить в нравы, противление злу будет все более и более терять характер насилия - физического отпора - и все более и более будет принимать характер отпора нравственного, настолько дружного, что он станет главной прогрессивной силой» 1.

1 Отдел рукописей Гос. музея Л. Н. Толстого.

Чертков отправил это письмо в Ясную Поляну, и Толстой ответил: «Письмо Кропоткина очень мне понравилось. Его аргументы в пользу насилия мне представляются не выражением убеждения, но только верности тому знамени, под которым он честно прослужил всю свою жизнь».

Для Толстого насилие всегда насилие. Он не может быть освободительным. Злом не победить зло, как огню не погасить огня. Так считал Толстой.

Кропоткин не признавал неизбежность революционно насилия над господствующими классами, которые добровольно от власти не откажутся. Он решительно возражал Толстому. Но сам все же считал классовую борьбу двигателем прогресса. Любая борьба, считал он, ведет к разрушению и уничтожению. Она не может быть созидательной. Даже борьба за существование в животном мире. И тем более людей с людьми. «Освобождение человечества вернее, чем освобождение одного класса», - писал он,

Кропоткин, по-видимому, раньше других революционеров - случай редкий! - проставил общечеловеческое выше узкоклассового. И люди, несомненно, это чувствовали, Георг Брандес в предисловии к первому изданию «Записок революционера» писал: «В настоящее время есть только два великих русских, которые думают для русского народа, и которых мысль принадлежит человечеству: Лев Толстой и Петр Кропоткин... Оба любят человечество и оба сурово осуждают индифферентизм, недостаток мысли, грубость и жестокость высших классов; обоих одинаково тянет к униженным и оскорбленным. Оба видят в мире большие трудности, чем глупости. Оба - идеалисты, и оба имеют темперамент реформаторов» 2.

2 Брандес Г. Предисловие. В кн.: Кропоткин П. А. Записки революционера СПб. 1906. С. XIV. 14.

В феврале 1897 года В. Г. Чертков с женой уезжал из России. Провожать его приехал в Петербург Толстой. Быть может, среди прочих поручений просил Лев Николаевич Черткова зайти в Лондоне к князю Кропоткину... Тогда был озабочен проблемой переселения притесняемых в России духоборов.

Кропоткин и Чертков жили в Лондоне довольно далеко друг от друга. Но часто встречались, а кроме того, обменивались письмами, записками, телеграммами.

В этой обширной переписке то и дело упоминается имя Толстого. В письме от 10 июня 1897 года Кропоткин благодарит Черткова за присланные ему брошюры Толстого: «Многое бы

хотелось сказать по поводу их - но лучше оставить до следующего разговора. Одно скажу - читал их с большим удовольствием...»¹. В этом письме, открывшем переписку, Кропоткин сразу же высказывает свое несогласие с основными идеями учения Толстого, особенно с его проповедью непротivления злу насилием.

1 Отдел рукописей Гос. музея Л. Н. Толстого.

Тесное общение Кропоткина и Черткова продолжалось до возвращения Черткова в Россию в 1906 году. В своих письмах Кропоткин рассказывал о событиях, представляющих интерес для Толстого, а тот, в свою очередь, сообщал свое мнение о статьях и книгах Кропоткина.

Особенно восторженной была реакция Кропоткина на роман «Воскресение», печатавшийся в «Ниве». В письме к Черткову от 29 августа 1899 года он пишет: «Большое спасибо за «Воскресение». Я и на «Ниву» подписался из-за него. Великое произведение. И как нужно было именно это! А о художественности и говорить нечего».

По возвращении из Соединенных Штатов Кропоткин советует Черткову: «Будете писать Льву Николаевичу, скажите, что в Бостоне, Чикаго - большое, т. е. главное, движение против тюрем. Все сомнения, накапливавшиеся годами, прорвало после «Воскресения». Милый он, Лев Николаевич. Сколько людей свет увидели после «Воскресения»².

2 Там же.

И еще раз возникает в переписке разговор о «Воскресении» в январе 1903 года, когда в Лондоне готовилась инсценировка романа. Режиссер В. Фри пригласил Кропоткина в качестве консультанта по вопросам «русского быта». После премьеры. 18 февраля, он сообщал: «Представление вчера «Воскресения» было настоящим триумфом. Впечатление драма производи глубокое...»³

3 ЦГАЛИ, ф. 552, ед. хр. 1707.

В нескольких письмах отразилось беспокойство Кропоткина в связи с болезнью Толстого в 1902 году. А когда поступили сведения о его выздоровлении, он выразил искреннюю радость: «Спасибо большое за хорошую весть о дорогом Льве Николаевиче».

Время от времени книги Кропоткина попадали в руки Толстого, он с одобрением отзывался о них. Особенно ему понравилась брошюра «Узаконенная месть, именуемая правосудием...» Толстой тоже не верил в справедливость суда, назначаемого государством, в законы, которые служат лишь сохранению существующего положения, выгодно тем, кто к нему приспособился. Всякий свод законов Кропоткин считал лишь кристаллизацией прошлого, препятствующей развитию будущего. В нем живая, стремительная вода жизни застывает, омертвляется. Лишь жар солнца может освободить живую воду из коков оледенения. Это солнце - революция... Толстой соглашался, но только он имел в виду революцию духовную, в каждом человеке. Он не верил, что после устранения власти государства сразу же «установится мирное сосуществование» всех со всеми и что без принуждения можно заставить «эгоистов работать, а не пользоваться трудами других». Это место в рассуждениях Кропоткина он называл «поразительно слабым»¹.

1 ЦГАЛИ, ф. 552, ед. хр. 1707.

28 августа 1908 года, в день 80-летия Толстого, в Ясной Поляне была получена, среди множества поздравлений со всего мира, и телеграмма, в которой русский текст передавался латинскими буквами:

“ «В Тулу из Лондона. Сердечно обнимаю дорогого Льва Николаевича. Петр Кропоткин» 2.

2 Отдел рукописей ГоС. музея. Л. Н. Толстого.

Еще в январе 1905 г. Кропоткин закончил рукопись статьи о Толстом для английского издания под названием «Лев Толстой - Художник и мыслитель». Ему не удалось ее нигде опубликовать, но, когда великий писатель умер, в сокращенном и переработанном виде ее напечатала газета «Утро России» в качестве некролога. В заключительной ее части Петр Алексеевич писал:

“ «...Могуществом своего художественного гения он расшевелил лучшие струны человеческой совести...» 3.

3 «Утро Росси». 21 ноября 1910.

В 1920 году, за несколько месяцев до смерти Кропоткин был приглашен на вечер памяти Льва Толстого в Большой зал Московской Консерватории. Он не смог приехать, но зачитали его письмо, в котором он вспоминает о Толстом, как о том, «Кто учил людей любви и братству, кто будил в людях совесть и звал их могучим голосом к построению нового общества на братских и безначальных основах» 1.

1 Соединенный выпуск журналов «Голос Толстого и Единение» и «Истинная свобода». М., 1920, с 25.

Из переписки

П. А. Кропоткин - Х. Р. Миллю 2

2 Архив Королевского географического общества в Лондоне, Н. R. Mill Miss, N 3. Пер. с англ. А. В. Бирюкова (предоставлено Дж. Слэттером).

55 Frogna1

Хэмпстед N. W.

с завтрашнего дня - 13, Woodhurst Rd., Актон

17 ноября 1893

“ Уважаемый д-р Милль!

Искренне благодарю Вас за Ваше внимательное отношение к (планам) моих курсов общедоступных лекций...

Я предложил три курса:

- 1) ледниковый период, главным образом в связи с доказательствами его существования;
- 2) строение Центральной и Северной Азии и его влияние на климат, флору, фауну. Человека и современную колонизацию;
- 3) происхождение и развитие институтов взаимной защиты и поддержки среди первобытных дикарей, во времена варварства, в средние века и в наше время.

Как видите, я следовал Вашим советам относительно последнего курса, однако не решаюсь последовать им в отношении второго, так как не уверен, что знаю материал столь хорошо, что могу читать общий курс. В нынешнем виде он, видимо, был бы более полезен слушателям университета как приложение общих закономерностей к тому району, который мне посчастливилось узнать ближе.

Сегодня вечером я возвращаюсь домой, но до вторник уеду в Манчестер. Думаю, что перевод я отдам мисс Войнич (урожд. Буль, дочери математика), которая хорошо знает немецкий и прекрасно пишет по-английски. Я просмотрю перевод на предмет географических терминов, прежде чем посылать его Вам. Вы получите его в среду утром. Думаю, Вы будете довольны - она серьезно относится к случайным переводам. Кроме того, она прекрасно знает по-русски и вообще очень одаренный человек.

Искренне Ваш П. К.

П. А. Кропоткин - Элизе Реклю 3

3 ГАРФ, ф. 1129, оп. 3, ед. хр. 534. (Пер. с фр. Е. В. Старостина)

Виола, Бромлей, Кент, 1 декабря 1900

“ Дорогой друг!

Спасибо большое за рукописи перевода. Теперь я смогу сделать необходимые исправления. Я их уже начал, но это занимает много времени, (к тому же) я завален работами подобного рода в особенности в Энциклопедии, да и в других местах. Эти дни я провел ночами над статьей

для «Recent Science» («Современная наука»), и это тебе объяснит мое опоздание. Чтобы успеть к назначенному сроку, я должен отложить в сторону всю переписку. Наконец, к полудню все было готово, как раз к номеру «XIX столетия».

Теперь, что касается предисловия. Мое намерение было раскрыть (приказать) или в форме предисловия, или в приложении применение идей орографии Сибири (высказанных в «Очерке») в орографии Азии в целом, затем несколько положений об аналогии Азии и в этом плане с Северной Америкой и несколько очень кратких замечаний (уже написанных) о теории Дэна...

Применение ко всей Азии идей «Очерка» может быть включено или в форме введения или в виде приложения. В этом или в другом случае название этому легко может быть найдено. Например, это могло быть таким: «Очерк орографии Сибири с предисловием, содержащим очерк об орографии Азии. Или лучше: «Очерк орографии Сибири, сопровождаемый приложением по орографии Азии». Но, поскольку деньги не позволяют, придется оставить все как есть.

Публикации на французском приложений в Очерку (который касается только Сибири) по всей Азии и указаний об аналогиях с Америкой, которые из этого вытекают, будут добавлены, и ты мне возвратишь рукопись. Моя работа по переводу (орографии Азии в «Чемберс-Энциклопедии») не должна пропасть. Я мог бы, если это тебе покажется интересным, направить этот манускрипт в Энциклопедию...

С другой стороны, если рассматривать орографию Азии, как я об этом писал в статье в Энциклопедии, замечают, что существует поражающая аналогия между структурой орографии Евразии (к северу Ирана-Армянского плато) и Северной Америкой.

Мы встречаем ту же последовательность типов: плато, прибрежные холмы, высокие равнины и т. д. На двух континентах направленность с Атлантического океана к Тихому. На эти аналогии было указано в «XIX столетии» (март 1898, сС. 495-198).

Что касается происхождения береговой горной гряды (цепи), возвышающейся (над) Азиатским плато, оно объясняется очень просто, и мне кажется, в гипотезе Дэна о происхождении гор (4 издания его учебника по геологии, 1896). В то же время эта гипотеза находит свое подтверждение в концепции орографии Азии, которую я только что подтвердил (см. «XIX век», ноябрь 1897, сС. 805-807; декабрь 1900).

Лондон. 9 сентября 1910

“ Дорогой, многоуважаемый Петр Кузьмич

Извините, пожалуйста, что не тотчас ответил. Г. Кельти был в отъезде и только вчера вернулся; я уже сегодня заехал в Общество, но его нет, должен был куда-то уехать.

Во всяком случае, библиотекарь г. Хивуд... вышлет нам сегодня же «Монголию и Кам». Не знаю, нужно ли все высылать, вы все-таки решили выслать все тома, на всякий случай.

Г. Хивуд вышлет вам также немедленно 25 экземпляров вашей чрезвычайно интересной статьи.

Теперь - насчет вашего доклада - чрезвычайно благодарю вас за лестное предложение быть вашим докладчиком и с большим удовольствием это выполню, если доклад состоится в Обществе, а не в громадной зале возле, где начинаются с ноября Собрания. Большой залы я боюсь, сердце не совсем в порядке. Впрочем, все это узнаю дня через два, так как Кельти сегодня не застал. Так как мне говорят, что в октябре Собрания бывают в самом Обществе, то, вероятно, не будет затруднения выполнить ваше намерение.

Я столько лет с любовью следил именно за вашими работами и так наслаждался, когда вы давали общие описания природы более оживленных частей Монголии, так радовался вашим успехам, что для меня составит особое удовольствие быть чем бы то ни было полезным вам. Лично познакомился с вами и познакомить вас с женою и дочерью будет большое удовольствие.

Искренне вам преданный

П. Кропоткин

Из статьи «Какой должна быть география?» (1885) 1

Легко было предвидеть, что великое возрождение естественных наук, свидетелем которого наше поколение имело счастье быть на протяжении уже 30 лет, равно как и новое направление, представленное в научной литературе фалангой выдающихся людей, которые осмелились выразить в понятной для рядового учителя форме результаты самых сложных научных исследований, принесет что-то вроде возрождения и географии. Эта наука, которая восприняла законы, открытые смежными областями науки, и показала их взаимодействие и взаимовлияние на поверхность Земли, не могла остаться в стороне от общего научного движения, и теперь мы наблюдаем пробуждение интереса к географии, очень напоминающее общий интерес, который она вызывала у прошлого поколения в первой половине века. Между нами нет такого одаренного путешественника и философа, как Гумбольдт; но нынешние путешествия в Арктику и изучение глубин морей, также еще более неожиданные достижения в биологии, климатологии, антропологии и сравнительной этнографии придали географическим работам такую привлекательность и такое значение, что сами методы описания Земли в конце концов подверглись глубоким изменениям. Снова появились в географической литературе те же высокие стандарты научного мышления и философских обобщений, к которым нас приучили Гумбольдт и Риттер. Поэтому не удивительно, что как описания путешествий, так и общегеографические работы, снова стали наиболее популярными среди читателей. Понятно также, что возрождение вкуса к географии должно направить внимание публики к преподаванию географии в школе. Были проведены опросы, и, к нашему изумлению, оказалось, что эту науку - самую привлекательную и поучительную для людей всех возрастов - мы ухитрились превратить в один из самых сухих и бессмысленных предметов...

Конечно, едва ли есть другая наука, которую можно сделать столь же интересной для ребенка, как география, равно как и сильнейшим инструментом развития человеческого ума, и вместе с тем средством ознакомления ученика с правильными методами научного мышления, пробуждения интереса к естественным наукам вообще. Дети небольшие почитатели природы, как таковой, если она не имеет ничего общего с Человеком. Эстетическое чувство, которое играет такую большую роль для воодушевления натуралиста, очень слабо в ребенке. Гармония в природе, красота ее форм, удивительная приспособляемость организмов, удовлетворение от познания физических законов - все это придет позже, после детства. Ребенок все привязывает к человеку, к его борьбе с препятствиями, к его поступкам. Минералы и растения оставляют его равнодушным: он переживает период, когда превалирует воображение. Его интересуют человеческие драмы, или... рассказы об охоте, рыбной ловле, морских путешествиях, борьбе с опасностями, об обычаях и манерах, традициях и переселениях; все это одно из лучших средств для развития в ребенке страсти к изучению природы. Некоторые нынешние «педагоги»

стремятся убить в ребенке воображение. Лучшие из них поймут, насколько ценным является помощь воображения для научного мышления.

Описание Земли и ее обитателей - это, конечно, лучшее средство для достижения такой цели...

Не география должна выполнять и другую, более важную задачу. Она должна научить нас с самых ранних лет, что мы все братья, к какой бы нации мы ни принадлежали. В наше время войн, национального самомнения, самоутверждения и шовинизма, которые умело подогреваются людьми, преследующими собственные, эгоистические, личные или классовые цели, географии должна быть - насколько школа может это сделать в противовес враждебным влияниям - средством опровержения этих предрассудков и создания иных представлений, более отвечающих человечности. Она должна показать, что каждая нация кладет в фундамент общего благосостояния свой неповторимый камень и что только малая часть каждой нации, заинтересована в поддержании чувства национальной ненависти и шовинизма. Следует учитывать, что независимо от других причин, питающих шовинизм, многие народы плохо знают друг о друге.

Эта вторая задача достаточно велика. Но есть еще и третья, еще более грандиозная, - рассеять воспитанные в нас предрассудки относительно «низших рас». Это особенно важно в эпоху, когда все заставляет нас предвидеть, что мы вскоре вступим в ними в гораздо более тесные контакты, чем когда-либо раньше...

Существует отрасль знания, которую систематический французский ум называет Физика Земли и которую, благодаря тесной связи с другими науками, следует развивать и изучать отдельно - как для ее собственной выгоды, так и выгоды смежных наук. Она преследует определенную цель: раскрытие законов развития планеты. И это не просто описательная наука, не просто карты, как однажды сказал о ней один известный геолог, но и работа ума, потому что она открывает законы, управляющие процессами определенного типа - предварительно описав и систематизировав их.

География, во-первых, должна быть наукой о законах, которые управляют процессами изменения лица Земли. Законы эти - как бы ни были несовершенны наши нынешние знания о них - касаются формирования континентов и их исчезновения, их прошлых и настоящих границ, направлений действия различного рода стихийных сил. Эти модификации континентов подчинены законам движения земной коры, точно так же, как распределение планет Солнечной системы - космическим. Вот один пример из сотен; если рассмотреть два континента - Азию и Северную Америку, то заметим ту роль, которую в их структуре играют колоссальные равнины; древность эти равнин, серия веков, в течение которых они оставались континентами, направление их осей и узкие оконечности,

вытянутые к району около Берингова пролива, и когда к тому же мы примем во внимание параллельность горных цепей и последовательность к которой главные направления горообразования - северо-западное и северо-восточное - повторяются, направлены на юг, мы должны прийти к выводу: какие-то единые законы действовали там и тут при формировании громадных возвышенностей и плато на земной коре. Эти законы до сих пор не открыты. Сама орография четырех континентов в эмбриональном состоянии. Но мы уже нащупываем известную гармонию в крупных структурных линиях Земли и можем строить догадки об их происхождении...

Из статьи «Послеледниковые изменения климата» 1 (1894)

1 The Nineteenth century, v. 35, p. 141-157.

“ Если бы ледниковая теория основывалась только на наших знаниях воздействии ледников и покровов льда на горные породы, о характере ледниковых отложений, которые рождаются на их поверхности, а также на доказательствах того, что эти отложения никогда не были транспортированы текущей водой, а сконцентрированные в валы, которые не могли быть созданы водой, - короче, если бы только на фактах динамической геологии - уж тогда она покоилась бы на прочной основе. Но теория располагает для своего подкрепления еще и целой армией палеонтологических фактов, прямо доказывающих охлаждение климата в то время, когда огромный ледяной покров начинает отступать из умеренной теперь зоны; сверх того, она подтверждена данными, недавно полученными относительно послеледникового времени.

Уже в 1846 году Е. Форбс осмелился предположить, что близкое сходство арктической флоры и растительности высочайших вершин Альп, Пиренеев и Гималаев обязано тому факту, что было время, когда низменности Средней Европы полностью покрывались арктической и субарктической растительностью, которая оставила свои следы в верхней части плоскогорий. Его предположение теперь полностью подтверждено многолетними исследованиями как шведского геолога Натхорста, так и исследованиями Неринга в области послеледниковой флоры и фауны. Натхорст, который специализировался на этом предмете, действительно доказал, что на всей площади Европы, которая была подвергнута обследованию, имеются многочисленные след субарктической растительности. Он исследовал Швецию, Германию, Великобританию и Россию с этой специальной целью, и всюду извлекал из верхних моренных

отложений ледяных щитов образцы глин и торфяников, содержащие остатки арктических карликовых видов березы и ивы, которые вместе с другими видами характеризуют в настоящее время тундры далекого Севера или растут у краев арктических ледников. Действительно, эти отложения совершенно подобны тем, которые теперь образуются у краев ледников Шпицбергена и Гренландии. Таким образом, очевидно, что в то время, как многочисленные ледяные покровы медленно отступали к Северу, тундровая растительность сменялась степной, и в Европе обитали в это время виды, встречаемые нами теперь на берегах Арктического океана...

Теория Неринга встречает во многом неблагоприятную критику, но эта критика была вызвана частично легкими преувеличениями в его первых выводах и, главным образом, неправильным толкованием слова *steppe* (степь). В Западной Европе это слово вызывает мысль о сухих пустынях, тогда как в действительности для обитателей собственно степей - это синоним «прерий» и «пампасов». Подразумеваются легко всхолмленные земли, покрытые степными травами, но не полностью безлесные. То, что русские ботаники называли «лесостепной зоной» южной России, где растительность леса и степи находится в борьбе друг с другом, было бы лучшим ответом на факты, установленные Нерингом. Это также должно наводить на мысль, что широкое распространение степных земель неизбежно подразумевает засушливый климат, подобный тому, какой преобладает в среднеазиатских пустынях. Однако Барабинская степь, например, источена бесчисленным количеством озер, и слой дождевых осадков в этих степях, так же, как в южной России, варьирует от 14 до 20 дюймов. Идея Неринга, таким образом, правильна, поскольку подразумевается, что тундры, которые покрывали Среднюю Европу после отступления ледяного покрова, постепенно вытеснялись лесами, но в то же время большие пространства оставались безлесными. Это делает в действительности очень вероятным, что в то время, как низкие и плоские заболоченные пространства, погребенные под глинистыми моренными отложениями, покрывались болотистыми лесами, подобно «урманам» на Оби и Иртыше, оставались широкие пространства, покрытые более проницаемыми ледниковыми и флювио-глициальными отложениями, которые обретали облик прерий. На сегодняшний день мы можем видеть то же самое как раз в Амурском регионе с его влажным климатом, в степных пространствах Биры и Зеи.

И, наконец, мы имеем верные доказательства того, что мириады озер покрывали в послеледниковом периоде Европу и Северную Азию так же, как и Северную Америку. То, что мы теперь видим в озерных районах Финляндии, Канады, Юго-Западной России и на севере высоких плоскогорий Азии, являлось тогда характерным обликом всей страны. Где бы мы ни проводили исследования, мы обнаруживали следы мириадов и мириадов озер всевозможных размеров: мелкие вытянутые бассейны были выработаны

в скалистых плато «ледниковым плугом»; многие старые дренирующие каналы выполнены ледниковыми отложениями, и текущая вода затем прорыла новые каналы таким же образом, как это теперь делается в Финляндии, где мы видим будущие реки, образованные цепочкой постепенно вытягивающихся озер.

Очень медленное в самом начале, высыхание этих озер теперь достигло такого темпа, который допускали лишь некоторые геологи около тридцати лет тому назад. Они высыхают на наших глазах. Даже в сравнительно влажном климате Западной Сибири мы можем наблюдать высыхание озер группы Чаны по картам, возраст которых меньше, чем восемьдесят лет, и видеть, как деревни возникают там, где полвека тому назад было озерное дно. Но в Восточной Сибири и Центральной Азии высыхание идет еще быстрее: Каспийское море отделилось от Аральского в течение послеледникового периода, а их блуждающее соединение через Сары-Камышские солоноватые озера - совсем недавно. Большой залив Альбугир Аральского моря полностью исчез после 1821 года.

Короче, мы можем с уверенностью заключить, что за ледниковой эпохой следовала эпоха болот и тундры...

Из статьи «Полярный бассейн Фритъоф Нансен» (1897) 1

1 The Nineteenth Century, L. 1897, v. 41, p. 250-259. (Пер. с англ. В. М. Маркина.) На русском языке публикуется впервые (с сокращениями).

“ Угол завесы, которая в течение многих столетий скрывала от человека Северную полярную область, приподнята экспедицией Нансена - Свердрупа. Все, что мы прежде знали об этой обширной области льда, было только ее окраинами; но смелые норвежцы глубоко проникли в ее сердце, за 836 0 С. ш., и весь комплекс наших гипотетических знаний об этих сумрачных районах уже изменился. От неопределенного названия «Северная полярная область» можно отказаться, и отныне мы можем говорить о Северном полярном бассейне.

Этот бассейн часто рассматривается как, если бы он был круговым, в центре его - Северный полюс; но на самом деле он не имеет округлой формы. Если мы посмотрим на него со стороны Гринвичского меридиана, то увидим, во-первых, канал шириной 900 миль, между Гренландией и Норвегией, выклинивающийся к северо-востоку и ведущий из Атлантического в Арктический океан. От этого широкого прохода ответвляются длинные и

широкие заливы, слегка серпообразной формы, между берегами России и Сибири справа, и североамериканскими архипелагами и Аляской слева. Он расширяется, пересекая полюс, и оканчивается в широком полукруге, из которого вытекает один лишь Берингов пролив. Этот узкий выход имеет, однако, столь малое значение, что мы можем пренебречь им, так же, как различной изрезанностью двух берегов, и можно сказать, что Арктический бассейн - широкий, грушеобразный залив 2300 миль длиной, 900 миль шириной, расширяющийся на входе до 2900 миль при почти незаметном Беринговом проливе.

Теплая вода входит в пролив, а холодная, нагруженная льдом, выходит и позже возвращается в Атлантику. «Правило дороги» для океанических течений заставляет отклоняться вправо, и оба течения подчиняются этому. Теплое течение Атлантики, которое дрейфует на Север и может рассматриваться как продолжение Гольфстрима, течет мимо берегов Норвегии и перед тем, как достичь Нордкапа, разделяется на две ветви. Одна из них принимает северное направление; она достигает западных берегов Шпицбергена и течет вдоль них вплоть до их северного окончания, случайно принося к этим берегам стеклянные шары, используемые как буи норвежскими рыбаками, так же, как крупные плоды вест-индийского бобового растения *Entada di dalobim*, которое доставлено Гольфстримом через Атлантику. Другая ветвь заворачивает на восток. Она минует Нордкап и проходит некоторое расстояние вдоль берегов Кольского полуострова; затем пересекает Баренцево море и достигает русского двойного острова Новая Земля, к морозным берегам которого также приносится некоторое количество стеклянных шаров и тех же вест-индийских бобов. Подветвь последнего, кажется, даже проходит летом в Карское море. Конечно, жестокий холод, который царит в этих широтах, охлаждает поверхностные слои теплого течения; но термометр еще определяет его присутствие и его голубоватые воды отличимы даже с виду от зеленоватой и холодной воды полярного течения. И негостеприимные эти районы были бы еще более неприветливыми и недоступными, если бы тепло, запасенное водой в низких широтах, не выносилось течением на север. Благодаря этому, Баренцево море свободно ото льда ежегодно в течение нескольких месяцев. Западные берега Шпицбергена и Новой Земли легко достижимы, и кроме лишайников и мхов, растущих на этих островах, путешественники находят там в лучшем защищенных углах флору, подобную высокогорной альпийской.

Значительное количество теплой воды, таким образом, входит в Арктический залив с юга. Следовательно, не менее значительное количество холодной воды выходит из него в форме мощного ледового течения, около 300 миль шириной, которое также придерживается правила движения и входит в Северную Атлантику между Шпицбергеном и Гренландией. Отсюда оно течет а юг, вдоль восточного берега Гренландии, прижимаясь к его скалам и обрывам и нагромождая ледяные поля друг на друга, вынуждая их

двигаться через Датский пролив (проход между Исландией и Гренландией). Когда оно достигает южной оконечности Гренландии (мыса Фарвел) оно также раздваивается. Малая ветвь его огибает мыс и проходит в Баффинов залив, в то время как основная продолжает двигаться южным курсом, встречаемая атлантическими пароходами, идущими к берегам Америки. Однако айсберги, которые эти пароходы встречают, выносятся этим мощным течением, т. к. оно проходит мимо ледников Восточной Гренландии; в высоких широтах оно несет с собой лишь толстые поля многолетнего льда, который наращивает свою толщину по мере дрейфа в Арктическом заливе.

Это течение омывает восточное побережье Гренландии, которое так труднодоступно. Оно определило судьбы экипажа второго корабля Германской экспедиции «Hansa». Маленькая шхуна прочно вмерзла в лед на широте 74 0 и дрейфовала на юг. Внезапно она была раздавлена давлением модных ледяных полей и затонула, в то время как отважная команда судна, которая нашла убежище на ледяном поле... пронесена, и после семи месяцев «заключения» они спаслись на своих трех лодках. Обогнув мыс Фарвел, они достигли датской колонии на юго-восточной оконечности Гренландии...

Еще одна особенность широкого атлантического прохода в Полярный залив должна быть упомянута. В середине его - ближе к Гренландии, чем к Европе - Исландия и Ян-Майен поднимаются на вершине подводного гребня, который протягивается с юго-запада на северо-восток; дальше, в том же направлении, поднимается Шпицберген и архипелаг Франца-Иосифа; и эта гряда островов представляет собой важную демаркационную линию; глубокий желоб располагается к северо-западу от нее, в то время как, за исключением одного подводного залива, море является намного более мелким на нашей стороне этих островов; так что Исландия, Ян-Майен, Шпицберген и Земля Франца-Иосифа, так же, как и Новосибирские острова далее на восток, могут рассматриваться как своего рода внешняя стена Европы и Азии. Теперь это более заметно, хотя не вполне ясно, почему вышеупомянутое теплое течение придерживается этой внешней стены, в то время как холодное полярное течение движется над более глубоким желобом. И то же самое было обнаружено Нансеном далее на восток, по всему протяжению ледового течения. Таковы ведущие черты Северного Полярного залива.

Четырьмя различными путями стремились люди достичь Северного полюса; один - через пролив Смита, вдоль западного побережья Гренландии; три - через широки атлантический проход; и одно - через Берингов пролив; три пути - по направлению теплого течения, и два - навстречу холодного. На протяжении 80 лет все эти пути были испробованы по очереди. Несомненные признаки новых земель были открыты; эти экспедиции принесли науке неизмеримую пользу почти во всех ее областях; каждый

шаг, сделанных в ледяной пустыне был отмечен актами возвышенного героизма и самоотверженности. Но результат всех этих благородных усилий был в том, что все меньше и меньше надежд оставалось на достижение в ближайшем будущем самого сердца обширного, еще не исследованного пространства - Северного полюса... Везде мощное ледовое течение преграждало путь, и когда была достигнута северная оконечность Гренландии, обнаружилось, что она блокирована ветвью того же самого течения.

Хорошо известно, как находка остатков затонувшей «Жаннетты» на ледовом поле близ южной оконечности Гренландии подсказала Нансену идею - попытаться найти новый путь. Де Лог на борту «Жаннетты» вышел в Арктический бассейн в 1879 г., через Берингов пролив и поплыл на запад навстречу «Веге» Норденшельда, но «Жаннетта» вскоре была пленена льдом и дрейфовала с ним почти два года - сначала вокруг острова Врангеля, а затем в северо-западном направлении. Она затонула 21 июня 1881 г. к северо-востоку от Новосибирских островов, а команда, которая отправилась на шлюпке в устье Лены, в основном погибла. Два года спустя различные вещи, принадлежавшие «Жаннетте», были обнаружены в Гренландии, и Нансен, намечая свой путь прямо через полярный бассейн, предположил, что пойдет по этому же следу.

Он построил корабль, который мог устоять против постоянного бокового давления льда. Вытолкнутый наверх, он включился в ледовое течение и дрейфовал с ним через неизвестную полярную область - таким был, как хорошо известно, с самого начала план Нансена. Известно также, что этот план встретил ожесточенные возражения большинства арктических авторитетов не только за его беспрецедентную смелость, но также потому, что он, как говорили, базировался на неподтвержденных гипотезах. Надо, однако, сказать, что гипотезы, напротив, прочно основывались на научных обобщениях, полученных многими физикогеографами.

На происхождение великого ледового течения ясно указывало обилие сибирских деревьев, недавно только вырванных из мест, где они росли, которые дрейфовали каждый год к берегам Гренландии. Из 25 образцов плавника, определенного германской экспедицией Колдевея во время зимовки в 1869-70 гг. на восточно-гренландском побережье, не менее, чем 15 были отнесены к деревьям сибирской лиственницы, да и 10 других принадлежали тоже к видам, растущим в Сибири...

В целом существование этого течения было представлено настолько достоверно в 1870 году скандинавскими экспедициями, что в 1871 г. на существование затем открытой земли между Шпицбергом и Новой Землей, «простирающейся дальше к северу, чем Шпицберген» (теперь Земля Франца-Иосифа), могло быть указано в арктическом докладе,

сделанном мной в Русском Географическом обществе, потому что, как было сказано в докладе, - если такой земли не существует, то ледовое течение должно было бы достичь Нордкапа и Лапландского побережья и нагромоздить на нем этот лед - тепловое течение слишком слабое для того, чтобы предотвратить это нашествие. Небезынтересно Нансену узнать, что даже величайший авторитет по океанским течениям Мори был с ним. Он предвидел существование течения «Фрама» в 1868 г.

Идея этого течения т. о. лелеялась в арктической литературе на протяжении последних 25 лет, хотя никто не осмелился реализовать ее. И только Нансен раскрыл истинный характер океанической циркуляции. То, что его заключение было совершенно верным, теперь полностью доказано дрейфом «Фрама». В течение трех лет этот великолепный маленький корабль дрейфовал на северо-запад и запад до того, как начал дрейфовать на юг, к Гренландии. Только в конце каждого лета его регулярно относило к востоку (на короткое расстояние) под влиянием противоположных течению ветров. Постоянное ледовое течение, почти столь же мощное и той же протяженности, как Гольфстрим (теперешний, от полуострова Флориды к арктическим островам), указывает такое же определяющее влияние на жизнь нашей планеты. Его ширина огромна и должна достигать по крайней мере 300 миль. Более того, мы знаем положительно... является продолжением желоба Северной Атлантики. Полярный бассейн оказывается, таким образом, не мелкой депрессией, каковой его часто представляли. Он - реальное продолжение Атлантического океана, и его вода вовлечена в систему циркуляции, как и в других океанах.

Мы узнали, сверх того, в результате дрейфа «Фрама», что происходит с теплым течением, когда оно достигает высоких широт! Под широтой 58 0 оно еще ощущалось, но его нашли под слоем холодного течения. Его воды следовательно, текут во впадину Арктического океана и т. о. препятствуют тому, чтобы полярная область стала грозным резервуаром холода. Таким путем достигается более равномерное распределение температур по Земле, и хотя норвежская экспедиция испытала большой холод, она не обнаружила на 85-ой параллели такой же суровой зимы, что известна для Верхоянска, полюса холода восточного полушария. Что касается южных берегов архипелага Франца-Иосифа, они полностью испытывают смягчающее влияние юго-западных ветров, а теплые атлантические воды заходят и в Баренцево море, как теперь стало известно из наблюдений Джексона.

Удивительное плавание «Фрама» завершено, и в то же время закрыты все гипотезы об обширной земле, простирающейся к полюсу со стороны Евразии. Земля Франца-Иосифа - всего лишь архипелаг, как это теперь доказано путешествием на шлюпке Джексона, распространяющийся на запад, к Шпицбергену, но не простирающийся далеко на север...

О том, что может находиться к северу от трассы «Фрама», никто не может ничего сказать, и Нансен сам в первую очередь воздерживается от необдуманных обобщений. Правда, большие глубины, открытые «Фрамом», кажется, указывают на существование глубокого моря вокруг полюса...

Огромное пространство Северного полярного бассейна, в котором Гренландия могла бы легко разместиться, еще остается меньше известным, чем поверхность Маркса. Кажется даже вероятным, по форме трассы дрейфа «Жаннетты» и «Фрама», так же как восточного дрейфа вдоль северных берегов Америки, что какая-то земля может существовать между двумя течениями. Не следует забывать, что большие стаи птиц различных видов видели летящими на север от побережья Сибири, не только в устье Лены, но также на месте зимовки «Веги», и что их пунктом назначения не мог быть маленький остров Врангеля, примечательным отсутствием птичьей жизни летом 1.

1 В 1913 г. в этом районе русской гидрографической экспедицией на кораблях «Таймыр» и «Вайгач» открыт архипелаг, названный первоначально Землей Николая II, а теперь известный как Северная земля.

“ Относительно магнитных и метеорологических наблюдений, которые были сделаны на борту «Фрама» в течение трех последовательных лет с помощью прекрасных саморегистрирующих инструментов и метеорологические отчеты Нансена и Огансена о наблюдениях, проведенных во время их смелых бросков к полюсу и зимовки... в меховых мешках на Земле Франца-Иосифа, просто бесценны. Мон справедливо отметил в своем докладе о научных результатах этой экспедиции, что в течение трех лет «Фрам» был первоклассной обсерваторией, расположенной на крайнем севере...

Арктическая природа так сильно воздействует на человека одаренного поэтическим восприятием, что тот, кому довелось пожить среди этой суровой природы, наполненной своим особенным очарованием, будут стремиться вернуть его. «Только бы встать ногой на ту землю! - и умереть», сказал однажды барону Толлю старый проводник, когда говорили о таинственной Земле Санникова, которая возникла как сказочное видение среди сверкающих льдов к северу от Новосибирских островов...

Это не случайно, что Норденшельд, первооткрыватель Северо-Восточного прохода, и Нансен являются скандинавами; не простая удача сделала возможным их успех, он потерял бы свои краски при потере этих двух возглавлявших экспедиции исследователей. Арктические исследования покоятся на прочной научной основе, и то, что они проводились от года к году в научных целях, подготовило их успех. В течение почти сорока последующих лет (с 1858 г.) шведы посылали научные экспедиции на

Шпицберген и в примыкающие к нему моря для того, чтобы провести исследования по всем отраслям науки...

И когда Нансен рассказал нам, как билось его сердце, когда он, 22-летний юноша, отправился в свое первое арктическое путешествие и случайно увидел «Вегу», отплывающую в Арктическое море, он выразил только то, что чувствовали тысячи скандинавских сердец...

А в 1878- 79 гг. Норденшельд на борту «Веги» совершил великий подвиг плавания вокруг Азии, к чему стремились многие поколения арктических исследователей. Австро-венгерская экспедиция в 1873-77 гг. результатом которой было открытие Земли Франца-Иосифа, и экспедиция «Жаннетты» (встретившая «Вегу») -прямой итог смелых плаваний норвежских китобоев, путешествия которых были подготовлены шведскими научными экспедициями.

Настоящие герои нашего столетия - Нансен и Юхансен - показали, что два человека, затерянные в ледяной, дикой пустыне, могут действительно жить в этом бесконечном одиночестве, исследовать его и выполнить научные наблюдения высочайшей ценности, даже когда они провели зиму в грубом подобии хижины из камней и шкур, лишенные приспособлений для добывания пищи, тепла и света. Современная наука может гордиться присутствием таких людей в своем арсенале.

Их труд, энтузиазм и энергия, с которыми они завоевывали каждую милю на арктических архипелагах и морях, не пропадет, пока они способны будут вдохновлять других людей на подобный героизм.

Из книги «Идеалы и действительность в русской литературе» 1 (1901)

1 Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе. (Пер. с англ. В. Батурицкого.) СПб, 1907, С. 1-367.

“ Русская литература представляет такое богатейшее сокровище оригинального поэтического вдохновения: в ней чувствуется свежесть и юность... ей присущи искренность и простота выражения...

Одним из последних заветов, с которым умирающий Тургенев обратился к русским писателям, была его просьба - хранить чистоту нашего драгоценного наследия - русского языка. Тургенев, знавший в совершенстве большинство западно-европейских языков, имел самое высокое мнение о

русском языке как орудии для выражения всевозможных оттенков мысли и чувства... русский язык особенно богат в выражении различных оттенков чувств - ненависти и любви, скорби и веселья...

Самое крупное произведение (А. С. Пушкина. - В. М.) в стихах - «Евгений Онегин» - отличается таким блеском и легкостью стиля, таким разнообразием и живописностью образов, что его можно рассматривать как единственное в своем роде произведение в европейской культуре... Он является, несомненно, великим поэтом в его способе описания самой незначительной мелочи повседневной жизни, в разнообразии человеческих чувств... в изящном выражении различных оттенков любви и, наконец, в яркой индивидуальности его произведений.

...Вся красота природы Кавказа отразилась в поэмах Лермонтова... в такой форме, что ни в одной другой литературе не найдется описание природы более прекрасным... описание его настолько всегда верно природе, что возникает картина, полная живых красок поэтической атмосферы, благодаря которой чувствуется свежесть этих гор, аромат их лесов и лугов, чистого горного воздуха.

В интеллектуальном отношении Лермонтов, пожалуй, стоит ближе всего к Шелли. Его ум занимали великие проблемы Добра и зла, борющихся между собой и в сердце человека и во Вселенной...

Пессимизм Лермонтова не был пессимизмом отчаяния. Это был могущественный протест против всего низменного в жизни, и в этом отношении его поэзия оставляла глубокие следы на всей последующей литературе... Лермонтов прежде всего был гуманистом - глубоко гуманитарным поэтом.

С Гоголя начинается новый период русской литературы... Гоголь - скрупулезный реалист, рассказы его полны юмора и остроумия. Сквозь видимый смех источать невидимые, незримые миру слезы... Литературное влияние Гоголя было колоссально. Он был великим художником. В основе искусства его лежит чистый реализм, но все оно было проникнуто стремлением привить человечеству нечто истинно доброе и великое... Произведения Гоголя ввели в русскую литературу социальный элемент и социальную критику, основанную на анализе тогдашнего положения вещей в России.

Тургенев и Толстой - два величайшие беллетриста России, а может быть, и целого столетия, и отчасти - Достоевский - преодолели затруднение, которым являлся русский язык, делавшее недоступными для Западной Европы произведения русских писателей. Эти трое сделали русскую литературу известной и популярной вне пределов России; и благодаря им,

мы можем быть уверены, что впредь лучшие произведения русского ума уже будут становиться частью общего умственного достояния цивилизованного человечества.

Художественная мощь Толстого попирает его собственные теории. Его оценка того или другого действующего героя может быть ложна; исповедуемая им «философия» может вызывать возражения; но сила его описательного таланта и его литературная честность настолько велики, что чувства и действия его героев часто говорят вопреки намерениям их творца и доказывают нечто совершенно противоположное тому, что он хотел доказать...

Несмотря на недоверие Толстого к науке, я должен сказать, что при чтении его произведений всегда чувствую, что он обладает наиболее научным взглядом на вещи, какой мне приходилось встречать среди художников. Он может ошибаться в заключениях, но он всегда безошибочен в изложении данных. Истинную науку и истинное искусство нельзя противопоставлять друг другу: они всегда находятся в согласии...

«Война и мир» - великая эпопея, не имеющая равной себе во всемирной литературе (1805-1812). Мы знакомимся более чем с сотней физических лиц, и каждое из них так определенно, что носит черты собственной индивидуальности. Когда вы вспомните о массе человеческих характеров, проходящих перед вами, у вас остается впечатление огромной толпы исторических событий, которые вы сами пережили вместе с целым народом, пробужденным несчастьем: литературный гений Толстого высказался с особенной яркостью...

Влияние Толстого останется надолго. Влияние это не ограничено одной какой-то страной... его произведения читаются на всех языках, будят совесть людей всех классов и всех наций. Толстой является наиболее любимым, наиболее трогательно любимым человеком во всем мире.

«Обломов» (И. А. Гончарова.- В. М.) - глубоко национальный роман, но он имеет и общемировой характер, так как в нем изображен тип, почти столь же общечеловеческий, как Гамлет и Дон Кихот. Обломов - хорошо образованный и воспитанный человек, обладающий утонченным вкусом. Он, не способен на бесчестный поступок органически. Он всецело разделяет самые благородные, высокие чаяния своих современников... Употребляемо всеми для характеристики положения России слово «обломовщина». Вся русская жизнь, вся русская история носят на себе следы этой болезни, той лени ума и сердца, того консерватизма и инерции, того презрения к энергичной деятельности, которые характеризуют Обломова...

Достоевский... В 24 года - «Бедные люди»... написал очень быстро и так мало заботился об обработке своих произведений, что, как указывал Добролюбов, их литературная форма иногда бывает ниже всякой критики... И все же, несмотря на все недостатки, произведения Достоевского проникнуты местами глубоким чувством реальности, что рядом с совершенно фантастическими характерами вы находите характеры, часто встречающиеся в жизни и настолько реальные, что вы забываете о недостатках таланта Достоевского.

«Записки из Мертвого Дома» - единственное произведение, которое можно признать безупречным в художественном отношении; руководящая идея этого произведения - прекрасна, и его форма вполне соответствует идее...

«Преступление и наказание» производит сильное впечатление, благодаря чрезвычайно реалистическим картинам нищеты...

Поэзия Некрасова сыграла такую значительную роль в моем личном развитии, во время моей юности... Его любовь к народу проходит красной нитью по всем его произведениям, он остался верен ей всю жизнь. В его произведениях вы очень редко найдете поэтический образ, который не соответствовал бы общей идее данного произведения...

Островский вывел в своих драматических произведениях громадное количество характеров, разнообразно взятых из всех классов русского общества и народа... Островский - могучий драматический талант.

М. Горький - несомненно, большой художник, и при том - поэт. Счастливое соединение реализма с идеализмом...

Из всех современных беллетристов А. П. Чехов... был, несомненно, глубоко оригинальным. Говоря о Чехове, толстой сделал очень верное замечание, что он принадлежит к числу тех немногих писателей, произведения которых можно с удовольствием перечитывать. Чехов лучше всех русских беллетристов понимал основной порок массы русских интеллигентов, которые прекрасно видят мрачные стороны русской жизни, но у которых не хватает силы воли и самоотвержения, чтобы присоединиться к кучке молодежи, осмеливающейся деятельно бороться со злом! Чехов знал, более того - он чувствовал каждым нервом своей поэтической натуры, что за исключением кучки более сильных мужчин и женщин, истинным проклятием русского интеллигента, является слабование, отсутствие сильных, страстных стремлений. Чехов начал писать именно в это мрачное время и будучи истинным поэтом, который чувствует и отзывается на все настроения момента, он сделался выразителем этого поражения интеллигенции, которое, как кошмар, нависло над культурной частью русского общества.

Будучи великим поэтом, он изобразил всепроникающую филистерскую пошлость в таких чертах, что его изображения, помимо высокой художественности, имеют громадную историческую ценность. Но он не был пессимистом в истинном значении этого слова. Он твердо верил в возможность лучшего существования, верил, что оно придет.

Влияние Чехова, как заметил Толстой, останется и не ограничится одной Россией. Он довел рассказ до такого совершенства, как одно из средств изображения человеческой жизни, что его можно рассматривать как одного из реформаторов в области литературной формы... неподражаемое поэтическое чувство, прелесть рассказа, особенная форма любви к природе, а главное - красота чеховской улыбки сквозь слезы! Старая, уходящая жизнь и требовала прощального слова, и оно было произнесено Чеховым.

Из статьи «Лев Толстой - художник и мыслитель» 1 (1898)

1 «Leo Tolstoy as an artist and thinker ГАРФ, ф. 1129, ед. хр. (Пер.с англ. В. А. Маркина).

“ ...В течение последних тридцати лет своей жизни Толстой проявил чрезвычайную активность - много читал и печатал, не говоря об огромной переписке, которую вел, не говоря об общественной деятельности - участие в Московской переписи, по оказанию помощи голодающим, помощи в деле переселения духоборов и т. д. Толстой за этот период написал более, чем в первую половину своей литературной деятельности.

Прежде всего он провел огромную работу по восстановлению первоначального текста «Евангелия» и очищения его от позднейших наслоений церкви. С этой целью он изучил сначала греческий, а потом и древнегреческий языки и принялся за сверку различных переводов «Евангелия». Результатом этой огромной работы явились его труды: «Краткое изложение «Евангелия» и «Критика догматического богословия», а также объединенный перевод и истолкование четырех евангелий.

И только после того, как Толстой закончил этот громадный труд, он приступил к разработке основ универсальной религии, мысль о которой преследовала его, начиная с 1855 года. Размышляя о сущности религии, Толстой пришел к выводу, что в основе всех религий лежит одно и то же начало, а именно: выяснение своих отношений к миру и признание равенства всех людей. Люди всех религий: буддисты, евреи, мусульмане, христиане и язычники, свободомыслящие и даже атеисты, все одинаково сходятся в том, что хорошо и что плохо. И часто такие люди в своей личной

жизни стоят ближе к настоящему учению Христа, чем большинство тех, кто называет себя христианами. Отсюда Толстой пришел к мысли, что основой всех религий является одна и та же истина и что эта истина (будучи нравственным принципом) не должна содержать в себе ничего, что отвергает разум, освобожденный от предрассудков и суеверий.

Воодушевленный этой идеей, Толстой написал целый ряд статей замечательных, удивительно написанных, как и все, что выходило из-под его пера. Это: «В чем моя вера?» (1884), «Так что же нам делать? (1886), «О жизни» (1887), «Царствие божие внутри нас или христианство, не как мистическое учение, а как новое понимание жизни» (1893-1900), небольшая, подобие катехизиса, книжка «Христианское учение» (1902) и небольшая статья «Что такое религия?»

В этих работах Толстой рассматривает христианство как руководство к жизни, не считая его откровением свыше, а видя в нем - «то самое разрешение вопроса о жизни, которое более или менее точно было дано человечеству лучшими людьми до и после Христа, начиная от Моисея, Исаака, Конфуция, древних греков, Страбона и кончая Паскалем, Спинозой, Фихте, Фейербахом и многими другими, часто неизвестными людьми.

Таким образом, Толстой пытался в этих работах дать элементы универсальной религии, которая не имела бы ничего сверхъестественного, ничего такого, что разум и знание отвергают, но содержала бы в себе нравственное руководство для всех людей. Эта религия сохранила только два основных и главных элемента всех религий - определение отношения человека ко Вселенной (мировоззрение) и признание социального равенства всех людей. Таковы новые принципы той религии, которую Толстой выработал после 1882-1884 гг. и которой он придерживался до конца своей жизни...

Основу христианского учения Толстой видит в непротивлении злу. И в течение первых лет после духовного кризиса он проповедовал абсолютное «непротивление злу» в полном согласии с буквальным и точным смыслом евангельских слов. Однако пассивное отношение к совершаемому злу настолько противоречило всей натуре Толстого, что он не мог оставаться приверженцем подобного принципа и вскоре начал толковать евангельский текст в смысле «непротивления злу насилием...»

Все позднейшие произведения Толстого являются страстным противлением различным формам зла, которое он видел в окружающем его мире. Его мощный голос постоянно обличал и самое зло и совершающих его людей. Он осуждал только борьбу со злом при помощи физической силы, считая, что такая форма сопротивления причиняет только вред.

Когда в 1881 году был убит народовольцами Александр II и участники «дела 1-го марта», включая и Софью Перовскую, были приговорены к смертной казни, Толстой, потрясенный этим, написал письмо Александру III, в котором умолял его, как брата, ради своей совести, показать добрый пример христианского милосердия и не допускать казни. Толстой передал письмо Победоносцеву, прося отдать царю, но Победоносцев не решился на это и оставил его у себя.

Когда Николай II вскоре после своего воцарения на приеме представителей духовенства заявил, что либералы должны отказаться от бессмысленных мечтаний о введении в России конституции, Толстой написал молодому царю гневное письмо. Царь не обратил на него никакого внимания. Тогда Толстой написал в 1902 году другое, а в 1908 году взволновал весь культурный мир своим обращением к царю «Не могу молчать!» Он протестовал против многочисленных казней революционеров, происходивших после 1906 года по всей России после того, как революционное движение было подавлено.

Так Толстой «противился злу» со всей силой, какая была в его власти, и он лишь отказывался одобрять сопротивление злу силой. Его призывы к крестьянам, чтобы они перестали брать в аренду землю у помещиков и прекратили бы работать на них, а также его призывы к солдатам и офицерам отказываться от военной службы, конечно, были призывами к противлению, протесту против существующего несправедливого строя жизни... Можно сказать с уверенностью, что ни один писатель со времен Руссо не имел такого глубокого влияния на весь мир в смысле пробуждения человеческой совести, как Толстой...

Из книги «Современная наука и анархия» (1901) 1

1 Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. (Пер. с франц. под ред.)

“...В каждой науке, когда мы начинаем изучать ее основательно, мы доходим до известного предела, дальше которого в данный момент не может идти. Это именно и делает науку вечно юной, вечно привлекательной. Какой экстаз и какой восторг охватывал нас в середине девятнадцатого века, когда были сделаны такие прекрасные открытия в астрономии, в физических науках, в биологии, т. е. науке жизни, и в психологии. Какие прекрасные горизонты открывались перед нашими глазами в это время, когда границы науки так внезапно были раздвинуты. Раздвинуты, но не уничтожены, потому что сейчас же установились новые границы, и со всех сторон возникли новые проблемы, требовавшие разрешения.

Наука постоянно раздвигает, таким образом, свои пределы. Там, где двадцать лет тому назад она останавливалась, теперь уже завоеванная область. Граница отступила. Но, сделав большой шаг вперед, наука снова останавливается, чтобы пересмотреть свои победы во всем их целом, позондировать новые открывающиеся перед ней горизонты и собрать новые факты, прежде чем сделать дальнейшие шаги и идти к новым завоеваниям...

...Так, пятьдесят лет тому назад мы говорили: «Вот группа явлений - притяжение и отталкивание - которые имеют что-то общее. Назовем их «Электрическими явлениями» и будем называть «электричеством» неизвестную до сих пор причину этих фактов, какая бы она ни была». И когда нетерпеливые спрашивали нас: «А что такое это электричество?», то мы имели честность ответить им, что пока, в данный момент, мы не знаем. Теперь сделан еще один шаг вперед. Мы нашли пункт сходства между звуком, теплотой, светом и - электричеством. Действительно, когда колокол звенит, он производит воздушные волны, попеременно сжатые и разреженные, которые следуют друг за другом, как волны на поверхности пруда.

В воздухе звуковые волны идут со скоростью около 300 метров в секунду, и они распространяются столь хорошо известным нам образом, что мы можем подвергнуть их математическому вычислению. Это мы знали уже давно. Но теперь открыли, что теплота, свет, а также электричество распространяются совершенно таким же образом, только с быстротой 300 000 километров в секунду. Конечно, то, что вибрирует в электрических явлениях, есть материя, бесконечно более разреженная, чем воздух; но электричество, как и теплота, и свет, обязано этим вибрациям, абсолютно сходным с теми, которые производит колокол в воздухе, и мы можем подвергнуть их тому же математическому изучению.

Без сомнения, это еще далеко не все, что можно знать об электричестве, - неизвестное окружает нас со всех сторон, но это первое приближение. Зная это, мы придем ко второму приближению, которое объяснит факты еще более точно. А между тем, мы уже можем говорить с одного континента на другой, даже не прибегая к подводному кабелю, и вам сообщают новости дня на борт корабля, несущегося на вех парах через океан...

Как могли мы, например, предсказать в 1860 году, что к концу столетия будем посылать электрические волны из Ирландии в Нью-Йорк, когда мы не знали, что электричество есть вибрации, сходные со световыми вибрациями?

Главное - «развить смелость в молодых умах...»

Но для того, чтобы сказать, что то, что находится «за пределами» современной науки, непознаваемо, нужно быть уверенным, что оно существенно отличается от того, что мы научились знать до сих пор. Но тогда это уже является громадным знанием об этом неизвестном. Обнаружив в этом «вопиющее противоречие», утверждать, что существует непознаваемое, значит сказать одновременно: «Я ничего об этом не знаю» и «Я знаю об этом настолько, что могу сказать, что это совсем непохоже даже издали на то, что я знаю».

Если мы знаем что-либо о Вселенной, о ее прошлом существовании и о законах ее развития, если мы в состоянии определить отношения, которые существуют, скажем между расстояниями, отделяющими нас от Млечного пути и движениями солнц, а также молекул, вибрирующих в этом пространстве; если, одним словом, наука о Вселенной возможна, это значит, что между этой Вселенной и нашим мозгом, нашей нервной системой и нашим организмом вообще существует сходство структуры.

Если бы наш мозг состоял из веществ, существенно отличающихся от тех, которые образуют мир солнц, звезд, растений и других животных; если бы законы молекулярных вибраций и химических преобразований в нашем мозгу и нашем спинном хребте отличались бы от тех законов, которые существуют вне нашей планеты; если бы, наконец, свет, проходя через пространство между звездами и нашим глазом, подчинялся бы во время этого пробега законам, отличным от тех, которые существуют в нашем глазу, в наших зрительных нервах, через которые он проходит, чтобы достичь нашего мозга, и в нашем мозгу, то никогда мы не могли бы знать ничего верного о Вселенной и законах, о постоянных существующих в ней отношениях. Тогда как теперь мы знаем достаточно, чтобы предсказать массу вещей и знать, что сами законы, которые дают нам возможность предсказывать, есть не что иное, как отношения, усвоенные нашим мозгом.

Вот почему не только является противоречием называть непознаваемым то, что неизвестно, но все заставляет нас, наоборот, верить, что в природе нет ничего, что не находит себе эквивалента в нашем мозгу - частичке той же самой природы, состоящей из тех же физических и химических элементов, - ничего, следовательно, что должно навсегда оставаться неизвестным, - то есть не может найти своего представления в нашем мозгу...

III. Государство или общество?

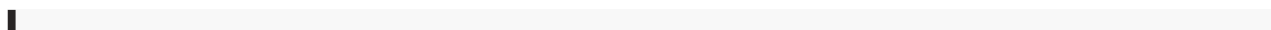
Государственная власть

Кропоткин был убежден, что именно вопрос о государстве становится центральным при свершении социальной революции. Будущее общество «довольства для всех», как он его называл не должно строиться на государственных началах. Не может быть свободным общество, которым управляют из центра, в котором люди связаны вертикально - по принципу господства и подчинения, а не горизонтальными невидимыми нитями заинтересованности и взаимопомощи.

Различий между социалистами множество, говорил он, и они определяются разницей в темпераментах, в привычках мышления, а также и степенью доверия к надвигающейся революции. Но все эти различия группируются лишь по двум главным направлениям. На одной стороне стоят все те, кто надеется осуществить социальную революцию через государство, сохраняя его, даже укрепляя, усиливая в целях поддержки завоеваний революции. А на другой стороне - те, кто видит в государстве нечто исключаящее само понятие революция и даже наиболее серьезное препятствие для какого то ни было развития общества на началах равенства и свободы. По убеждению Кропоткина, государство со своим бюрократическим аппаратом не может поддерживать революцию, которая всегда угрожает его существованию, всегда направлена против него, потому что ее цель - освобождение человека, а цель государства обратная - так привязать к себе человека, чтобы легче было управлять им.

Кропоткин понимал, что различие этих двух направлений очень существенно. Ему соответствуют два основных течения, которые противостоят повсюду - и в философии, и в литературе, и в общественной деятельности. Суть этой борьбы все та же: власти и насилию противостоят безвластие и взаимопомощь. И он занялся исследованием причин возникновения в человеческом обществе государственной формы жизни, той роли, которую оно играло в истории человечества на разных ее этапах, и принципов безгосударственного устройства жизни.

В 1888- 91 годах было опубликовано несколько статей, подводящих научный фундамент под анархистскую теорию. В 1892 году вышла важная для того периода книга «Завоевание хлеба», в 1896 -«Государство и его роль в истории». Эта книга начинается с внесения ясности в терминологию:

«Условимся прежде всего в том, что мы разумеем под словом «государство». Известно, что в Германии существует целая школа писателей, которые постоянно смешивают государство с обществом. Такое смешение встречается даже у серьезных немецких мыслителей, а также и у тех французских писателей, которые не могут представить себе общества без государственного подавления личной и местной свободы. Отсюда и возникает обычное обвинение анархистов в том, что они хотят «разрушить общество» и проповедуют «возвращение к вечной войне каждого со всеми»¹.

¹ Кропоткин П. А. *Государство и его роль в истории*. цит по кн.: «Анархизм» (сборник) М., 1999, С. 74.

Кропоткин выступает против соединения этих двух совершенно разных понятий. Люди жили обществами многие тысячи лет, прежде чем создались государства, и среди современных европейских народностей государство есть явление самого недавнего происхождения, развивавшееся лишь с шестнадцатого столетия. Он обращает внимание на то, что блестящими эпохами в жизни человечества были как раз такие периоды, когда не существовало жесткой централизации власти, когда люди жили либо в сельских общинах, либо в вольных самоуправляющихся городах.

Нередко понятие государства подменяют понятием правительства и последнее обвинят во всех грехах, думая, что стоит заменить правительство, как все пойдет нормально. На самом же деле государственная система подчиняет себе правительство, сосредотачивает практически все управление местную жизнь в одном центре и все рычаги управления общественной жизнью в руках немногих, которые подчиняют себе остальных.

Кропоткин считал, что порядок может быть обеспечен и без этой системы подчинения: «Человек далеко не такой кровожадный зверь, каким его обыкновенно представляют, чтобы доказать необходимость господства над ним; он, наоборот, всегда любил спокойствие и мир. Иногда он, может быть, и не прочь подраться, но он не кровожаден по природе и во все времена предпочитал скотоводство и обработку земли военным похождениям»¹.

¹ Там же, С. 89.

Еще в бытность свою в Сибири он имел возможность наблюдать, что военизированные казаки, как только получали землю, сразу же становились мирными землевладельцами, какими были их деды и прадеды где-нибудь в Малороссии или в Тамбовской губернии и желали только одного - чтобы власти их меньше притесняли.

Откуда же взялась власть государства над людьми, иной раз совершенно лишаящая их свободной воли?

Конечно, зародилась она еще при родовом строе. Причина - неравномерное накопление богатства в семьях - в одних больше, в других - меньше. Имущественное неравенство создавало необходимость защиты собственности, сохранения ее в одних руках. Для защиты от нападения соседей общество выделяло специального человека, набравшего себе

дружины. Мало-помалу этот «защитник», побеждая врагов, накапливал богатства, которые помогали ему сохранить власть над людьми. Под охраной воинов богатые семьи занимали в обществе верховное положение. В этих семьях, хранящих для передачи их поколения в поколение обычаи и правила поведения, уже гнездились зачатки княжеской или королевской власти. Появились знатоки обычаев и правил - судьи, защищающие справедливость, а по сути - ту же власть...

“ «...Государственная власть возродилась, пользуясь существующим в людях чувством справедливости и выставляя себя защитницей слабых против сильных, а превратилась в «спрута», удушающего своими щупальцами все общество и каждого его члена в отдельности» 2.

2 Кропоткин А. П. *Нравственные начала анархизма*. Лондон, 1907, С. 37.

“ «Государство - нечто гораздо большее, чем организация администрации в целях водворения «гармонии» в обществе... - писал Кропоткин. -...Это - организация, выработанная и усовершенствованная медленным путем на протяжении трех столетий, чтобы поддерживать права, приобретенные известными классами, чтобы расширить эти права и создать новые... группы лиц, осыпанных милостями правительственной иерархии». Государство - «олицетворение несправедливости, угнетения и монополии» 3.

3 Кропоткин П. А. *Современная наука и анархия*. Пг.-М. 1920. С, 271

Такая система управления людьми, всей их жизнью, создавала особые отношения людей друг к другу, особую социальную атмосферу, противоречащую естественным началам жизни: «Из всех перечисленных мною зол едва ли не самое худшее - это воспитание, которое нам дает государство как в школе, так и в последующей жизни. Государственное воспитание так извращает наш мозг, что само понятие о свободе в нас исчезает и заменяется понятиями рабскими...В молодых умах всегда искусно развивали и до сих пор развивают двух добровольного рабства с целью упрочить навеки подчинение подданного государству» 1.

“ 1 Кропоткин А. П. *Государство и его историческая роль*. Цит. по кн.: Анархизм (Сборник) - М., 1999.- С. 132-133.

Государство, по мысли Кропоткина, в течение всей истории человеческих обществ служило для того, чтобы мешать всякому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитию местного почину, душить уже существующие вольности и мешать возникновению новых.

Пафос кропоткинского антиэтатизма направлен против тех социалистов, которые считали, что при построении нового общества нельзя обойтись без государственной власти, что надо использовать эту уже готовую и эффективную, как они полагали, форму управления. Да, они вреда, по их мнению когда находится в руках эксплуататоров а так только попадет в руки

народа, станет служить его благу. Кропоткин эту «эффективность» государства отрицал. Чтобы дать простор широкому росту социализма, нужно полнее перестроить все общество, изменить характер всех отношений между людьми. «А эту гигантскую работу, требующую свободной самодеятельности народа, невозможно втиснуть в рамки государства...

Вывод Кропоткина весьма категоричен: «Одно из двух. Или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникнет в тысяче центров, на почве... личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения. Или же государство раздавит личность и местную жизнь, завладев всеми областями человеческой деятельности, принесет с собою войны и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностные революции, лишь сменяющие тиранов, и как неизбежный конец, - смерть! Выбирайте сами!» 2

2 Кропоткин П. А. Современная наука и анархия.- Пг.-М., 1920. С. 165-196.

Редко, кто мог остаться равнодушным, прочитав эти страстные строки! Но даже тот, кто считал взгляды Кропоткина утопическими, не мог не согласиться с глубокой привлекательностью его мыслей.

Убеждать он умел. Сергей Степняк-Кравчинский, который часто выступал на митингах вместе с Кропоткиным, так писал о нем: «Одаренный от природы пылкой убедительной речью, он весь превращается в страсть, лишь только всходит на трибуну. Он возбуждается при виде слушающей его толпы. Тут он совершенно преображается. Он весь дрожит от волнения; голос его звучит тоном глубокого, искреннего убеждения человека, который вкладывает всю свою душу в то, что говорит. Речи его производят громадное впечатление благодаря именно силе его воодушевления, которое сообщается другим и электризует слушателей».

В таких митингах участвовал и Николай Чайковский. Все трое они встречались в Лондоне, сохранив друг с другом истинно братские отношения. В их взглядах были расхождения: Кравчинский сблизился с марксистами, Чайковский же, потерпев неудачу на пути «богочеловеческих» исканий, стал сторонником либерально-реформистского движения. Уважая различие мнений, но не отказываясь от горячих, порой, споров, они ценили друг в друге нечто бо"льшее, чем близость политических позиций. Кропоткин не поддерживал сближение Красчинского с социал-демократами, хотя никак его за это не осуждал. Сергей часто бывал у Энгельса и пришел проводить его в последний путь в августе 1895 года.

Трагическая гибель Сергея 23 декабря того же года под колесами поезда глубоко потрясла Кропоткина. Он писал Георгу Брандесу: «Смерть нашего друга, Степняка повергла нас в глубокое горе. Я знал, его очень близко... и очень полюбил. Не помню, встречал ли я когда-либо человека более справедливого. Эта черта была у него поразительная». Оставаясь убежденным революционером, Сергей умел слушать других и умел соглашаться. Ему присуще было уважение независимости каждого и полнейшее отсутствие личного властолюбия, а также чувства «партийного владычества».

«На похороны Степняка-Кравчинского пришли тысячи людей различных политических взглядов и общественного положения. Газеты сообщили, что на митинге, посвященном

памяти Степняка и состоявшемся на площади перед вокзалом Ватерлоо, среди прочих «от всех русских» выступил князь Кропоткин, который сказал о своем друге: «Рабский дух был ему одинаково противен во всех проявлениях. Притеснение человеческой личности он ненавидел везде, где бы оно ни встречалось, - в народной жизни, в семье, в партии... Он глубоко сознавал, что великое дело никогда не делается одною партией, что для великого общественного переворота нужны усилия разных партий...»¹

1 Степняк-Кравчинский С. М. В Лондонской эмиграции.- М., 1968. С. 335-336

Уже тогда Кропоткин думал о том, что если революцию возглавит одна единственная партия, возникнет серьезная опасность возрождения деспотического государства, анализ которого он посвятил свою книгу «Государство и его роль в истории».

Анатомия революции

Плавный ход эволюции, как в природе, так и в обществе, как считал Кропоткин, неизбежно прерывается скачками, вызывающими быстрые изменения. В книгах, статьях, речах, на митингах он говорил о неизбежности такой революции в обществе, которая уничтожит социальную несправедливость, систему насилия и эксплуатации. Уже на протяжении практически трех десятилетий он работал над приближением этой революции. И вопрос о том, почему начинаются революции, как они протекают и к каким результатам приводят, занимал его все это время. Он понимал, что будущее невозможно представить себе без изучения прошлого. И, конечно, очень много даст для этого погружение в историю самой великой революции, произошедшей на рубеже XVIII и XIX веков во Франции.

К Франции Петр Алексеевич всегда чувствовал особую привязанность. «Сказать трудно, до чего мне Франция - ее поля, крестьяне в полях, ее дороги, сам ландшафт этих дорог, насколько они мне родные» ¹, - писал он в одном частном письме. Может быть, имело значение, что в детстве воспитателем его был француз, большой патриот своей страны, и раннее знакомство с французской культурой и языком не могло не сыграть своей роли.

1 ГАРФ, ф. 1129, оп. 2, ед. хр. 45.

В 1889 году исполнилось 100 лет Великой Французской революции, впервые провозгласившей целью человечества достижение свободы, равенства и братства. Кропоткин опубликовал к юбилею ряд статей. Первая статья появилась в Лондоне, в июньском номере «Деятнадцатого века». Она называлась «Великая революция и ее урок». В том же году в «La Revoete» и в лондонской «Freedom» Кропоткин продолжил эту тему. В 1893 году в Париже вышла небольшая книжка «Великая революция», а затем в газете Жана Грера «Новые времена» на протяжении пяти лет публиковались большие статьи с продолжением, освещавшие отдельные стороны революционных событий столетней давности: об интеллектуальном движении XVIII века, о действиях жирондистов и якобинцев, о Конвенте, о парижских секциях, о крестьянских восстаниях, предшествовавших революции.

Получился целый цикл из восемнадцати статей. Его начало - рецензия на книгу французского историка Ипполита Тэна, написанная Кропоткиным для редактировавшегося Петром Лавровым журнала «Слово» в 1878 году. Но журнал был закрыт, и рецензия тогда не появилась.

А через тридцать лет, в 1909 году, вышла книга «Великая Французская революция 1789-1793» одновременно в нескольких странах на французском, английском, немецком и испанском языках. Вскоре появились ее издания на голландском, польском, шведском и итальянском. На русском ее собирался издать М. Горький в издательстве «Знание». Конечно, когда Кропоткин писал книгу о французской истории, он не мог не думать об истории российской, но вот что он написал Горькому из Брайтона 16 декабря 1909 года: «Три теперешних условиях русской жизни, боюсь, что издать ее в России не удастся... Дух книги и возможные, но неизбежные параллели, вероятно, помешают». 1

1 ГАРФ, д. 1129, оп. 3, ед. хр. 542.

Издательство Горького уже приступило к выпуску собрания сочинений Петр Алексеевича в семи томах. Вышли тома: первый («Записки революционера»), второй («ссылка в Сибирь»), четвертый («В русских и французских тюрьмах»), пятый («Идеалы и действительность в русской литературе»)...

Царской цензуре, однако, очень не понравилась книга о русских и французских тюрьмах, которая в России читалась как обвинительный акт против бесчеловечных условий в тюрьмах, на каторге и в ссылке. Горькому петербургский окружной суд вынес в апреле 1911 года определение о «сыске» в связи с изданием этой крамольной книги. Писатель находился тогда в Италии, на острове Капри, и смог избежать суда.

Таким образом, на русском языке «Великая Французская революция» вышла в Лондоне, в эмигрантской типографии. Когда книга готовилась к изданию, автор ее писал переводчице Марии Гольдсмит: «По-русски я еще более люблю эту книгу. Хорошая она и верная». И хотя до самой революции 1917 года в России книга Кропоткина не была издана, о ее содержании читатели узнали из критических статей в журналах «Русское богатство» и «Голос минувшего». Во Франции этот труд получил высокую оценку самого большого знатока французской революции, создателя посвященного ей Исторического общества, автора многих книг о ней Альфонса Олара. «Недавно вышедшая книга г-на П. Кропоткина очень серьезная, очень умная и очень содержательная по части фактов идей..., - писал он в 1909 году в журнале «La Revolution Française».- Весьма поучительно посмотреть на революцию глазами Кропоткина»2.

2 Кропоткин П. А. Великая французская революция. 1789-1793. М. 1979, С.475.

А его взгляд был особенным. Отличие его от подходов других весьма компетентных историков заключается именно в том, что он показал революцию в объеме, весь необъятный мир ее: «Революция, перевернувшая всю жизнь Франции и начавшая ее перестраивать в несколько лет, представляет собой целый мир, полный жизни и действия...».

Историки рассматривали в основном деятельность вождей революции. Кропоткин же был убежден в том, что французскую буржуазную революцию, открывшую путь для развития капитализма в стране, делал народ. И он показал революционное движение народных масс - крестьян и городской бедноты. Нельзя сказать, что другие историки совсем исключали народ из своих сочинений, но только Кропоткин раскрыл процесс зарождения и развития революции прежде всего в недрах народа. Он как бы осветил революцию снизу, чего никто из историков еще не делал, даже социалист Жан Жорес, четырехтомный труд которого, вышедший в 1900-1904 гг. Кропоткин внимательно читал. Эти тома сохранились, и на полях их обнаружено множество пометок карандашом. Из них складывается кропоткинское понимание истории революции, отличное от жоресовского, который подчеркивал буржуазный характер революции.

В значительной степени концепцию революции Кропоткин сформировал, отталкиваясь от точки зрения Жореса, и выстроил свое понимание хода событий.

Государство оказалось в критическом положении, так что правительству поневоле пришлось вступить на путь реформ. Они были начаты с согласия Людовика XVI, но оказались половинчатыми, а в результате никого не удовлетворили. Король, напуганный теми придворными силами, которые и этим-то половинчатым реформам противодействовали, вдруг остановился. Надежды, возникшие было в народе, оказались напрасными. И тогда разгорелось зарево народных бунтов, поддержанных явно выраженным недовольством молодой буржуазии. Под этим натиском правительство вынуждено было созвать Генеральные штаты для продолжения политики реформ. Но было уже поздно. Народ почувствовал свою силу, и борьба приняла острый характер, вспыхнуло мощное восстание крестьян - жакерия. Дворянство призвало на помощь иноземные войска. Но борьба все накалялась, пока окончательное уничтожение крепостного права не было узаконено созданным в Париже новым революционным органом власти - Конвентом.

Изучая ход событий, предшествовавших революции во Франции, Кропоткин видел много похожего на то, что происходило в России в 60-80-х гг. XIX века.

В обеих странах речь шла об отмене изжившего себя крепостного права. Но половинчатость реформ стимулировала народное движение. Во Франции этот бунт очень быстро привел к победе революции, провозгласившей на все времена свободу, равенство и братство. В России ситуация затянулась на десятилетия.

Жан Жорес считал буржуазию главой действующей силой революции и поддерживал идею сильного государства как необходимого условия развития революции. Русский антиэтатист Кропоткин, мировоззрение которого формировалось под влиянием народничества, не мог, согласиться с недооценкой революционной роли крестьянства во французской революции, предвидя ее значительность в грядущей российской революции.

В книге подробно исследовано, как жил накануне революции, доведенный до обнищания французский крестьянин. Жестоко подавлявшиеся голодные бунты стали обычным явлением французской жизни. Но вместе с тем отдельные, выделившиеся из общей массы крестьяне, сумевшие выкарабкаться из нищеты, вселяли надежду на возможное изменение

положения: «Если отчаяние и нищета толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции...

Как и все революции, революция 1789 г. совершилась благодаря надежде достигнуть тех или иных крупных результатов.

Без этого не бывает революций» 1.

1 Там же, С. 19.

Народ был участником всех революционных событий: крестьянские восстания, бунты в Париже, созыв Генеральных штатов, баррикады и взятие Бастилии, и снова народные восстания в городах и селах, принятие Декларации прав человека, бегство короля, иноземное нашествие, образование парижских секций - органов народного самоуправления... И только к концу книги появляются на ее страницах революционные вожди - Марат, Дантон, Робеспьер. Глава 67-я «Террор» и последняя - 68-я - «Девятое термидора. Торжество реакции» посвящены рассказу о том, как революция уничтожила сама себя.

Подведен итог: что же дала Французская революция Франции, человечеству? А дала она освобождение крестьянина от крепостного права, резкое увеличение производительности труда, равенство граждан перед законом и представительное правление - всем странам Европы, кроме России.

И еще одно, и это заметил из всех историков только Кропоткин: «Мы видели, как за все время революции старалась пробиться коммунистическая мысль...» В буржуазной революции? Да, Кропоткин был убежден, что Великая Французская революция стала «источником всех коммунистических, анархических и социалистических воззрений нашего времени» 2.

2 Там же, С. 448-449.

В книге о Французской революции он обращает свою мысль к России: «Какой нации выпадет теперь на долю задача совершить следующую великую революцию? Одно время можно было думать, что это будет Россия. И тогда является вопрос: если Россия затронет революционными методами земельный вопрос, как далеко пойдет она в этом направлении? Сумеет ли она избежать ошибки, сделанной французским Национальным собранием, и отдаст ли она землю, обобществленную, тем, кто ее обрабатывает?» *

Но, замечает Кропоткин, любой народ, который встанет теперь на путь революции, получит в наследство то, что совершено во Франции. «Кровь, пролитая ими, пролита для всего человечества. Страдания, перенесенные ими, они перенесли для всех наций и народов... Все это составляет достояние всего человечества. Все это принесло свои плоды... и откроет человечеству широкие горизонты, на которых вдали будут светиться, как маяк, все те же слова: «Свобода, Равенство и Братство» 1.

1 Там же, С. 449.

Так заканчивается исторический труд Кропоткина о Великой Французской революции, одно из лучших его произведений. Достаточно было бы одной этой книги для того, чтобы имя П. А. Кропоткина вошло в историю мировой науки. Заметим, что через несколько лет книга о Великой Французской революции стала удивительно современной на родине ее автора, где также произошла революция.

В начале века

Но вернемся к началу столетия. Ниспровергатели существующего строя почти ежегодно собирались на свои конгрессы то в Париже, то в Лондоне, то в Брюсселе. Петр Алексеевич не очень любил появляться на этих торжественных собраниях, где всегда оказывался в центре внимания. На Лондонском Международном революционном рабочем конгрессе 1900 года он присутствовал и прочитал там три доклада: «Узаконенная месть, называемая правосудием», «Мелкая промышленность в Англии» и «Коммунизм и анархия». Опять прозвучали три различные темы: разоблачение буржуазного суда, защита принципа разукрупнения промышленности с целью усиления эффективности производства и разъяснение основ коммунистического анархизма. Эта своеобразная сюита в трех частях в последующем часто переиздавалась и по отдельности, и вместе.

Он помещает свою статью «Наказание смертной казнью» в изданном сначала в Лондоне (в 1906), а потом - перепечатанном в Москве (в 1907) сборнике «Против смертной казни» под редакцией М. Н. Гернета, сыгравшим большую роль в формировании общественного мнения по этому вопросу, и сегодня актуальному.

В эти годы здоровье Петра Алексеевича заметно ухудшилось, и врачи рекомендовали ему не оставаться на зиму в Англии. Зимой 1908 года он провел в швейцарском городе Локарно, на берегу озера Лаго-Маджоре, в том самом Локарно, где жил Бакунин, когда Кропоткин впервые приехал в Швейцарию в 1872 году.

В поездках в Италию и Швейцарию для лечения и отдыха Кропоткин возвращался к природе и снова чувствовал себя географом. Он ходил в горы, и там собирал гербарий, образцы горных пород, рисовал природные ландшафты. Приехав в Локарно, он через несколько дней поселился в горном селении Канаббио. Лечивший его доктор Таблер из Фюриха вспоминал: «Он находил виды природы в районе верхне-итальянских озер великолепными, но поднимался до восхищения лишь, когда сравнивал местность с Сибирью. Тогда его восторг становился безграничным. Все мы, натуралисты, - говорил он, - должны были бы отправляться в Сибирь: там, для науки открывается беспредельное поле наблюдений. Вспоминая о своих путешествиях по Байкалу, он восклицал: О, там такая красота! Такая красота! Пыл с которым говорил это, делал невозможным сказать хотя бы слово похвалы о живописных местах в других частях земного шара...» Бродить по горам, вспоминал Таблер, - его любимейшее занятие: «Это было гораздо ближе его сердцу, чем критика и революция. Он был, конечно, бунтарем, но бунтарство было лишь на втором плане в его характере. Он не испытывал удовольствия в разрушении и бунтовал лишь против препятствий, встававших на пути его сильных личных стремлений...»

Следующие две зимы прошли на итальянском курорте близ Генуи, в Рапалло, поскольку швейцарские газеты вспомнили, что решение о его высылке из страны не отменено. В Рапалло он узнал о смерти Л. Н. Толстого, там написал статью «Толстой» для газеты «Утро России».

В 1911 году он переезжает из Актона, где поселился, на время покинув Бромли, в приморский город Брайтон, следуя настоятельному совету врачей. Морской воздух должен был благотворно сказаться на его легких. В следующую зиму он не уезжает на юг и остается в своем новом доме, который был почти таким же, как и все его прежние английские дома: и обстановка была та же, и так же по воскресеньям собирались бесчисленные гости «на чашку чая». Часто пришедших потчивал, как и прежде, сам хозяин. В доме уже не было дочери Александры: она вышла замуж за русского эмигранта Бориса Лебедева. У Петра Алексеевича появилась внучка, названная в его честь Пьеррой. Он часто навещал семью дочери, когда приезжал в Лондон поработать в библиотеке Британского музея, в Географическое общество, или в редакции журналов и газет.

Сын Александра Кропоткина Николай, неоднократно бывавший у дяди и в Бромли и в Брайтоне, вспоминал: «Жил он чрезвычайно скромно - в доме было пусто и просто: целые дни он проводил в своем кабинете с самодельной мебелью за книгой и пером... он удивительно чувствовал Россию; понимал хорошо ее быт и нравы самых различных слоев народа, русскую природу он как будто видел перед собой и любил ее страстно».

В мае 1907 года Петр Алексеевич получил приглашение на V съезд РСДРП, состоявшийся в церкви Братства на Саусгэт Роуд, в северо-восточной части Лондона. Он присутствовал на нем в качестве гостя вместе с А. М. Горьким и М. Ф. Андреевой. К. Е. Ворошилов вспоминал, что Кропоткин «живо интересовался ходом прений, пылливо присматривался к делегатам». Однажды Ворошилов и несколько делегатов-рабочих пришли к Кропоткину домой: пили чай, но возникший острый спор нарушил идиллию.

Больше недели в семье Кропоткиных был исследователь Центральной Азии, сподвижник Н. М. Пржевальского П. К. Козлов, приезжавший в Лондон для получения Золотой медали Географического общества: «Помню до упоения мы увлекались беседой о Тибете, Монголии, о тогда только что открытом мною мертвом городе Хара-Хото...» Пржевальский говорил ему о Кропоткине как об «одном из обстоятельнейших научных деятелей, одном из самых осведомленных людей в области географических познаний»¹.

1 АРГО, СПб, ф. 11.

Среди английских географов Кропоткин пользовался широкой известностью и уважением. Многие его статьи конца XIX столетия продолжают темы, истоки которых обнаруживаются в работах, относящихся еще к началу деятельности в Русском географическом обществе. Так, ряд заметок и статей посвящены планируемым и завешенным экспедициям в полярные области Земли. В них освещены такие значительные в истории полярных исследований события, как дрейф «Фрама», поход к полюсу и к Земле Франца-Иосифа Ф. Нансена и Я. Юхансена (1893-1896), полет на воздушном шаре «Орел» Соломона Андрэ (1897), первая зимовка на антарктическом материке Карстена Борхгревинка (1898-1899), экспедиция Руала

Амундсена в Арктике и Антарктике.

В статье о результатах экспедиции Нансена и Свердрупа на «Фраме» в 1897 году едва ли не первым из ученых дал оценку ее научным результатам.

Он называл в качестве важнейшей задачи исследований в Антарктиде выяснение общих вопросов «физики земного шара», для чего, как он полагал, покрытый льдом материк подходит лучше всего. Время показало, что он был прав, говоря об этом на заре научного проникновения в Антарктиду. В период Международного геофизического года (1957-1959) ученые, работавшие там, внесли огромный вклад в дело познания природы нашей планеты. И по сей день антарктические научные исследования, продолжаемые учеными ряда стран мира, подтверждают предвидение П. А. Кропоткина. Не случайно его имя появилось на карте Антарктиды, где есть горы Кропоткина.

Семидесятилетие Петра Алексеевича в 1912 году отмечали во всех слоях общества, в разных странах мира.

В Англии был специально создан Юбилейных комитет, в состав которого вошли крупнейшие ученые, литераторы, политики. В торжественном адресе «от друзей из Великобритании и Ирландии» говорилось: «Ваши заслуги в области естественных наук, Ваш вклад в географическую науку и в геологию, Ваша поправка к теории Дарвина доставили Вам мировую известность и расширили наше понимание природы, в то же время ваша критика классической политической экономии помогла нам взглянуть более широко на социальную жизнь людей... Вы научили нас ценить важнейший принцип социальной жизни - принцип добровольного соглашения, который практиковался во все времена лучшими людьми и который Вы в наше время выставляете как важный фактор социального развития...»². Среди подписей, которые заняли 70 страниц, - Г. К. Честертон, Г. Уэллс, Б. Шоу...

2 Маркин В. А. Петр Кропоткин. - Иркутск, 1992. - С. 227.

На специальном многолюдном собрании в Лондоне выступил Бернард Шоу. «Много лет, - говорил он, - я вместе со своими друзьями вздумал кое-чем поучить Кропоткина, так как мы были не согласны с его теориями. Но прошли годы, и теперь я не уверен, что мы были правы, а Кропоткин ошибался...»¹

1 Русская литература, 1987, N 2, С. 135-136.

Б. Шоу всегда с большим уважением и любовью относился к Петру Алексеевичу. Когда Шоу узнал о его болезни в январе 1902 года, он написал: «...я знаю, что Вы больны... Мог ли я в чем-либо Вам помочь? Мне пришло в голову, что Вам, может быть, придется продавать вещи в убыток себе или даже занять деньги на праздник, в этом случае вспомните обо мне как о друге, способном помочь в нужде».^{**}

...Адреса были направлены также Британской научной ассоциацией, редакцией Британской энциклопедии и другими организациями. Пришел адрес и из России:

«Глубокоуважаемый Петр Алексеевич! Мы твердо верим, что русский народ сохранил свое особое место в Вашем сердце,... привет из сердца Вашей многострадальной Родины, от жителей родной Вам Москвы, объединенных общим чувством преклонения перед Вами, встретит живой и глубокий отклик в Вашей душе». Под ним - 738 подписей. Среди них - К. С. Станиславского, Л. В. Собинова, В. Г. Короленко, Андрея Белого, артиста И. Н. Берсенева, актрисы Л. Б. Яворской, композитора Р. М. Глиэра.

В ответ в Россию Кропоткин писал: «Не нахожу слов, чтобы выразить, как глубоко меня тронуло это выражение теплых чувств, донесшееся до меня с родины после долгой с ней разлуки, и как отраднo было почувствовать, что ни годы, ни расстояния не порвали той связи с русской жизнью, которую я со своей стороны всегда с любовью хранил и лелеял в своем сердце» 2.

2 ГАРФ, ф. 1129, ед. хр. 835.

92 человека подписали адрес от русских политических эмигрантов, среди них - С. Я. Маршак, учившийся тогда в Лондоне.

В газете «Утро России», напечатавшей за два года до этого статью П. А. Кропоткина о Льве Толстом, появилась заметка, в которой предполагалось, что пора бы Кропоткину разрешить приехать в Россию, ведь прошло уже 38 лет после того, как «государственный преступник» бежал из России. Петр Алексеевич ответил редакции: «Кроме меня, за границей есть тысячи людей, которые не менее меня любят свою Родину и которым жизнь на чужбине гораздо еще тяжелее, чем мне. А по всей Сибири и в дебрях Крайнего Севера разбросаны десятки тысяч человек, оторванных от действительной жизни и гибнущих в ужасной обстановке. Вернуться в Россию при таких условиях было бы с моей стороны примирением с этими условиями, что для меня невыносимо». Пока он оставался в эмиграции, но до России уже доходили новые его идеи.

В торжественном адресе британского Юбилейного комитета признавались заслуги князя Кропоткина в области естественных наук, а также и его гуманистические идеи. Здесь имелись в виду те идеи, которые развивал Кропоткин на протяжении последних двух десятилетий перед Мировой войной, принесшие ему особенно широкую популярность в кругах интеллигенции Запада. Это его теория взаимопомощи как всеобщего закона природы, в особенности характерного для человеческого общества. Более двадцати статей опубликовал он на эту тему в английских журналах, а в 1902 году в Лондоне вышла книга «Взаимная помощь как фактор эволюции», переведенная сразу же на несколько языков.

Миром «правит» взаимная помощь

«Две отличительные черты в животной жизни Восточной Сибири и Северной Манчжурии особенно поразили меня во время путешествий, совершенных мною в молодости...» Так начинается эта книга, впервые появившаяся полностью в русском издании в 1918 году.- «Меня поразила с одной стороны, необыкновенная суровость борьбы за существование, которую... приходится вести против безжалостной природы... Другой особенностью было то,

что... я не находил, хотя и тщетно искал ее следов, той ожесточенной борьбы за существование, которую большинство дарвинистов (хотя не всегда сам Дарвин) рассматривали как преобладающую характерную черту борьбы за жизнь, и как главный фактор эволюции. 1

1 Кротоцкий П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков, 1919. - С. 3.

«Борьба за существование...» - эта формула Дарвина, предполагавшая выживание приспособленных, опирающаяся на провозглашенные Мальтусом законы перенаселения, была поднята как знамя в конце 80-х годов прошлого века так называемыми социал-дарвинистами, но она вызвала решительные возражения, причем, главным образом, в России. Не принял ее и молодой Кротоцкий, хотя лишь спустя 20 лет пришел к своему пониманию процесса биологической эволюции, которое назовут «поправкой к Дарвину».

Именно потому, что не борьба, а сотрудничество (кооперация), солидарность, взаимопомощь, являются фактором эволюции, считал Кротоцкий - гармония в обществе немислива при сохранении пирамидальной системы власти, утверждаемой государством. Она зиждется на тесных переплетениях взаимосвязей, подобно тому, что имеет место в Природе. Ученый опирался при этом не только на многочисленные факты науки, но и на весь опыт человеческой мысли, привлекая даже основные принципы двух крупнейших религий - христианства и буддизма.

Еще в сибирских путешествиях Кротоцкий внимательно приглядывался к жизни животных в местах, где еще не поселился человек. В Сибири он наблюдал, как жизнь сообществами помогает животным противостоять всяким невгодам, общение с себе подобными позволяет выжить в тяжелой борьбе с суровой природой - с глубокими снегами и метелями, с сильнейшими ливнями циклонов, налетающих с Тихого океана, с грандиозными наводнениями на Нижнем Амуре, с морозами, при которых ртуть замерзает в термометрах и метелями в июле, нередким на севере Забайкалья...

В камере французской тюрьмы Клерво Кротоцкий прочитал лекцию Карла Федоровича Кеслера, крупнейшего русского зоолога, профессора Петербургского университета, который высказал мысль о том, что, подчиняясь закону борьбы за существование, животные в отношении между собой используют поддержку и взаимную помощь, благодаря чему способны выживать в самых неблагоприятных условиях. Эта мысль Кеслера отвечала собственным представлениям Кротоцкого о совмещении борьбы и взаимопомощи, взаимодействии разделении и объединении, всеобщей кооперации Вселенной. Чтобы решить эти проблемы в отношении человеческого общества, необходимо разобраться, как обстоит дело на более низком уровне - в мире животных.

Работу над темой, которая необычайно увлекла Кротоцкого, пришлось прервать после выхода из тюрьмы. Но он продолжал над ней думать. В 1888 году профессор-дарвинист Томас Гексли выступил в Оксфордском университете с лекцией, в которой утверждал, что человеческое общество живет так же, как и животный мир, - по закону борьбы за существование. Наиболее сильные, приспособленные, иначе говоря, хитрые и ловкие, не выбирающие средств для достижения цели люди, естественно, завоевывают в обществе

господствующее положение. Они обладают правом повелевать, в то время как остальные обязаны им починяться. Тома Гексли напечатала эту лекцию в журнале «Девятнадцатый век». Она называлась «Борьба за существование: программа». Кропоткин увидел в такой концепции прямое обоснование борьбы господствующих классов с революционным движением.

В ней найдут оправдание и революционеры типа Нечаева, разрешающие себе любые приемы борьбы, лишь бы они приводили к победе.

Очень многие выступали против Гексли, сомневаясь в правомерности перенесения закона борьбы за существование в животном мире на мир человека. Кропоткин же пошел дальше. Он давно уже был убежден, что человека нельзя противопоставлять природе, ибо он порожден ею, является ее частью и связан с ней нитями взаимозависимостей. А если так, то не только закон борьбы за существование, но и закон взаимной помощи у животных должен иметь продолжение в человеческом обществе, где его действие осуществляется через такие формы человеческого общения, как солидарность, альтруизм, милосердие.

Путешествуя по Сибири, Кропоткин понял, какую борьбу с суровой природой приходится выдерживать животным на громадных пространствах, большая часть их выживает в этих условиях только потому, что держится сообществами. Те же самые животные становятся беспомощными и погибают, если открываются по какой-то причине от сообщества и лишаются помощи сородичей в тяжелой борьбе с неблагоприятными природными явлениями.

Ведь если бы существовала одна жестокая борьба за существование каждого индивидуума со всеми остальными как с соперниками, наверное, не хватило бы сил для борьбы с враждебными собственной жизни условиями окружающей среды. Еще во время сибирских путешествий Кропоткин начал сомневаться, так ли уж господствует повсюду борьба, и она ли определяет прогресс жизни?

Его поражали картины больших переселений животных: оленей на Крайнем Севере, перелетных птиц с юга Уссурийского края на севере и обратно. О переселении косуль на Амуру, которое ему пришлось наблюдать, возвращаясь поздней осенью с Уссури вверх по Амуру, он любил рассказывать в своих лекциях. Осенью, когда уже выпал снег, тысячи и тысячи косуль сбегались именно в том месте к Амуру, где русло могучей реки суждено перед прорывом через хребет. И хотя по реке уже густо шел лед, поднявшийся со дна, косули отчаянно бросались в реку, чтобы переплыть на другой берег. Каждый день новые и новые стада косуль подходили точно к этому месту и пускались вплавь: они уходили от глубоких снегов на южный берег Амура, на более теплую китайскую сторону. Удивительно, что к этому узкому месту животные собирались с громадного пространства, из десятков долин, объединяясь для совместного преодоления водной преграды.

Закон о взаимопомощи среди животных подтверждало множество других случаев совместных действий животных, которые Петру Алексеевичу пришлось наблюдать и которые были направлены на спасение не каждого в отдельности, а всего сообщества в целом.

Есть и борьба - соперничество: съел тот, кто сумел, кто лучше приспособлен. Но из этого предложенного природой испытания вид выходит с потерей общей энергии, так что о том, что прогрессивная его эволюция может быть основана на остром соперничестве, речи быть не может. Соперничество, конечно, имеет место и полезно, если только дело не доходит до взаимного уничтожения. Обостренное соперничество ведет к угасанию вида.

Конечно, Кесслер впервые затронул эту тему. Но, говоря о происхождении закона взаимной помощи, он, по мнению Кропоткина, ошибочно видел его истоки лишь в «родительских чувствах», в инстинкте заботы животных о потомстве. Но есть ведь общительность, она не всегда связана только с этой заботой. Кропоткину кажется, что дело тут сложнее и на вопрос об истоках едва ли можно ответить сразу. Надо будет поискать ответ на ранних стадиях эволюции животного мира. Но это потом. Главное - показать, что взаимная помощь является фактором эволюции.

Кропоткин обратился к литературе и обнаружил, что даже Гете думал над этой проблемой. Знаменитый в пору юности Кропоткина Леопольд Бюхнер, автор книги «Сила и материя», источником общительности животных видел взаимную симпатию. Симпатия, конечно, присутствует, как и забота о потомстве, но взаимная помощь не может базироваться на ней одной. Разве симпатия или любовь заставляют стадо бизонов при нападении волков становиться в круг, надежно защищаясь таким образом от нападения хищников? Разве любовь соединяет одиночных косуль во множество стад с огромной территории для того, чтобы всем вместе переплыть реку в самом узком ее месте?

Главное, думал Кропоткин, то, что существует чувство несравненно более широкое, чем забота о потомстве или симпатия. Это - инстинкт общительности, который медленно развивался на протяжении миллионов лет жизненной эволюции на Земле и явился важным фактором этой эволюции.

В жизни таких насекомых, как муравьи, пчелы, термиты роль взаимной помощи необычайно велика. Это очень хорошо известно, но даже у таких животных, которые вроде бы не склонны к коллективизму - у крабов-отшельников - можно наблюдать удивительное поведение: некоторые земноводные крабы Вест-Индии и Северной Америки соединяются огромными полчищами, когда идут к морю метать икру. В аквариуме в Брайтоне Петру Александровичу довелось самому наблюдать, как ведут себя другие крабы. Если один из них, случайно переворачивается на спину. Остальные крабы обязательно помогают ему вернуться в обычную позу, что дается им отнюдь не легко. Поражали их настойчивость и упорство хотя иногда на это уходил не один час.

Биологи, изучившие поведение грифов, крупных птиц высокогорий, подчеркивают исключительную их общительность. О них, как о людях, можно сказать, что они живут в большой дружбе. И не без оснований. Гнездятся грифы поблизости друг от друга, а о находках падали, которой они питаются, сообщают друг другу и собираются вокруг трупа огромными стаями.

А орлы - белохвосты русских степей, про которых рассказывал еще в Петербурге, на заседании Географического общества Николай Северцев? Раз он увидел орла,

поднимавшегося кругами вверх все выше и выше, осматривая местность. И вдруг раздался его пронзительный клекот. На него ответил крик другого орла, третьего, четвертого... Их собралось десять, потом еще десять, и они полетели все в одном направлении. Позже Северцев увидел этих орлов у лошадиного трупа, где вершился коллективный пир. Один орел позвал других, и они соединились в группу для охоты и совместной «трапезы».

У журавлей стая кормится всегда под охраной часовых, а если бывает нужно, высылаются несколько разведчиков, выясняющих, сохранилась ли опасность там, где она была недавно. Коллективная осторожность журавлей спасает каждого от врагов. Малюсеньким луговым трясогузкам, благодаря соединению в стаю, не страшен грозный ястреб.

А что уж говорить о весеннем гнездовании птиц. Лишь только хищники приближаются, об их появлении возвещают добровольные часовые, в небо поднимаются сотни чаек, ласточек и смело летят навстречу коршуну. Он бросается на живую массу птиц, но атакованный со всех сторон, отступает. Подобные наблюдения делали многие натуралисты - Брэм, М. А. Северцев, Иван Поляков, его друг по сибирским походам написавший прекрасную статью о семейных обычаях водоплавающих птиц. Да и сам Кропоткин видел подобные картины не один раз в Сибири и на дальнем Востоке.

Жаль, что не побывал в Арктике, не состоялась намеченная экспедиция. Но все-таки он видел «птичьи базары» в норвежском фиорде неподалеку от Бергена и на островах Стокгольмского архипелага. Эти «птичьи горы» - ярчайший пример взаимной помощи и бесконечного разнообразия видов и форм поведения, обусловленного общественным характером жизни птиц.

Широко проявляется взаимопомощь у птиц в период их перелетов. Это великое явление природы, не вполне еще объясненное, но несомненно удивительное. Весной или осенью птицы, жившие ранее маленькими стаями, разбросанными по обширному пространству, вдруг начинают собираться в определенном месте в многотысячные объединенные «армии». Прежде чем отправиться в далекий путь, они как будто даже « совещаются », обсуждают подробности грядущего путешествия. Во всяком случае, оглушительный разноголосый гам этого сборища наводит именно на такие предположения. Да и не одни « разговоры »: птицы поджидают запоздавших, упражняются в подготовительных полетах. А потом исчезают все вместе.

Самые сильные особи обычно летят во главе стаи. Нередко к стае сильных птиц присоединяются более слабые, рассчитывая на их поддержку. Они остаются вместе, когда всю колонную захватывает буря: беда объединяет птиц различных видов.

Среди млекопитающих просто поразительно громадное численное преобладание общительных видов над немногими хищниками, живущими особняком. Олени, антилопы, буйволы, горные бараны, мускусные быки, песцы, тюлени, моржи, киты, наконец, - все эти животные ведут стадный образ жизни, что помогает им противостоять неблагоприятным условиям природы и окружающим их хищникам.

Животные, предпочитающие одиночество - это всегда хищники, их немного, но и у хищных млекопитающих все-таки обнаруживается привычка к общественной жизни. Даже львы соединяются для охоты в группы, уже не говоря о волках, гиенах, лисицах.

Все эти многочисленные примеры не могут не убедить в том, что общение и взаимопомощь у животных широко развиты, и в том, что они обусловлены потребностями вида. Но работая над серией статей для журнала «Девятнадцатый век» и размышляя над множеством фактов, которыми эти статьи были буквально переполнены, Кропоткин пошел дальше.

Он выстроил свою теорию, вывел всеобщий закон взаимной помощи, действующий во всей живой природе, включая человеческое общество.

Кропоткин ни в коем случае не отрицал коренного отличия мира человека от мира животных. Но отличие это в том, что человеческое общество стоит на более высокой ступени эволюции. Его поднимает сознание, несоизмеримо более развитое, чем у животных. И это сознание тем более способствует совершенствованию тех инстинктов, которые направлены на прогресс рода человеческого. То поведение, которое у животных складывается инстинктивно, у человека разумного тысячекратно укрепляется сознанием. Что было бы, если бы борьба за существование между людьми укреплялась сознательно? Результатом в этом случае могло быть лишь самоуничтожение человечества. Но если не борьба, то солидарность, взаимопомощь...

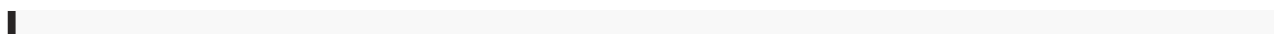
Статьи Кропоткина на эту тему, и особенно, книга *Mutual Aid as a factor of evolution* «Взаимная помощь - фактор эволюции»), вышедшая в Лондоне в 1897 году, а потом во многих других городах Европы, Азии и Америки, стал и очень популярными.

Теория Кропоткина обратила на себя внимание европейской и мировой общественности гуманностью, оптимизмом, надеждой на лучшее будущее человечества. Знаменитый анархист, пропагандист социальной революции выдвинул на первое место отношения сотрудничества, солидарности и взаимопомощи между людьми - совсем по-евангельски, по-христиански. Не такое ли понимание идей Кропоткина привело английского писателя Оскара Уайльда к сравнению русского философа-анархиста с «белым Христом, идущим из России».

П. А. Кропоткин

Из очерка «Нравственные начала анархизма» (1890-1907) 1

1 Кропоткин П. А. *Этика*. - М.1991. - С. 280-317.

История человеческой мысли напоминает собою качание маятника. Только каждое из этих качаний продолжается целые века. Мысль то дремлет и застывает, то снова пробуждается после долгого сна. Тогда она сбрасывает с себя цепи, которыми опутывали ее все, заинтересованные в этом, - правители, законники, духовенство. Она рвет свои путы... Она открывает исследованию новые пути, обогащает наше знание непредвиденными открытиями, создает новые науки.

Мысль... принимает религиозный оттенок, оттенок раболепия и властвования - властвование и раболепие всегда идут рука об руку - и в людях развивается привычка к подчиненности...

В нас говорит эволюция всего животного мира. А она очень длинна. Она длится сотни миллионолетий... Принцип, в силу которого следует обращаться с другими так же, как мы желаем, чтоб обращались с нами, представляет собой не что иное; как начало Равенства, т. е. основное начало анархизма...

Мы не желаем, чтобы нами управляли. Но этим самым не объявляем ли мы, что мы в свою очередь не желаем управлять другими? - Мы не желаем, чтоб нас обманывали, мы хотим, чтобы нам всегда говорили правду, но тем самым не объявляем ли мы, что мы никого не хотим обманывать, что мы обязываемся всегда говорить правду, только правду, всю правду? Мы не хотим, чтобы у нас отнимали продукты нашего труда, но тем самым не объявляем ли мы, что мы будем уважать плоды чужого труда?...

...Принцип равенства обнимает собою все учения моралистов. Но он содержит еще нечто бо"льшее. И это нечто есть уважение к личности. Провозглашая наш анархический нравственный принцип равенства, мы тем самым отказываемся присваивать себе право... ломать человеческую природу во имя какого бы то ни было нравственного идеала. Мы ни за кем не признаем этого права, мы не хотим его и для себя.

Мы признаем полнейшую свободу личности. Мы хотим полноты и цельности ее существования, свободы развития всех ее способностей. Мы не хотим ничего ей навязывать и возвращаемся, таким образом, к принципу, которому Фурье противопоставлял нравственность религий, когда говорил: «Оставьте людей совершенно свободными, не уродуйте их - религия уже достаточно изуродовал их. Не бойтесь даже их страстей; в обществе свободном они будут совершенно безопасны...»

Но равенства мало. Будь силен! расточай энергию страсти и ума, чтобы распространить на других твой разум, твою любовь, твою активную силу. Вот к чему сводится нравственное учение, освобожденное от лицемерия восточного аскетизма... Человек, сильный мыслью, человек,

преисполненный готовностью умственной жизни, непременно стремится расточать ее. Мыслить - и не сообщать свои мысли другим, не имело бы никакой привлекательности... Человек, сильный умом, не дорожит своими мыслями. Он щедро сыплет их на все четыре стороны. В этом его жизнь. То же и относительно чувства. Чтобы быть действительно плодотворной, жизнь должна изобиловать одновременно умом, чувство и волей. Но такая плодотворность во всех направлениях и есть жизнь : единственное, что заслуживает этого названия. За одно мгновение такой жизни те, кто раз испытал ее, отдадут году растительного существования. Тот, у кого нет этого изобилия жизни, тот существо, состарившееся раньше времени, засыхающее, нерасцветшее, растение.

В наши дни часто приходится слышать насмешливое отношение к идеалам. Это понятно. Идеалы так часто смешиваются с их буддийскими или христианскими искажениями: этим словом так часто пользовались, чтобы обманывать наивных, что реакция была неизбежна и даже благородна. Нам тоже хотелось бы заменить это слово «идеал», затасканное в грязи, новым словом, более согласным с новыми воззрениями.

Но каково бы ни было слово, факт остается налицо: каждое человеческое существо имеет свой идеал... Каждый мещанин-обыватель имеет свои идеал - хотя бы, например, иметь серебряную ванну, как имел Гамбетта, или иметь в услужении известного повара Томпетта, и много-премного рабов, чтобы они оплачивали, не морщась, и ванну, и повара, и много другой всякой всячины.

Но рядом с этими господами есть другие люди, - люди, постигшие высшие идеалы. Скотская жизнь их не удовлетворяет. Раболепие, ложь, недостаток частности, интриги, неравенства в людских отношениях возмущают их... они понимают чувством, как прекрасна могла бы быть жизнь, если бы между всеми установились лучшие отношения. Они чувствуют в себе достаточно сил, чтобы самим, по крайней мере, установить лучшие отношения с теми, кого они встретят на своем пути. Они постигли, прочувствовали то, что мы называем идеалом.

Откуда явился этот идеал? Как вырабатывается он? Преемственностью - с одной стороны и суммой впечатлений - с другой? Мы едва знаем, как идет эта выработка. Самое большое, если мы сможем, когда пишем биографию человека, жившего ради идеала, рассказать приблизительно верную историю его жизни. Но идеал существует. Он меняется, он совершенствуется, он открыт всяким внешним влияниям, но всегда он живет. Это - наполовину бессознательное чувство того, что дает нам наибольшую сумму жизненности, наибольшую радость бытия.

И жизнь только тогда бывает мощная, плодотворная, богатая сильными ощущениями, когда она отвечает этому чувству идеала. Поступайте наперекор ему, и вы почувствуете, как ваша жизнь дробится; в ней уже нет цельности, она теряет свою мощь. Начните часто изменять своему идеалу - и вы кончите тем, что ослабите вашу волю, вашу способность действовать... Вы надломленный человек. Все это очень понятно. Ничего в этом нет таинственного, раз мы рассматриваем человека как состоящего из действующих до некоторой степени независимо друг от друга, нервных и мозговых центров. Начните постоянно колебаться между различными чувствами, борющимися в вас, - и вы скоро нарушите гармонию организма; вы станете больным, лишенным воли человеком. Интенсивность жизни понизится, и сколько бы вы ни придумывали компромиссов, вы уже больше не будете тем цельным, сильным, мощным человеком, каким вы были раньше, когда ваши поступки согласовывались с идеальными представлениями вашего мозга...

А теперь упомянем, прежде чем закончить наш очерк, о двух терминах - альтруизм и эгоизм, постоянно употребляемых современными моралистами. До сих пор мы еще ни разу даже не упомянул этих слов в нашем очерке. Это потому, что мы не видим того различия, которое старались установить моралисты, употребляя эти два выражения.

...Если бы благо индивида было противоположно благу общества, человеческий род вовсе не мог бы существовать; ни один животный вид не мог бы достигнуть его теперешнего развития... Когда Спенсер предвидит время, когда благо индивида сольется с благом рода, он забывает одно: что, если оба не были всегда тождественны, самая эволюция животного мира не могла бы совершиться.

Что всегда было во все времена, это то, что всегда имелось в мире животном, как в человеческом роде, большое число особей, которые не понимали, что благо индивида и благо рода по существу тождественны. Они не понимали, что цель каждого индивида - жить интенсивною жизнью и что эту наибольшую интенсивность жизни он находит в наиболее полной общительности, в наиболее полном отождествлении себя самого со всеми теми, кто его окружает...

Никогда, ни в какую эпоху истории, даже геологии, благо индивида не было и не могло быть противоположным благу общества. Во все времена они оставались тождественны, и те, которые лучше других это понимали, всегда жили полною жизнью.

Вот почему различие между альтруизмом и эгоизмом не имеет смысла. По этой же причине мы ничего не сказали и о тех компромиссах, которые человек, если верить утилитаристам, всегда делает между своими

эгоистическими чувствами и своими чувствами альтруистическими. Для убежденного человек таких компромиссов не существует...

Компромисс - полупризнание, полусогласие. Мы же восстаем против них. Они нам тягостны. Они делают нас революционерами. Мы не миримся с тем, что нас возмущает...

Бывают эпохи, когда нравственное понимание существенно меняется. Люди начинают вдруг замечать, что то, что они считали нравственным, оказывается глубоко безнравственным...

И мы приветствуем такие времена. Это времена суровой критики старых понятий. Они самый верный признак того, что в обществе совершается великая работа мысли. Это идет выработка более высокой нравственности...

...Эта нравственность ничего не будет предписывать. Она совершенно откажется от искажения индивида в угоду какой-нибудь отвлеченной идее, точно так же как откажется уродовать его при помощи религии, закона и послушания правительству. Она предоставит человек полнейшую свободу. Она станет простым утверждением фактов - наукой.

И эта наука скажет людям:...Сей жизнь вокруг себя. Заметь, что обманывать, лгать, интриговать хитрить - это значит унижать себя, мельчать, заранее признавать себя слабым...

Напротив того - будь сильным. Как только ты увидишь неправду и как только ты поймешь ее, - неправду в жизни, ложь в науке или страдание, причиняемое другому - восстань против этой неправды, этой лжи, этого неравенства. Вступи в борьбу! Борьба ведь - это жизнь; жизнь тем более кипучая, чем сильнее будет борьба. И тогда ты будешь жить, и за несколько часов этой жизни ты не отдашь годов растительного прозябания в болотной гнили.

Борись, чтобы дать всем возможность жить этою жизнью, богатою, бьющею через край; и будь уверен, что ты найдешь в этой борьбе такие великие радости, что равных им ты не встретишь ни в какой другой деятельности.

Вот все, что может сказать тебе наука о нравственности.

Выбор - в твоих руках.

Из книги «Завоевание хлеба» (1900-1906)

“ Человечество прошло изрядный путь с тех отдаленных времен, когда человек, матеря из кремня первобытные орудия, жил случайными добычами

на охоте и детям своим оставлял в наследство только убежище в скале и плохие каменные орудия да природу, огромную, непонятную, грозную, с которой они должны были вступить в борьбу, чтоб поддерживать свое жалкое существование.

В то смутное время, которое продолжалось много тысячелетий, род человеческий накопил неслыханные сокровища...

...Каждый из атомов того, что мы называем богатством наций, приобретает ценность только оттого, что он часть этого огромного целого... Миллионы людей работали над созданием этой цивилизации, которую мы теперь гордимся. Другие миллионы, рассеянные по всем концам земного шара, трудятся над ее поддержанием...

...Тысячи писателей, поэтов, ученых работает над выработкой знания, над разъяснением заблуждений, над созданием той атмосферы научной мысли, без которой никакие чудеса нашего (XIX) века не могли бы появиться.

Всякий понимает, что без прямоты, без самоуважения, без взаимной симпатии и поддержки род человеческий должен погибнуть... Синтез двух целей, преследуемых человечеством в течение веков: экономической свободы и свободы политической.

...Вся история, весь опыт человечества, а равно и психология общества, свидетельствуют, что наиболее справедливый способ - это предоставить дело самим заинтересованным. Они одни могут к тому же принять все соображения и привести в порядок множество частных, которые неизбежным образом ускользают от всякого бюрократического распределения...

Мы, приученные, благодаря унаследованным предрассудкам и совершенно ложному воспитанию, к такому же образованию, видеть везде только правительство, законодательство и администрацию, - приходим теперь к заключению, что люди растерзают друг друга на части, как дикие звери, если только перестанет смотреть за ними полицейский, что будет хаос, когда власть рухнет в каком-нибудь катаклизме. И мы, того не замечая, проходим мимо многих тысяч человеческих соединений, свободно образовавшихся, без какого бы то ни было участия закона и достигающих осуществления гораздо более серьезных результатов, чем те, которые получают под опекой правительства...

Соглашение между сотнями компаний, которым принадлежат европейские железные дороги, установилось непосредственно, без вмешательства центрального правительства... это новый принцип, отличающийся во всех отношениях от принципа правительства, монархического или республиканского, самодержавного или представительного. Это

нововведение, проявляющееся еще робко в европейских нравах, но которое имеет за собой будущее...

Из переписки

П. А. Кропоткин- М. И. Гольдсмит

Viola, Bromley 3 апреля 1897 г.

“ ...Опять я хворал, поправился, съездил в Шотландию лектировать, простудился, и опять хворал этот месяц... В Швейцарии начал Revolte в 1879, и все отстранились. Reclus держался в стороне от нас, Юры¹, а Юра вся «ушла»...

1 Ииееется в виду Юрская Федерация, отделившаяся от Интернационала который возглавлял К. Маркс.

Часто Соня (моя жена) с грустью смотрела на наш труд: так мал он был по результатам. Швейцария требовала вечного «remontag», как говорил Бакунин. Во Францию мы посылали 25, 30, 80 экз. б[большой] ч[астью] наудачу... Но вот сразу дело пошло во Франции, и идет по сию пору. Два-три товарища, да, да хороших, - чего только не наделаешь!... Но довольно! Подумайте, дорогой мой друг, что можно сделать, и - в путь-дорогу!

Крепко жму вам руку за себя и за Соню.

П. Кропоткин

11 мая 1897

“ ...Я ненавижу русское правительство в Польше не только потому, что оно поддерживает экономическое неравенство (оно оказалось в этом отношении радикальнее польских панов, и тем задавили восстание 1863 г.) Оно подавляет личность, а всякого угнетателя личности я ненавижу... Тоже самое в Ирландии, где мои приятели сидели в кутузке на пение Green Erin и ношение зеленых нарядов...

...Где бы люди не восставали против гнета личного, экономического, государственного, даже религиозного, а тем более национального - многие должны быть с ними... вот почему мои симпатии - с неграми в Америке, с армянами в Турции, с финнами и поляками в России и т. д...

...Вы не пережили годы 1859-1860. Но могу вас уверить, что смелые походы Гарибальди больше сделали для подъема либерального, радикального,

бунтовского и социального духа по всей Европе, чем что бы то ни было. Мужики в России ждали Гарибальди - «не будет воли, пока Гарибальди не придет». Я слышал сам. А вы знаете, что не будь в России крестьянских бунтов не было и воли...

...Вы упомянули кооператоров, так я и их возьму. Чего вижу! настоящие буржуи. А между тем, идея, родившая это движение, не была буржуйская... Сейчас английские кооператоры дружат со мною. Государственный социализм им противен. Они просили меня написать... статью о земледелии - и я написал. На днях они просили... статью о национализации и они ждут анархического выхода...

Возьмите Россию. В ней идет сильное движение рабочих («не те рабочие стали в два года», - говорил недавно один англичанин, живущий несколько лет в России). Никто ими не занимался, кроме социал-демократов. И вот оно - в их руках, и они поведут его по своей сторожке, на погибель... В настоящее время от социализма в социал-демократии ничего не осталось...

Для нас есть один предел: никогда мы не станем в ряды эксплуататоров, правящих и духовных наставников, и никогда не станем выбирать или назначать себе эксплуататоров, правителей, наставников... Никогда мы руки не приложим к созданию какой бы то ни было пирамидальной организации - экономической, правительственной или учительски-религиозной (хоть бы даже религиозной), никогда своими руками не будем создавать правление человека над человеком...

14 декабря 1898

“ ...Каждый месяц надо поставлять главу мемуаров, страниц шестнадцать, больших. Я пишу по-русски вполне, потом сокращенно по-английски, и это будет решительно все время, настолько, что вот ничего не могу делать - так устал.

Нет физической возможности взяться за новое дело...

Viola, 8 августа 1900

“ ...Не могу я браться за дело, не отдавшись ему вполне... Вера в евангелие по Марксу еще живет целиком...

Bromley, 24 сентября 1900

“ ...Сегодня, да и все эти, дни работаю... с 6.30 утра. Солнце, море свежий ветер в окно - чудно, хорошо работается.

Viola, 5 октября 1900

“ Дорогая Мария Исидоровна,

Возвращаю вам корректуры (не лучше ли дать мне адрес типографии?). Мне не нравится, что между вами и мной идет такая деятельная переписка. Полицейское око бдит, и все это ставится вам черными крестиками на случай, и отнюдь не упрочивает вашего положения в Париже...

Viola, 28 декабря 1900

“ Дорогой мой друг,

Страшно работаю - это одно мое оправдание...

Вчера было собрание русское - 75-летие 14-[го] декабря 1. Все было очень хорошо. Но ввязался плюгавенький марксид и пошел: буржуа, либералы и все то движение 70-х гг было «буржуа[зным], и Кравчинский был мальчишка... В былые времена тут бы один шпион, также «срывал соборья». Право - марксид не лучше распорядился. Всем до того тошно стало... Я до пяти не спал: просто боль чувствуешь за этих недоумков; а их чуть не целое поколение! И не со вчерашнего дня эта болезнь: я ее переживаю с 70-х годов...

1 День восстания декабристов в 1825 г.

Dunrobin. Morton Road, 15 августа 1901 г.

“ ...Stock 2 заваливает корректурами французского перевода... Fields, Factories, Workshops 3 идут хорошо, шиллинговым изданием, и я рад, что читают ее теперь простые люди... Простой люд и читает.

2 П. В. Сток - владелец парижского издательства, в котором выходили книги П. А. Кропоткина.

3 Книга «Поля, фабрики и мастерские», изданная первоначально в Англии, где продавалась по цене 1 шиллинг.

До сих пор, касательно рабочего движения, у меня есть только одна идея, единственная - и вот она. Покуда социал-демократизм, как его поняли в России, не был помехою. Он по плечу большинству, а при российском раболепстве перед авторитетами - всегдашнем - он оказался как раз тем, что нужно: помогали рабочим сплотиться, давали им веру в свое дело и шли за ними. И мы бы то же делали, если бы были на месте... Но я вижу, конечно, громадную растущую опасность. Раз их основные принципы ложны, - рано

или поздно это отзовется... на все движение - стачки, экономический террор, даже манифестации, незаметно, мягко накладывается уздечка...

Dunrobin, 4 сентября 1901

“ ...Теперь строчу ответ Победоносцеву 1. Я напечатал в July или Aug. N North American Review статью о России. Победоносцев отвечает в N от 15 сентября... Выгораживает царя и себя..., а затем восхваляет свои церковно-приходские школы. Ответ приличный. Я не хочу отв[ечать] несколькими слов[ами]...

1 Константин Петрович Победоносцев (1827-1907) - юрист, оберпрокурор Синода в 1880-1905 гг., влиятельная фигура в окружении Александра III.

90 Lansdowne Place Hove, Brighton, 14 декабря 1901

“ Спасибо, дорогой мой друг, за цветы и письмо, Цветы отошли в горячей воде и красуются теперь на комодке...

P. S. Моя Autour d'une vie 2 (мемуары) выходят завтра. Если попадутся отчеты, а в особенности, если попадетсся ругательный, пришлите. В Германии, их удивительно хорошо приняли. Лучший отчет был в одной злой - консервативной газете: «Очень хорошо написано, а потому, не следует распространять»...

2 Autor d'une vie (Вокруг одной жизни) - авторское название мемуаров П. А. Кропоткина. «Записки революционера».

Bromley, 6 января 1905 г.

“ ...Вот уже две недели ровно я в постели, а не поблагодарил мою милую Марусю за бесконечно-милую, добрую память об нас. Соня, бедная, тоже с ног сбилась, а Саша, «легкомысленное создание» - такая, стало быть, и есть! Зубрит к экзамену.

У меня, родные мои, сильный бронхит: такого не было ни разу еще в жизни, с invasion всех тонких сосудов в нижней части легких и при этом с гастрической инфлуэнцией... и за две недели не смог даже унции съесть твердой пищи. Ослабел очень...

Читаете ли вы вести из России? По-видимому, всерьез взялись на этот раз против самодержавия...

А вас, Маруся милая, крепко крепко обнимаю за нас троих. Вы не поверите, до чего Соне хотелось вас тут на неделю задержать.

Bromley, 10 февраля 1905 г.

“ Дорогой друг,

Ваша статья прекрасная. Отлично построенная, мысли верны, и именно это я хотел бы выразить, если бы писал.

Brighton, 5 июня 1905 г.

“ ...Хожу я здесь один и всякую думу думаю. Все больше невеселую - людей нет! Теоретики промозглые какие-то, наша молодежь. А удалцы, кроме террора не видят исхода своей удали. А между тем, просто конца не видно делу. Ну не стану бурчать, а крепко обниму вас и милую маму... Не хворайте, Маруся. Не надо!...

Brighton, 25 октября 1905 г.

“ Был Черкезов1... Во всяком случае, в России началась революция, раз выступила Москва - вся Россия поднялась с нею...

Много неприятностей придется пережить в эти годы, но зато, родные мои, и много радостей. Ведь эта революция, именно такая, какая была в 1790 - 93, только 100 лет спустя... Одно скверно: европейская война надвигается. Консерваторы здесь ходят войны с Германией, и сильнее прежнего толкают Францию к войне.

Brighton, 1 декабря 1905 г.

“ ...Как видите, в Брайтоне: должен был удрать, чтобы избавиться от разных «сердечных» предзнаменований... Был Гогелия с Черкезовым... Мы говорили очень дружно... Что в России скоро может начаться реакция, более, чем вероятно... Типографию сложим в январе и - айда в Россию...

Brighton, 22 декабря 1905 г.

“ ...Пишут мне из России следующее. Новое правительство социал-демократов злобой оболъет наС. Пусть, а мы поборемся... Новое началось. Великая борьба уже завязалась. Неужели - ниспровержение царизма?

Мои мемуары взяло «Знание» 1. Выпускают 20 000, цена 1 руб... Слух, что война Германии с Францией объявлена будет через день-два. Все готово. Ждут предлога... Так завален письмами, что просто прихожу в отчаянье...

1 Издательство, основанное в Петербурге А. М. Горьким.

Brighton, 9 января 1906 г.

“ ...Едем мы скоро, т. е. вероятно в начале февраля... Но мои затруднения - литературные. Я обязался написать все статьи о России для нового издания Encyclopaedia Britannica... В России вести эту работу я не хотел бы - найдется другая...

Brighton, 29 января 1906

“ ...Вести из России: по-прежнему, одни аресты...

Brighton, 7 февраля 1906 г.

“ ...Не дивитесь моему маранью. Рука до того устала от писания, что я нынче взялся уже за гусиные перья... Кончил свою Французскую Революцию, вплоть до 31 мая 1793 г...

Brighton, 22 февраля 1906 г.

“ ...Интеллигенция хочет руководить рабочей массой, а надо идти за ней...

Brighton, 16 мая 1906 г.

“ ...Мы тронемся в июне - наверно. Я хотел бы хоть сейчас... Пора в Россию.

Brighton, 8 июля 1906 г.

“ ...Ура! Вчера кончил La Grande Revolution («Великая Французская революция». - В. М.). Вновь написал 1014 листов... Выйдет книга страниц в 400. Писал с 24 апреля, и в первый раз в жизни - целую книгу без перерыва...

Viola, Bromley, 27 мая 1907 г.

“ Гостила недавно моя старая, самая дорогая приятельница С. Н. Лаврова, а туту, конечно, обычная работа, и кончил просмотр перевода «Взаимной помощи»... Конгресс социал-демократов здесь продолжается. Я, конечно, не был: анархистов не пускают. Впрочем, Соня была на одном заседании с Фанею Степняк и попала как раз на такую византийщину, что просто в ужас пришла. Роза Люксембург говорила, что крестьянство представляет

революционный элемент и нужно ему помогать. Плеханов - с пафосом - принял ее отлучать от церкви, обвиняя в измене марксизму, в анархизме! Говорят ленинцы - еще большие ортодоксы, чем меньшевики!... Соня в себя не может прийти от этих византийских раскольнических споров, которые она слышала. «Ведь они - мертвые», - говорит...

Bromley, 19 июня 1907 г.

“ ...Столько писем на руках, что прихожу в отчаянье... Вести из России не веселы. Полное торжество реакции, - кто знает на сколько лет!

5 Onslow Villas, 29 января 1908 г.

“ ...Я все еще не выхожу из комнаты. Сажу. Очень слаб. Осмотрел меня специалист энфизема в обоих легких внизу. Зимой оставаться в Англии безусловно нельзя будет. В этот раз на волос избег бронхопневмонии. Иначе - бодро смотрю вперед на свои работы. И нежно обнимаю вас и маму.

5 Onslow Villas,, 23 марта 1908 г.

“ Денег... для заключенных никаких нет. Страшно жаль товарищей, а Соня хлопочет, чтоб занять денег, хоть часть, которые потом как-нибудь выплатим!...

апрель 1908

“ ...Энфиземы в нижних частях обоих легких, и велено - впредь зимы в Англии не проводить... На днях познакомился с Наталией Александровной Герцен. Очень рад был, ведь «Тата» для нас совсем свою, родная...

Pansion Badia Cannobio Loe Mojeur. Italia, 12 мая 1908 г.

“ ...Деньги, добываемые экзами надо было бы совершенно исключить как возможный источник дохода. Простой здравый, практический смысл это велит категорически - без всякой теории. И надо, мне кажется, поставить это условием...

5 Onslow Villas, 1 июня 1908 г.

“ Спасибо вам, родные мои, за ваши милые поздравления и пожелания.

Было нас вчера несколько человек, своих, и ни у кого-то веселья не было, и быть не могло. Вспомнить о Чайковском, Брешковской и других сидящих по тюрьмам - какое тут веселье! Только когда Зейтман, скрипач, играл проникнутую глубочайшей тоской вещь Рахманинова, только тогда все чувствовали, что ничего другого и не скажешь...

Вообще наступает пора реакции...

Viola Muswell Hill, 25 сентября 1908 г.

“ ...Читаю теперь сплошь свою книгу, без перерывов другой работаю, и думаю об ней и спрашиваю себя, какое впечатление она произведет на русского читателя?

Скажите, Маруся, ваше мнение. Вы знаете, что авторского самолюбия у меня нет. За свои идеи я стою - свирепо иногда - но изложение их, я знаю по опыту, зависит часто от таких посторонних причин, и часто пустяков, недоглядки... С «мыслями» вы согласны. Как они изложены? Какое общее впечатление?

Viola Muswell Hill, 15 августа 1909 г.

“ ...Если бы г. Le Bon (французский биолог.- В. М.) следил за английской научной литературой, он знал бы, что в Англии меня знают больше как ученого, чем как политического писателя. Причина - та, что я 20 лет обозревал в английской Nature безусловно все естественно-научные работы в России, и часто Швеции и Богемии, и в продолжении 19 лет вел в Nineteenth Century [раздел] Recent Science после Huxley (т. Гексли.- В. М.), и по его плану - критические обзоры главных научных вопросов или даже отделов науки. Бросил в 1901 году, как и Huxley после удара сердца, и с тех пор нет такого обзора ни в одном английском или американском журнале.

Жаль, что Le Bon не читал этих обзоров. Он многое узнал бы из них..., но в виду своих работ, заниматься мне этим некогда, а пожалуй следовало бы издать книгу. Оксфордской университет мне преложил...

В выводах я могу ошибаться, преувеличить значение общественности в эволюции животного мира... Но факты - не мои наблюдения, а извлечения из тех великих натуралистов, отцов описательной зоологии, которые в первой 1/2 19-го века изучали жизнь животных, когда она, почти еще не тронутая человеком, кишмя кишела на прериях и в лесах обеих Америк.

Но довольно об этом¹ Важнее следующее. Упомяните о следующем интересном факте. После выхода моей работы в «XIX Cent». Два русских

натуралиста-зоолога проф. Мензбир в Москве (исследователь Прикаспийской низменности и Персии) и проф. Ал. Брандт, начальник Зоологического музея Академии в Петербурге напечатали (Брандт книжку, а Мензбир - книгу) о том же и массу своих факторов подтвердили мои, не упоминая моего имени - это было до «свобод»... И еще интересно: Кесслер, Северцов, Мензбир, Брандт - четыре больших русских зоолога (и пятый - Поляков, поменьше), и наконец я, просто путешественник, стоим против дарвинского преувеличения борьбы внутри вида. Мы видим массу взаимной помощи, тогда как Дарвин и Уоллес видят только борьбу.

Это объясняется, я думаю, тем, что русские зоологи исследовали громадные континентальные области в умеренном поясе, где борьба вида против естественных препятствий (ранние морозы, бураны, наводнения и т. д.) виднее, тогда как Уоллес и Дарвин исследовали преимущественно береговые полосы тропических стран, где переполнение заметнее. В континентальных областях, нами посещенных, недостаток животного населения, и там возможно переполнение, но только временное... (любопытно, что этот гениальный и честнейший наблюдатель, Дарвин, где-то включил-таки две строчки намека на это)...

Суббота, вечером, 1909 г.

“ ...Митинг в четверг был у-ди-ви-тельный, превосходный. Зал битком набит. Речи - полные энтузиазма, смелые для [лейбористов] и либералов... Хотели в Альберт Холле, но нужно было 200 футов, 120 - Соня собрала...

Viola, 3 ноября 1909 г.

“ Дорогой мой друг,

мы и в науке, кажется, работаем с вами на одном поприще - Дарвин и Ламаркизм. Я сейчас много написал в этом направлении. Мне нужно показать, что Взаимная Помощь не противоречит дарвинизму, если понимать естественный подбор так, как его следует понимать...

11 ноября 1909 г.

“ ...Очень - очень благодарю вас за книгу Моргана... Работа Мечникова о полярных животных очень нужна. Как раз я говорю об этом. Еще с Миддендорфом тогда же, при появлении «Происхождения видов» об этом говорил. Это был его главный аргумент против Дарвина. Для меня с братом (уже трансформистов) это было несомненно, особенно, когда он приводил [пример] якутских лошадей...

Rapallo, 7 января 1910 г.

“ ...Виды чудесные, прогулки дивные! таких тонов при закате солнца нигде не видел. Одно слово - Средиземное море! И при одной мысли, что я на берегу этой колыбели нашей цивилизации, весь ум настраивается на какой-то высокий лад. Так и хочется написать что-то хорошее. Какой я глупый, что раньше сюда не попал. По-итальянски читаю романы без запинки; говорю с российской смелостью. Итальянцев Соня и я находим бесконечно милыми, а таких детей нигде в мире нет. Почтенный народ...

Viola Muswell Hill, 23 июля 1910 г.

“ ...Корректуры и посетители - и письма. И теперь, покуда писал это письмо (утром, заметьте), пришлось прервать: посетительница из Петербурга. Никогда еще столько народа - американцев, русских, немцев - не приезжало через Лондон, сколько в этот сезон. Почти каждое после-обеда кто-нибудь приходит. А тут еще русские артисты и т. д. Ну, довольно болтать. А то еще какая-нибудь феминистка египетская или японская нагрывает, и придется положить письмо...

British Museum, 16 сентября 1910 г.

“ ...Не могу справиться с работой в Temps Nouveaux и Freedom - и запаздываю. А мне - жить недолго. Хочу закончить работы, которые без меня останутся незаконченными... Взялся за «Влияние среды на животных». Нужно напечатать статью до отъезда.

Rapallo, понедельник 12 декабря 1910 г.

“ ...Надо вам сказать, что я засел месяца два тому назад за работу о Толстом. Его письма, напечатанные Бирюковым, сильно заинтересовали меня в драме его личности. А тут подошел его отъезд, затем - смерть. Я постарался свести итоги в английской большой статье. А короткую послал в «Утро России», которая (первая русская газета, обратившаяся ко мне за статьей!) просила дать статью...

Viola Muswell Hill, 30 сентября 1911 г.

“ ...А я пишу в постели. Не везет мне этот год, вот уже с марта. Опять вступил в период, который у меня был одно время: усиленная работа - болезнь - усиленная работа - болезнь... Нужно разобрать и уложить в ящики тонны три книг (в связи с переездом в Брайтон). Ну, авось, справлюсь...

Лондон, 16 октября 1911 г.

“ ...Я много думал все это время в том, что нужно в данную минуту для анархистов в России... определенное отрицание якобинских приемов, принимавшихся до сих пор в России за анархию, а именно: 1) отрицание экспроприаторства как средства приобретения денег для революционной работы и 2) безусловное отрицание багровщины как средства борьбы с реакцией...

9 Chesam Str. Brighton, 22 января 1912 г.

“ ...Несколько англичан хотел открыть английский комитет помощи голодающим в России. Послезавтра в Лондоне - большой Protest Meeting против российских безобразий, хотел ехать да простудился. Вот уже неделю кашель, лихорадит! Сегодня строчил доклад. До того отчаянно скверно в России. Просто руки опускаются...

Brighton, 21 ноября 1912 г.

“ ...Я хочу серьезно написать, хоть вкратце, свою Этику... Мне мало осталось жить и хочу кончить Этику, хоть вчерне... Слег так некстати. На рождение пришло свыше 400 писем, телеграмм, адресов. Нужно писать ответы, хоть не всем, я лежу! Тоска! Что меня больше всего порадовало, что десятки адресов от рабочих синдикатов Португалии... из России адрес с 250 подписями, адреса от групп, студентов, рабочих союзов - нагло, смело, по телеграфу, с подписями. Даже от одного экс-министра виттевского!...

Brighton, 12 декабря 1912 г.

“ ...Здоровье незавидное. Простуда не прошла еще. Сейчас кончил инвентарь полученных приветов, на которые надо ответить (коллективно сделаю или лично). Оказалось свыше 500!...

П. А. Кропоткин - А. Л. Теплову

Brighton, сентябрь 1915,

“ ...Сейчас прочел в речи от 28 мая (10 июня), что ходатайство бабушки* насчет разрешения ее проживать в Балаганске разрешено. Она будет отправлена туда на днях. Балаганск всего в 100 верстах от Иркутска, 1920 жителей, довольно значительная торговля. Спешу порадовать вас...

Brighton, 6 января 1916

Пожелайте к Новому году... и удачного окончания этой ужасной войны изгнанием завоевателей из Франции, Бельгии, Сербии и балтийского края и освобождения Польши от войск трех завоевателей и освобождения России от теперешних угнетателей и негодяев...